ISSN 2414-5815

Право Экономика Психология

научно-практический журнал

№ 2 (7)

2017

Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 2 раза в год
Издается с января 2015 года

2017 № 2(7)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:
В.В. Богатырева (*зам. главного редактора*),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.Ф. Трацевская,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:
Т.В. Воронович (*Беларусь*),
С.А. Трахименок (*Беларусь*),
В.М. Хомич (*Беларусь*),
Ю.Н. Карандашев (*Польша*),
Т.В. Сенько (*Польша*),
В.А. Моляко (*Украина*),
Н.А. Адамов (*Россия*),
Л.В. Винницкий (*Россия*),
Р.А. Курбанов (*Россия*),
К.В. Павлов (*Россия*),
А.И. Савенков (*Россия*),
С.М. Шингаев (*Россия*)

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридической, экономической и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Подписано в печать 18.09.2017 г.
Формат 60 x 84 $^1/_8$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,49. Уч.-изд. л. 14,36.
Тираж 100 экз. Заказ 134.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». 210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

ПРАВО

Пугачёв А.Н. Основной закон и категория «переходного периода» 3

Демичев Д.М. Местное самоуправление в Республике Беларусь как публично-властная форма демократии 8

Барышев В.А. Гражданско-правовая ответственность государства за причинение вреда в международном частном праве 16

Николичев Д.Н. Свобода усмотрения в полномочиях представителя закономерности развития и оформления 22

ЭКОНОМИКА

Горячева С.М., Прастакова А.С. Выбор зарубежного канала сбыта белорусской молочной продукции 29

Бекиш Е.И. Экономическая эффективность деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» и направления ее повышения 34

Сулейманов З.Э. Развитие форм и методов межгосударственной бизнес-интеграции 38

Павлов К.В., Степчук М.А., Пинкус Т.М. Динамика развития медицинской помощи населению в условиях модернизации здравоохранения Белгородской области России 43

ПСИХОЛОГИЯ

Кухтова Н.В., Старовойтов А.В. Сравнительный анализ отношения педагогов к здоровью 55

Алексеенко Н.В. Стилевые особенности саморегуляции у работников уголовно-исполнительной службы с разным уровнем психологической готовности к инновационной деятельности 62

Корниенко И.А. Динамика совладающего поведения в период средней и поздней взрослости 67

Абрамова Л.Н. О трудностях взаимоотношений дошкольников в совместной деятельности 72

Кияшко Д.Ю. Структурно-функциональная модель психологических условий преодоления страхов в юношеском возрасте 83

Богомаз С.Л., Гучкова А.С. Терминологическое поле психологического феномена «образ будущего ребенка у беременной женщины» 91

Касачова В., Бабякова С. Современное педагогическое исследование концепции рефлексивной деятельности 97

Косаревская Т.Е., Бекренева Ю.В. Стратегии преодоления трудностей у студентов с различным уровнем жизнестойкости 107

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 2 times a year
Published since January 2015

2017 № 2(7)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

EEditor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:
V.V. Bogatyreva (*Deputy Editor-in-Chief*),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
D.M. Demichev, A.G. Egorova,
V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.F. Tratsevskaya,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
G.A. Yasheva, V.A. Yanchuk

Editorial Counsil:
T.V. Voronovich (*Belarus*),
S.A. Trakhimenok (*Belarus*),
V.M. Khomich (*Belarus*),
Yu.N. Karandashev (*Poland*),
T.V. Senko (*Poland*),
V.A. Moliako (*Ukraine*),
N.A. Adamov (*Russia*),
L.V. Vinnitski (*Russia*),
R.A. Kurbanov (*Russia*),
K.V. Pavlov (*Russia*),
A.I. Savenkov (*Russia*),
S.M. Shingayev (*Russia*)

Scientific and practical journal
«Law. Economics. Psychology»
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Signed print 18.09.2017. Size 60x84$^{1}/_{8}$.
Offset paper. Conventional printed
sheet 13,49. Publisher's sheet 14,36.
Circulation 100 copies. Order 134.

Publisher and printing performance –
educational establishment «Vitebsk State
P.M. Masherov University». 33, Moskovsky
Prospect, 210038, Vitebsk.

Certificate of state registration as a publisher,
manufacturer, distributor of publications
№ 1/255, 31.03.2014.

LAW

Pugachev A.N. The Basic Law and Category of the Transition Period 3

Demichev D.M. Local Self-Government in the Republic of Belarus as a Public and Authoritarian Form of Democracy 8

Baryshev V.A. Civil and Legal Responsibility of the State for Causing Damage in International Private Law 16

Nikolichev D.N. Discretion in Full Powers of a Representative, Regularities of the Development and Execution 22

ECONOMICS

Goryacheva C.M., Prastakova A.S. Selection of Foreign Distribution Channel for Belarusian Dairy 29

Bekish E.I. Economic Efficiency of Open Joint Stock Company "Vitebsk Oil-Extracting Factory" and Directions of its Increase 34

Suleimanov Z.E. Development of Forms and Methods of Interstate Business Integration 38

Pavlov K.V., Stepchuk M.A., Pinkus T.M. Dynamics of development of medical care to the population in the conditions of health care upgrade of the Belgorod region 43

PSYCHOLOGY

Kukhtova N.V., Starovoitov A.V. Comparative Analysis of the Attitude of Teachers to Health 55

Aleksieienko N.V. Stylistic Features of Self-Regulation among Employees of Criminal and Executive Service with Different Levels of Psychological Readiness for Innovations 62

Korniyenko I.A. Dynamics of Coping during the Middle and Late Adulthood 67

Abramova L.N. On the Difficulties of Relationships in Preschoolers Joint Activities 72

Kiyashko D.Yu. Structural and Functional Model of Psychological Conditions for Overcoming Adolescent Fears 83

Bogomaz S.L., Guchkova A.S. Terminology Field of the Psychological Phenomenon of a Pregnant Woman's Future Baby Image 91

Kasachova V., Babiakova S. A Contemporary Pedagogical Study of Reflexive Activity Concept 97

Kosarevskaya T.E., Bekreneva Yu.V. Strategies of Overcoming Hardships for Students with Different Level of Vitality 107

УДК 342.4:340.115.7(476)

Основной закон и категория «переходного периода»

Пугачёв А.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Актуализируется дискуссия о «постоянных» и «временных» конституциях, критически осмысливается категория «переходного периода», обуславливающего момент принятия нового основного закона. Страноведческая специфика представлена в контексте сравнительно-правовых исследований. Выясняются причины принятия временных конституций, особенности перехода в стадию устойчивого (постоянного) развития. Показан позитивный и негативный опыт соответствующих трансформаций. Особое внимание уделено ситуации с Основным Законом Германии. Даётся критический анализ теории «преобразования» конституции без формального изменения её основ. Объясняется связь между конституциями «переходного периода» и авторитарными режимами. Соответствующий этап (1990–1994 гг.) конституционного развития Беларуси характеризуется в положительном ключе.

Целью данной работы является изучение категории «переходного периода» в контексте дискуссии о причинах и способах принятия конституций.

***Материал и методы.** Исследование осуществлено на основе исторического и сравнительно-правового методов, используемых в юриспруденции. В качестве объектов изучения выступают конституции, принятие которых обусловлено рамками «переходного периода». Показаны особенности конституционного процесса такого рода, поливариантность поведения власти, учреждающей основной закон. Отмечены положительные и отрицательные стороны ситуаций с переходным периодом.*

***Результаты и их обсуждение.** Признаётся невозможным определить некую единую модель, по которой принимаются конституции «временного» характера. Раскрывается авторская позиция по вопросу обоснованности обращения к таким нетрадиционным способам легализации основного закона.*

***Заключение.** На основе сравнительно-правового исследования оценивается ситуация в Беларуси 1990–1994 гг., когда в Верховном Совете и Конституционной комиссии разрабатывалась первая Конституция суверенного белорусского государства.*

***Ключевые слова:** основной закон, переходный период, конституционализм, «постоянные» и «временные» конституции, правовые рамки, учредительная власть, стиль революции, юридические традиции.*

The Basic Law and Category of the Transition Period

Pugachev A.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The discussion of "permanent" and "provisional" constitutions is being updated. The category of the transition period is critically interpreted. A country's specificity is presented in the context of comparative and legal studies. The reasons for the adoption of provisional constitutions, as well as the peculiarities of transition to the stage of sustainable (permanent) development are elucidated. Positive and negative experiences of the corresponding transformations are shown. Particular attention is paid to the situation with the Basic Law of Germany. Critical analysis of the theory of the Constitution Transition without formal changes of its bases is given. The connection between the constitutions of the transition period and authoritarian regimes is explained. The corresponding stage (1990–1994) of the constitutional development of Belarus is characterized in a positive way.

The aim of this article is to study the category of the transition period in the context of the discussion on the reasons and methods for the adoption of constitutions.

***Material and methods.** The research is based on historical and comparative legal methods used in jurisprudence. The objects of the study are constitutions, the adoption of which is conditioned by the framework of the transition period. Features of such a constitutional process are shown, as well as many options for the behavior of the authorities that establish the Basic Law. Positive and negative aspects of the transitional period are noted.*

***Findings and their discussion.** It is recognized as impossible to determine a single model by which constitutions of a "temporary" nature are adopted. The author's position on the issue of the validity of applying to such non-traditional ways of legalization of the Basic Law is disclosed.*

***Conclusion.** Based on a comparative legal study, the situation in Belarus in 1990–1994 is estimated when the first Constitution of the sovereign Belarusian state was developed in the Supreme Council and the Constitutional Commission.*

***Key words:** Basic Law, transition period, constitutionalism, "permanent" and "temporary" constitutions, legal framework, constituent power, style of revolution, legal traditions.*

Принятие нового основного закона может быть обусловлено окончанием периода действия конституции. Здесь следует видеть два подхода [1, с. 146]. Один является, строго говоря, формально-юридическим, то есть в самой конституции устанавливается срок её действия, что и приведёт к разработке нового основного закона. Во втором случае применяется категория «переходного периода». Рассмотрим оба варианта. Однако оговоримся, что они не имеют в данном контексте отношения к дуалистической конструкции, описанной И.И. Царьковым [2, с. 216]: она доказывает мысль о том, что конституция, как и любой закон, – это временный документ; но может и возноситься актом вечным и неизменным (если конституционный правопорядок мыслится не как производный от неких условий жизни, а как безусловный – значит, определяемый метафизическими основаниями).

Изучению причин появления конституций в условиях «переходного периода» уделяется недостаточное внимание в современной науке, сама тема является новой, слаборазвитой, дискуссионной. В Беларуси и России специальные научные исследования отсутствуют, фрагментарно проблематика раскрывается в работах И.И. Царькова [2], М.Ф. Чудакова [3], С.А. Авакьяна [1], А.Н. Медушевского [4], Н.А. Бобровой [5], А.В. Курьяновича [6].

Цель работы – изучение категории «переходного периода» в контексте дискуссии о причинах и способах принятия конституций.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе исторического и сравнительно-правового методов, используемых в юриспруденции. В качестве объектов изучения выступают конституции, принятие которых обусловлено рамками «переходного периода». Показаны особенности конституционного процесса такого рода, поливариантность поведения власти, учреждающей основной закон. Отмечены положительные и отрицательные стороны ситуаций с переходным периодом.

Результаты и их обсуждение. Временная конституция с заранее оговорённым «календарным» сроком действия – явление исключительно редкое в мировой практике. Но такие случаи имели место (Конго, Мадагаскар, ЮАР). Например, на первом после упразднения в Непале монархии созыве Конституционного собрания в 2008 году народные избранники установили себе крайний срок написания основного закона страны – 28 мая 2010 года, но из-за непрекращающихся политических неурядиц конституция так и не была написана. Лишь за считанные часы до истечения этого срока стране удалось избежать конституционного кризиса – срок написания конституции продлили ещё на год – до 28 мая 2011 года. Однако основной закон так и не появился. К тому же полномочия Конституционного собрания должны были закончиться с наступлением этой даты, и страна могла остаться без легитимного парламента, правительства и какой-либо, даже временной, конституции. Поэтому непальские законодатели в последний день действия временной конституции страны продлили срок её легитимности, а также полномочий Конституционного собрания (парламента) и правительства ещё на три месяца.

Всё это говорит о том, что при принятии решения о действии временной конституции его инициаторам не стоит «загонять» себя под заранее установленные сроки, целесообразнее оговаривать период действия такой конституции наступлением определённого события. Это более распространённая практика. Например, Конституция Таиланда 1959 года, включавшая всего 20 статей, действовала до выработки проекта постоянной Конституции Учредительным собранием. О «постоянной» Конституции этой страны можно говорить умозрительно, так как с 1959 года в Таиланде произошли десятки государственных переворотов со сменой множества конституций.

Временные конституции принимаются, замечает М.Ф. Чудаков [3, с. 149], как правило, в особых ситуациях – во времена потрясений, революций, военных переворотов, связанных с изменением государственного устройства. Временный характер конституции подчёркивается либо в названии конституции, либо в законах о введении её в действие. Временная конституция может называться, например, «Временный конституционный акт», «Временная конституция страны», «Конституционная декларация». Несмотря на то что временные конституции устанавливают срок своего действия, он приурочен не к конкретной дате (случай с Непалом здесь исключение), а к какому-либо событию: созыву учредительного собрания, конституционного конвента или к проведению референдума по принятию постоянной конституции. Такая практика имела место во многих постсоветских республиках бывшего СССР, а также после крушения социалистической системы. Принимались эти конституции, как правило, в упрощённом порядке, чаще всего – парламентами.

Достаточно распространённой в практике конституционализма является категория «переходного периода», обуславливающего момент принятия нового основного закона. По мнению С.А. Авакьяна [1, с. 147], под таким периодом понимается время, в течение которого будут решены генеральные задачи, заложенные в основном

законе, и реализован так называемый потенциал конституции. А после этого, следуя логике самих слов о «переходном периоде», казалось бы, надо принимать новую и уже постоянно действующую конституцию.

Классическим примером такой ситуации является принятие Конституции Республики Польша в 1997 году, и вот почему. Нынешняя конституционная система Польши сложилась в результате реформ, начатых в конце 1980-х годов. В апреле 1989 года была восстановлена двухпалатная структура польского парламента, а Государственный Совет, высший коллегиальный орган государственной власти, был ликвидирован и одновременно учреждён институт единоличного главы государства – Президента, избираемого Национальным Собранием Польши. Поправки к Конституции, принятые в декабре 1989 года, фактически изменили характер основ общественного устройства страны, признали и предоставили равную защиту различным формам собственности, ввели принцип политического плюрализма. Осенью 1990 года в Конституцию были внесены изменения, касающиеся выборов Президента. Глава государства стал избираться непосредственно гражданами страны (первым всенародно избранным Президентом Польши стал Лех Валенса, лидер общенационального движения «Солидарность», лауреат Нобелевской премии мира). Значительным этапом явилось принятие 17 октября 1992 года Конституционного закона (получившего название *Малой Конституции*) о взаимных отношениях между законодательной и исполнительной властью, а также о территориальном самоуправлении.

Действующая Конституция Польши была принята Национальным Собранием только 2 апреля 1997 года и одобрена на референдуме 25 мая 1997 года. Таким образом, продолжительность «переходного периода» составила 8 лет, что оказалось достаточным для мирного «демонтажа» социалистической системы с 1989 года. Как верно отмечается, последующие и «нынешние реформы польской правовой системы также проводятся очень осторожно, без спешки, сопровождаются длительными дискуссиями и подготовительными работами» [7, с. 520]. Более подробно о теории и практике польского конституционализма можно прочитать у А.Е. Вашкевича [8], понимание которого, с точки зрения учёного, актуально для белорусской юридической науки уже хотя бы в силу 400-летней общности государственно-исторического, экономического и социокультурного развития наших народов.

По сходному с польским сценарию развивались события в Албании. Как известно, с 1944 по 1991 год в стране существовал однопартийный коммунистический режим, но с 1989 года начался процесс коренных преобразований, который привёл к разрушению существовавшей тоталитарной системы. Демократизация общественно-политической жизни сопровождалась обновлением государственно-правовых структур.

До 1990-х годов в Албании действовала социалистическая Конституция 1976 года, однако с началом демократических преобразований 24 апреля 1991 года была принята «временная» Конституция страны – Закон об основных конституционных положениях [7, с. 23]. В 1993 году он был дополнен Хартией основных прав и свобод человека. 21 октября 1998 года Парламентом принята новая, демократическая Конституция Республики Албания, одобренная на референдуме 22 ноября 1998 года. Особо отметим, что в указанный «переходный период» почти всё законодательство в стране было пересмотрено в соответствии с принципами западной демократии, прав человека и свободной рыночной экономики, а в результате масштабных правовых реформ Албания к середине 1990-х годов перешла из социалистической правовой семьи в романо-германскую (континентальную). Албанский пример наглядно иллюстрирует, каким образом можно эффективно распорядиться временем, отпущенным под «переходный период». К началу преобразований страна была самой нищей и отсталой в Европе, а ныне являет собой сплошную строительную площадку – регион, притягательный для иностранных инвесторов.

Необычна ситуация с «переходным периодом», имевшая место в Германии. Принятый в 1949 году Основной Закон ФРГ, действующий и поныне, рассматривался временным документом не только в период раздела Германии на ФРГ и ГДР, но и после Договора об объединении Германии 1990 года. Вот что гласит статья 146 этого верховного акта: «Настоящий Основной Закон, который в результате обретения Германией полного единства и свободы распространяется на весь немецкий народ, прекратит своё действие в день, когда вступит в силу Конституция, принятая свободным решением немецкого народа» [9, с. 104]. Следствием объединения стали многочисленные поправки к Основному Закону, которые, однако, не поколебали его духа и принципов. Но факт остаётся фактом – на 2017 год в этой стране так и не принята общегерманская Конституция. В ней просто нет надобности.

На это обстоятельство обращают внимание многие учёные, предлагая разные трактовки такому «временному» основному закону. М.Ф. Чудаков пишет: «Иногда временная конституция, если не возникает необходимости её

изменять, становится постоянной. Классический пример – Конституция ФРГ 1949 года. Она была принята как временная и охватывала не всю Германию, а так называемую англо-американо-французскую зону оккупации. ФРГ принимала эту Конституцию даже неполным составом парламента: предполагалось, что вскоре остальная часть Германии присоединится к ФРГ и будет принята другая конституция. Однако другая часть Германии превратилась в ГДР, и в итоге временная Конституция ФРГ служит в качестве основной и по сей день, правда, с определёнными дополнениями» [3, с. 149].

Немецкие политики, государствоведы, юристы обычно не проводят терминологической разницы между Основным Законом и Конституцией, когда говорят о верховном акте страны. В 1994 году Федеральный Президент Р. Херцог указал, что после «завершения процесса, обеспечивающего государственное единство Германии, на основе свободного и сознательного решения граждан Основной Закон стал общегерманской Конституцией» [9, с. 3], а профессор В. Бергманн уточняет, что уже с 1955 года (момента подписания союзнического «Договора о Германии») «Основной Закон в правовом отношении стал полноценной конституцией» [9, с. 7]. Как показывает современное развитие событий, «переходный период» в Германии не закончится никогда, да и зачем что-либо кардинально менять, если действующий Основной Закон полностью справляется с возложенными на него задачами? Можно вспомнить и о том, что в ФРГ в наше время в системе законодательства находятся нормативные акты, принятые во времена Веймарской Республики и Нацистского Третьего Рейха (!), что наглядно иллюстрирует немецкий консерватизм и традиционализм, непринятие радикальных методов государственно-правовых преобразований.

Случай с германским опытом наглядно демонстрирует неопределённость и условность категории «переходный период». Но это, надо признать, скорее исключение из правил, тем более – с положительным результатом. Практика знает немало примеров обратного толка. Суть вопроса достаточно чётко изложена у С.А. Авакьяна [1, с. 147], и смысл его рассуждений состоит в следующем.

Сторонники сохранения принятой конституции могут растянуть «переходный период» на длительное время, утверждая, что всё ещё происходит формирование новых общественных отношений. Появилась даже теория так называемого «преобразования» действующей конституции, когда её нормы сами по себе остаются нетронутыми, но через текущие акты и политическую практику приспосабливаются к новым реалиям. В этом как раз и состоит опасность: ведь на протяжении всего «переходного периода» общество живёт в состоянии неустроенности. Можно ждать стабилизации политических и экономических отношений несколько лет. Но если всё затягивается на десятилетия, налицо не «переходный период», а элементарная попытка «под маркой» такого периода сохранить в чём-то нежизненные общественные отношения или же формальное действие ставшей уже в сильной степени фиктивной конституции. Сюда можно отнести Конституцию Танзании 1965 года, которая действовала в течение 12 лет; в Объединённых Арабских Эмиратах – 25 лет (1971–1996 гг.); Конституция Ирака 1970 года действовала до 2004 г., момента свержения режима С. Хусейна (в 2005 году на референдуме была принята «постоянная» конституция страны).

Категория «переходного периода» оказалась востребованной различного рода диктаторами, хунтами и прочими узурпаторами в XX веке. Особенно это затронуло страны Латинской Америки, Азии, Африки. Как правило, в результате военного переворота пришедшие к власти новые лидеры (генерал Стресснер правил 42 года [10, с. 7]) устанавливают «переходный период», объясняя это чрезвычайной ситуацией и общей политической нестабильностью, а затем уже комментируют, что позже будет принята новая конституция в условиях неминуемой стабилизации после преодоления трудностей. Но поскольку у любых авторитарных режимов всегда находятся внутренние и внешние враги, «переходный период» очень соблазнительно продлевать до бесконечности (в этом диктаторы уверены), однако на деле всё заканчивается очередным переворотом либо революцией. Абсолютно права Н.А. Боброва: «Любой переходный период, на мой взгляд, это всего лишь благообразный псевдоним чрезвычайщины» [5, с. 130].

Но даже если в таких условиях принимаются «постоянные» конституции, «факт установления неограниченного срока их действия отнюдь не гарантирует их вечности, а лишь указывает на намерения законодателя в момент принятия» [11, с. 70]. Для многих государств XX века «конституционная чехарда» представляла собой обычное явление. Десятки «временных» и «постоянных» конституций насчитывает современная история Боливии, Венесуэлы, Гаити, Доминиканской Республики, Йемена, Таиланда и ряда других стран. Иметь основной закон в государстве и практиковать конституционализм – вещи совершенно разные.

Заключение. Стратегия конституционной революции, основанная на принятии новой конституции вне правовых рамок прежней и исключительно на основе новой легитимности, идеально подходит, как показал исторический опыт,

к модели «временной конституции». Постоянное обращение к временным конституциям, отмечает А.Н. Медушевский [4, с. 468], – это своего рода стиль революции, стремившейся остановить неизбежное приближение контрреволюции, сохранить ситуацию «переходного периода» и конституционной неопределённости, не допустить преобразования философских принципов в правовые нормы. Стремление перенести решающий момент принятия конституции «на потом», когда все революционные изменения будут завершены и станут необратимыми, отражает условность подхода революционеров к конституционализму. Но есть и обратные примеры. Американцы не форсировали принятие конституции, и для её появления потребовался немалый период (с 1776 по 1791 г.). Здесь сказались влияние англосаксонской правовой традиции, чрезвычайно высокий уровень образованности и рассудительности истеблишмента.

Беларусь удачно воспользовалась «переходным периодом» 1990–1994 гг., когда в этот промежуток времени плодотворно работала Конституционная комиссия, созданная при Верховном Совете XII созыва. Несмотря на объективно возникавшие проблемы и политические разногласия, в 1994 году наша страна обрела свою первую Конституцию как независимое государство. Здесь события развивались в русле, характерном для большинства бывших республик Союза ССР (более подробно см. монографии А.В. Курьяновича [6], Г.А. Василевича [12], В.А. Круталевича [13] и М.Ф. Чудакова [14]). Особняком стояла Латвия, реанимировавшая Конституцию 1922 года. Как оказалось, и это также может быть жизнеспособным проектом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. – М.: Юристъ, 2005. – Т. 1. – 719 с.
2. Царьков, И.И. Метафизика конституционности / И.И. Царьков // Правоведение. – 2006. – № 5. – С. 216–228.
3. Чудаков, М.Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. пособие / М.Ф. Чудаков. – Минск: ООО «Новое знание», 2001. – 576 с.
4. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский; Гос. ун-т – высш. шк. экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.
5. Боброва, Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России: монография / Н.А. Боброва. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 264 с.
6. Курьянович, А.В. Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие: монография / А.В. Курьянович. – Минск: Тесей, 2010. – 176 с.
7. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.Я. Сухарев. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА, 2001. – 840 с.
8. Вашкевич, А. Основы конституционного права Республики Польша: пособие для студентов вузов / А. Вашкевич. – Минск: Тесей, 2007. – 488 с.
9. Основной Закон Федеративной Республики Германия. Введение и научное консультирование: проф. В. Бергманн. – Бонн: Клаусен & Боссе, Лек, 1998. – 47 с.
10. Лардэйрэ, Г. Канстытуцыі і сістэмы выбараў: што кажа гістарычны вопыт / Г. Лардэйрэ; пер. з фр. Ю. Барысевіча. – Мінск: Фонд Сораса-Беларусь, 1994. – 40 с.
11. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для юрид. вузов: в 4 т. / Г.Н. Андреева [и др.]; под ред. Б.А. Страшуна. – М.: БЕК,1996. – Т. 1–2. – 778 с.
12. Василевич, Г.А. 1991 год: хроника пикирующей страны / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2012. – 171 с.
13. Круталевич, В.А. На путях национального самоопределения БНР – БССР – РБ / В.А. Круталевич; под ред. В.Г. Гавриленко. – Минск: Право и экономика, 1995. – 138 с. – (Сер. Общественно-политические науки).
14. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996 гг.): монография / М.Ф. Чудаков. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 327 с.

Поступила в редакцию 30.05.2017 г.

УДК 342.22:342.4:352(476)

Местное самоуправление в Республике Беларусь как публично-властная форма демократии

Демичев Д.М.

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

Муниципальная демократия – это особая организация публичной власти.

Цель работы – изучить правовые основы местного самоуправления как публично-властной нормы демократии и важнейшей категории конституционного и муниципального права.

Материал и методы. *Источниковедческую базу исследования составляют международные и национальные нормативные правовые акты, специальная научная литература, труды Г. Еллинека, Б.Э. Нольде, Н.М. Коркунова, В.Н. Чичерина, К. Маркса, В.И. Ленина, Н.С. Бондаря и др. При написании статьи использовались методы: анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнительного правоведения, толкования норм права.*

Результаты и их обсуждение. *Самоуправление как публично-властная форма демократии есть самоорганизация населения территориальной единицы, жителей населенного пункта (его части), членов или участников общественного объединения, членов трудового коллектива. Местное самоуправление является важнейшим принципом демократической системы управления.*

Вопросы оптимизации деятельности местного самоуправления требуют совершенствования законодательства, уточнения полномочий органов местного самоуправления, укрупнения сельских и поселковых Советов депутатов, предоставления местным Советам депутатов права законодательной инициативы, укрепления их мате-риально-технической и финансовой базы.

Заключение. *Поиск новых более совершенных систем руководства, норм и методов организационно-правовой деятельности органов местного самоуправления является важнейшим резервом повышения их социальной роли.*

Ключевые слова: *Конституция Республики Беларусь, местное самоуправление, публично-властная форма демократии, конституционный строй, законодательная инициатива, административно-территориальные единицы, местные референдумы, местные собрания, территориальные уровни.*

Local Self-Government in the Republic of Belarus as a Public and Authoritarian Form of Democracy

Demichev D.M.

Educational Establishment "Belarusian State Economic University"

Municipal democracy is a special organization of public authority.

The purpose of the work is to investigate legal foundations of local self-government as a public authority rule of democracy and the most important category of constitutional and municipal law.

Material and methods. *The sources of the research are made up of international and national normative legal acts, special scientific literature, the works of G. Jellinek, B.E. Nolde, N.M. Korkunov, V.N. Chicherin, K. Marx, V.I. Lenin, N.S. Bondar, etc. The following methods were used: analysis, synthesis, induction, deduction, comparative law, interpretation of the law.*

Findings and their discussion. *Self-government as a public and authoritarian form of democracy is the self-organization of the population of a territorial unit, residents of a settlement (part of it), members or participants of a public association, members of the work collective. Local self-government is the most important principle of a demo-cratic governance system.*

The issues of optimizing the activity of local self-government require improvement of legislation, clarification of the powers of local self-government bodies, enlargement of rural and settlement Councils of Deputies, the provision of the right of legislative initiative to local Councils of Deputies, and strengthening of their material, technical and financial base.

Conclusion. *The search for new more advanced management systems, norms and methods of organizational and le-gal activity of local government bodies is the most important reserve to enhance their social role.*

Key words: *Constitution of the Republic of Belarus, local self-government, public and authoritarian form of democracy; constitutional order, legislative initiative, administrative-territorial units, local referendums, local meetings, territorial levels.*

Будучи универсальным императивом организации публичной власти на различных территориальных уровнях государства, демократия имеет свои специфические особенности. Через демократию и участие населения в делах государства формируются гражданственность, политическое сознание и политическая культура людей, обогащается духовная жизнь человека и общества. Особенности муниципальной демократии определяются, прежде всего, самой организационно-правовой природой местного самоуправления. Демократия и самоуправление являются социально-политической основой становления правового государства и развития самоуправляющихся структур и институтов гражданского общества.

Цель работы – изучить правовые основы местного самоуправления как публично-властной нормы демократии и важнейшей категории конституционного и муниципального права.

Материал и методы. Источниковедческую базу исследования составляют международные и национальные нормативные правовые акты, специальная научная литература, труды Г. Еллинека, Б.Э. Нольде, Н.М. Коркунова, В.Н. Чичерина, К. Маркса, В.И. Ленина, Н.С. Бондаря и др. При написании статьи использовались методы: анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнительного правоведения, толкования норм права.

Результаты и их обсуждение. Самоуправление как публично-властная форма демократии есть самоорганизация населения территориальной единицы, жителей населенного пункта (его части), членов или участников общественного объединения, членов трудового коллектива. Оно предполагает самостоятельный выбор целей и путей их достижения самоуправляющимися структурами при сохранении взаимодействия с иерархически иными структурами с целью улучшения качества жизни населения соответствующей территории. В демократическом обществе самоуправлением можно назвать самоорганизацию всего народа, поэтому в конституциях многих государств местное самоуправление закреплено как важнейший принцип демократической системы управления, гарантирующей местное самоуправление, и, следовательно, существенная составная часть конституционного строя.

Понятие «местное самоуправление» рассматривается как одно из неотъемлемых коллективных прав населения соответствующей территории и отражает сложное и многообразное явление, становление и развитие которого неразрывно связано с историческими, политическими, экономическими, этническими, культурными особенностями и традициями территории.

В большинстве стран самоуправление – это категория конституционного и муниципального права и используется обычно в конституционно-правовом регулировании, особенно в таких понятиях, как «народное самоуправление», «местное самоуправление», «территориальное общественное самоуправление». Вместе с тем в ряде стран (Великобритания и др.) вопросы местного управления и самоуправления регулируются нормами административного права.

Современные концепции местного самоуправления базируются преимущественно на идеях теоретических подходов, сложившихся исторически и пересмотренных с учетом современных реалий. Модели взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления достаточно разнообразны. Как самостоятельное явление местное самоуправление зародилось еще в глубокой древности. Оно существовало в качестве общинного самоуправления еще до государственно-организованного общества и прошло этапы античного мира, Средних веков и Нового времени. Отдельные исследователи находят элементы местного самоуправления даже в Киевской Руси и в период татаро-монгольского нашествия [1, с. 8–45].

В первой трети XIX века возникновение проблемы самоуправления в западноевропейской правовой мысли представляло собой теоретический противовес практике абсолютистского государства.

Разработка теоретических проблем местного самоуправления и теории «свободной общины» была осуществлена германскими правоведами Э. Мейером, О. Рёсселом, Р. Аренсом. Она базировалась на нормах французского и бельгийского права конца XVIII – начала XIX столетия. Главная направленность данной теории заключается в обосновании необходимости ограничения вмешательства государства в дела общины. Основанная на идее естественного права, эта теория исходила из признания общины как независимого от государства естественно сложившегося организма. Согласно данной теории органы местного самоуправления – это не органы государственной власти, а общественные органы, которые выбираются обществом (общинами). Положения теории «свободной общины» нашли отражение, в частности, в Конституции Бельгии 1831 г., в которой наряду с классической триадой властей – законодательной, исполнительной и судебной – признавалась особая, *«общинная» власть.*

В 1848 г. в так называемую Имперскую Конституцию Германии также были включены права территориальной общины.

Против концепции «свободной общины» выступил знаменитый немецкий теоретик права, профессор Гейдельбергского университета Г. Еллинек (1851–1911 гг.). Он писал: «… какие бы территориальные союзы ни существовали в пределах го-

сударства, территория их всегда является в то же время государственной территорией» [2, с. 479].

На смену теории свободной общины в несколько измененном виде пришла *хозяйственная теория местного самоуправления.* Её сторонниками были знаменитый немецкий юрист Р. Моль (1799–1875 гг.), российский юрист, председатель Московского юридического общества В.Н. Лешков (1810–1881 гг.), русский писатель и общественный деятель, князь А.И. Васильчиков (1818–1881 гг.). Они полагали, что местное самоуправление имеет свою сферу ведения – хозяйственную, отличную от сферы ведения государства – политической. Таким образом, обосновывался негосударственный характер деятельности органов местного самоуправления. Самоуправление считалось таким же самостоятельным, как и государство, но в пределах ведения собственными делами.

С середины XIX века господствующей в теоретико-правовой науке становится «государственная теория» самоуправления. Ее основателями признаны германские правоведы Л. Штейн (1815–1890 гг.) и Р. Гнейст (1816–1895 гг.). Основная идея данной теории – любая деятельность по управлению, осуществляемая носителем публичных прав и обязанностей, есть деятельность государственная. Не обособление местного союза от государства, а, наоборот, обеспечение государственных интересов и целей составляет сущность местного самоуправления.

В России активным сторонником государственной теории местного самоуправления был русский ученый – юрист, философ права Н.М. Коркунов (1853–1904 гг.). Он утверждал, что местное самоуправление сводится не к «самостоятельному заведованию местным сообществом их собственными, отличными от государственного управления делами, а к возложению на местное общество осуществления задач государственного управления» [3, с. 494].

Первоначально сторонником общественной теории местного самоуправления был Б.Н. Чичерин – один из основоположников конституционного права России. Однако в конце жизни он перешел на позиции государственной теории. Б.Н. Чичерин писал, что местные дела есть дела государственные, переданные органам местного самоуправления, которые лучше знают интересы местных жителей, местных общин и могут их удовлетворить [4, с. 527–529].

В 90-е годы XIX века государственная теория организации местного самоуправления в России получает практическую реализацию в Положении о губернских и уездных земских учреждениях (1890 г.) и Городовом положении (1892 г.) [5]. На основании этих документов и других реформ земства были включены в систему органов государственной власти; члены управ утверждались в должности губернатором; председатели губернских управ утверждались Министром внутренних дел России; выборные лица, занимающие должности в представительных органах земского и городского самоуправления, считались на государственной службе (имели чины, носили мундиры, получали государственные награды, могли подвергаться дисциплинарным взысканиям наравне с государственными чиновниками вплоть до отстранения от должностей).

Анализируя итоги российских реформ 90-х годов XIX столетия крупнейший российский государствовед – барон Б.Э. Нольде писал: «Самоуправляющие единицы делают то же дело, что и непосредственные органы государства. Самоуправление – *такая же часть государственного управления, как и управление коронное.* И напрасно ведутся бесконечные споры о «собственных» делах общин и делах, возложенных на них государством, споры, загромождающие учение о самоуправлении совершенно бесплодной схоластикой лишенных жизненного значения формул» [6, с. 261–262].

С конца XIX в. местное самоуправление становится постоянным объектом научного осмысления. Результаты научных исследований в этой области активно используются во многих странах при подготовке и проведении политических, административных и правовых реформ. В той или иной мере они учитывались в ходе государственных реформ в России, Беларуси, Украине и других государствах.

После Октябрьской революции 1917 г. II Всероссийский съезд Советов 25 октября (7 ноября) 1917 г. принял написанное В.И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», где говорилось и о власти на местном уровне: «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок» [7, с. 11].

19 декабря 1917 г. за подписью В.И. Ленина вышел Декрет СНК РСФСР «Об учреждении комиссариата по местному самоуправлению» с задачей объединить деятельность всех городских и земских учреждений [8].

Первые конституционные акты советской власти «Декларация прав народов России» и «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа» отразили *идею самоуправления* и полновластия трудового народа. При этом В.И. Ленин обращал внимание на две характерные черты, присущие Советам: Советы – носители всей полноты государственной власти; Советы – орган народного самоуправления.

Однако 20 января 1933 г. ЦИК РСФСР принимает новое Положение о городских советах, в котором данные органы вновь выступают органами диктатуры пролетариата, *призванными проводить политику центра на местах* [9].

Именно в этот период происходит окончательное огосударствление местной власти.

В послевоенный период под влиянием решений XX съезда КПСС 22 января 1957 г. принимается постановление ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами» [10, с. 454–465]. Оно было призвано покончить с ненужной опекой и мелочным вмешательством со стороны парторганов в деятельность Советов, обеспечить развитие их инициативы и самодеятельности.

В период хрущевской оттепели активизируется деятельность некоторых форм местного самоуправления: домовых, уличных, квартальных комитетов. В сельских населенных пунктах традиционной формой общественного самоуправления становятся сходы и собрания. Все чаще упоминается термин «коммунистическое самоуправление». В 1957–1959 гг. происходит обновление законодательства о местных органах власти. В союзных республиках были приняты новые положения о местных Советах.

В 60-е гг. XX в. происходит возрождение в советской юридической литературе понятия «местное самоуправление» в контексте общественного самоуправления (работы Б. Лазарева, М. Пискотина и др.). В ходе подготовки проекта Конституции СССР 1977 г. относительно места и роли органов местного самоуправления высказывались три основные точки зрения:

1. Представительные учреждения на местах не обладают самоуправленческими качествами (профессор А.И. Лукьянов).

2. Представительные учреждения на местах и есть сугубо органы территориального общественного самоуправления (профессор О.В. Годунова).

3. Местные органы власти есть органы государственной власти и местного самоуправления.

В принятой в 1977 г. Конституции СССР усиливается характеристика государственно-властной природы Советов. Как определил Основной Закон СССР, Советы – это органы государственной власти на местах. Они содержат черты государственного органа и общественной организации.

В период «перестройки», начатой М.С. Горбачевым в 1985 г., после его критики обществоведов *за одностороннюю трактовку* общественных явлений ученые были сориентированы на разработку теоретических проблем социалистического самоуправления народа (работы Г.В. Барабашева, А.П. Бутенко, О.Е. Кутафина, Б.Н. Топорнина, Ю.А. Тихомирова, В.И. Фадеева и др.).

В принятом 9 апреля 1990 г. Законе СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» впервые в законодательство вводится понятие «местное самоуправление» [11].

В Законе БССР от 20 февраля 1991 г. «О местном самоуправлении и местном хозяйстве Белорусской ССР» также вводится такое понятие [12].

Впервые на конституционном уровне понятие «местное самоуправление» закрепляется в Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г.

Местное самоуправление строится, как правило, в соответствии с административно-территориальным делением страны. Первичной ячейкой выступают городские и сельские единицы (коммуны, общины, приходы и т.д.). Правовой основой организации местного самоуправления в зарубежных странах являются соответствующие положения конституций, национальных законов о местном управлении и самоуправлении, а в федеративных государствах – законы штатов, земель и иных субъектов федерации.

В настоящее время главным документом, закрепившим теоретическую и правовую основу самоуправления для государств Европы, является Европейская Хартия местного самоуправления, принятая Советом Европы 15 октября 1985 г. Основная ее задача – обеспечение и защита прав местных органов самоуправления, поскольку именно местное самоуправление позволяет гражданам участвовать в принятии решений, касающихся их повседневной жизни. Соблюдение этого права гарантирует осуществление и иных гражданских прав. В ее основу положен принцип субсидиарности, утвердившийся в европейской социальной философии еще в Средние века, согласно которому вопросы, подлежащие решению на низовом уровне управления, не целесообразно передавать наверх: «осуществление государственных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам». Местным сообществам, согласно Хартии, необходимо доверять как можно больше управленческих задач, а вмешательство государства требуется лишь в ис-ключительных случаях [13, с. 25].

Европейская Хартия местного самоуправления явилась одним из главных источников муниципального права европейских государств, намечающих пути развития местного самоуправления в современной Европе. Она обязывает государства, входящие в Совет Европы, беречь и укреплять политическую, административную и финансовую самостоятельность местных сообществ.

Таким образом, принцип самостоятельности органов местного самоуправления в Хартии закре-

плен на высоком международном уровне, а его неукоснительное соблюдение расценивается как один из основных критериев подлинной демократии.

Европейская Хартия дает понятие местному самоуправлению: «*Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, в соответствии со своей компетенцией и в интересах местного населения*» [13, с. 26].

Действующая Конституция Республики Беларусь впервые на высшем юридическом уровне закрепила местное самоуправление как важнейший неотъемлемый элемент конституционного строя, позволяющий гражданам реализовывать свои права на основе конституционных установлений. Согласно статье 117 Основного Закона Республики Беларусь местное самоуправление (вместе с местным управлением) осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах [14].

Статья 12 Закона Республики Беларусь от 20 февраля 1991 г. «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (в ред. Закона от 10 января 2000 г.) уточняла конституционные установления: «Советы являются представительными государственными органами на территории соответствующих административно-территориальных единиц Республики Беларусь и *основным звеном системы местного самоуправления*» [15]. Данная норма сохранилась и в принятом 4 января 2010 г. Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь». Как определено статьей 9 данного Закона, «Советы являются представительными государственными органами, создаваемыми в установленном законодательством порядке на территории соответствующих административно-территориальных единиц, и основным звеном системы местного самоуправления» [16].

Советы депутатов – исторически сложившаяся политическая основа всей организации и функционирования государственной власти в Республике Беларусь. Первые Советы на территории современной Беларуси возникли в ходе Революции 1905–1907 гг. Некоторые функции Советов тогда исполняли Минский и Витебский коалиционные комитеты. Подобные Советам органы и стачечные комитеты создавались и в других крупных городах и первоначально выступали как органы руководства стачечной борьбой.

После революции 1917 г. Советы стали «постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата» [17, с. 500]. На первоначальном этапе наблюдалась тенденция закрепления правового статуса советских представительных органов (Советов и их съездов) в духе традиций Парижской коммуны, которая была «не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы» [18, с. 342]. В качестве принципиального положения, выдвинутого в тот период, выступал тезис о слиянии управления с законодательством [19, с. 72].

В послеоктябрьский период местные органы власти Беларуси играли важную роль в решении экономических, социально-политических и культурных задач. Конституция БССР 1927 г. закрепила систему местных органов власти – окружные, районные съезды Советов, сельские, местечковые, городские Советы и их исполнительные органы. Законодательно закрепив полновластие Советов, Конституция Белорусской ССР 1937 г. зафиксировала основной принцип формирования местных органов государственной власти – всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании.

В годы Великой Отечественной войны местные Советы и их органы стали центрами по мобилизации населения на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, а в послевоенный период – на восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

По Конституции БССР 1978 г. (статья 124) Советы народных депутатов составляли политическую основу государства и являлись органами государственной власти в областях, районах, районах в городах, поселках, сельских населенных пунктах [20, с. 144]. Они осуществляли руководство государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством. Советы формировали все другие государственные органы, сочетали в себе черты государственных и общественных организаций и функционировали в тот период как единая система представительных органов власти, включающая Верховный Совет, областные, городские, районные в городах, районные, сельские и поселковые Советы.

В целом же система Советов была характерна преимущественно для социалистических стран. Согласно данной системе депутаты местных Советов являлись представительными органами государственной власти, избирались населением соответствующей административно-территориальной единицы прямым тайным голосованием, а избранный населением Совет формировал свой исполнительный орган – облисполком, райисполком, горисполком, сельисполком и т.п.

С 1991 г. деятельность местных Советов, местных исполнительных и распорядительных ор-

ганов Республики Беларусь регламентировалась Законом «О местном самоуправлении и местном хозяйстве в Республике Беларусь» [21], с 1995 г. – Законом «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [22].

В настоящее время правовой основой деятельности местных органов является Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее Закон о местном управлении и самоуправлении). В силу статьи 1 указанного Закона система Советов в Республике Беларусь состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного и включает областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы. Единство системы местных Советов обеспечивается общностью правовых начал, принципов образования и деятельности, а также задач, которые они призваны решать в интересах населения, социального и экономического развития соответствующей территории.

Кроме того, правовые основы местного управления и самоуправления в Республике Беларусь (помимо Конституции и Закона о местном управлении и самоуправлении) регулируются, в частности, такими комплексными нормативными правовыми актами, как Закон от 27 марта 1992 г. «О статусе депутата местного Совета депутатов» [23]; указы Президента Республики Беларусь: от 19 сентября 1995 г. № 383 «О проведении реформы органов местного управления и самоуправления» [24]; от 22 февраля 2011 г. № 66 «О некоторых вопросах местного управления и самоуправления» [25] и др.

Функции и содержание деятельности местных органов характеризуются, прежде всего, их компетенцией. Данная правовая категория чрезвычайно сложна и носит комплексный характер. Важнейшим ее аспектом является вопрос о четкой регламентации прав и обязанностей местных органов, имеющий особое значение для осуществления ими своих функций.

Особым статусом в системе органов местного самоуправления обладают местные органы *областного и базового территориального уровня.* Данные Советы при взаимодействии с соответствующими исполкомами являются узловым звеном государственных органов, призванных обеспечивать на местах практическое осуществление государственных задач. Именно им приходится решать, причем зачастую в качестве первой инстанции, наиболее важные вопросы государственного, экономического и социально-культурного строительства. Они выполняют большой объем работы по координации усилий предприятий, организаций и иных юридических лиц республиканской собственности по размещению на подведомственной территории объектов промышленности, строительства, энергетики и других отраслей экономики, возведения объектов жилищно-коммунального хозяйства.

Действующая в настоящее время в Республике Беларусь система органов местного управления и самоуправления в целом соответствует сложившейся общественно-политической и социально-экономической ситуации и в принципе в каком-либо кардинальном реформировании не нуждается. Тем не менее, с учетом поставленных Пятым Всебелорусским народным собранием 22–23 июня 2016 г. новых, масштабных задач по повышению уровня жизни народа, продвижению страны к более высоким рубежам в этой сфере было бы целесообразным осуществить комплекс мер по укреплению Советов и исполкомов и тем самым расширить их возможности в решении многих вопросов местного значения.

Как показывает анализ, проблемы повышения эффективности функционирования местных органов в реализации задач социально-экономического развития регионов органически связаны с необходимостью дальнейшего совершенствования законодательства, регламентирующего деятельность данных органов, ибо правовой статус местных Советов, местных исполнительных органов недостаточно урегулирован конституционным и текущим законодательством.

1. В действующей Конституции Республики Беларусь, в отличие от Конституции БССР 1978 г., не дается четкого определения понятию «местное самоуправление». В ней лишь прописывается, каким образом осуществляется местное управление и самоуправление. Так, открывающая раздел V Конституции статья 117 устанавливает: «Местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах».

Для сравнения: в Конституции Белорусской ССР (статья 124) более четко и конкретно устанавливался конституционно-правовой статус местных Советов депутатов: «Органами государственной власти в областях, районах, городах, районах в городах, поселках, сельских населенных пунктах являются соответствующие Советы народных депутатов». И далее в статье 125 содержалась норма: «Местные Советы народных депутатов решают *все* вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета» [20].

В целях ликвидации несогласованности конституционного и текущего законодательства сле-

довало бы в статью 117 Конституции Республики Беларусь внести соответствующие уточне-ния.

2. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп. от 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) не относит местные исполнительные комитеты к органам исполнительной власти. Вместе с тем статья 9 (часть вторая) Закона Республики Беларусь от 20 февраля 1991 г. «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (в ред. Закона от 10 янв. 2000 г. с изм. и доп.) определяла исполнительные комитеты первичного (сельские, поселковые, городские (городов районного подчинения), базового (городские (городов областного подчинения), районные), областного уровней как органы местного управления, входящие в систему исполнительной власти: «Исполнительные комитеты первичного (сельские, поселковые, городские (городов районного подчинения), базового (городские (городов областного подчинения), районные), областного уровней входят *в систему органов исполнительной власти* и являются органами местного управления» [15].

Таким образом, налицо было расхождение норм Конституции и Закона 1991 г. относительно установления конституционно-правового статуса органов местного управления.

В новом же Законе от 4 января 2010 г. «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» такая норма вообще отсутствует. Так, статья 38 указанного Закона устанавливает, что «исполнительные и распорядительные органы являются *государственными органами* и осуществляют свои полномочия в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом и иными актами законодательства».

В этой связи представляется целесообразным ликвидировать указанные пробелы в конституционном и текущем законодательстве.

3. Как известно, к законодательным полномочиям относится *право законодательной инициативы* как исключительное право строго определенного конституциями органа. Осуществление права законодательной инициативы соответствующими органами или должностными лицами и внесение в Парламент законопроекта является первоначальной стадией законодательного процесса. Согласно статье 99 Конституции Республики Беларусь право законодательной инициативы принадлежит Президенту, депутатам Палаты представителей, Совету Республики, Правительству, гражданам, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тыс. человек и реализуется в Палате представителей.

Местные Советы депутатов в СССР и БССР являлись самыми массовыми в системе государственной власти. Непосредственно и через создаваемые органы они руководили всеми отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, принимали и обеспечивали исполнение решений, осуществляли контроль за претворением их в жизнь. Местные Советы обеспечивали комплексное экономическое и социальное развитие регионов, осуществляли контроль за соблюдением законодательства расположенными на соответствующей территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения, координировали их деятельность в области землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного и иного обслуживания населения. С принятием 9 апреля 1990 г. Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» деятельность местных Советов депутатов стала строиться на принципах самоуправления, самофинансирования, самообеспечения, согласования местных интересов с общегосударственными. На их рассмотрение и решение передавались все важные вопросы государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни, а также расширялись материально-финансовые возможности Советов, устанавливалась их полная ответственность и самостоятельность в решении вопросов комплексного развития подведомственных им территорий. Начиная с выборов депутатов местных Советов нашей республики первого созыва (24 декабря 1939 г.) и по настоящее время депутатскую школу прошли более 2 млн граждан, или около 20% населения страны. Да и сегодня (несмотря на то, что состав местных Советов нашей страны заметно сократился численно), будучи согласно статье 9 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» основным звеном системы местного самоуправления, Советы депутатов являются представительными государственными органами на территории соответствующих администра-тивно-территориальных единиц Республики Беларусь и основным звеном системы местного самоуправления. Они обеспечивают на своей территории согласованную деятельность органов территориального общественного самоуправления.

Таким образом, формируемые самим народом Советы, являясь органами всенародного представительства, состоят из представителей всех слоев общества и всех профессий.

В местных Советах заложены огромные организационные возможности для постоянного привлечения широких масс народа к решению задач местного и общегосударственного значения. Местные Советы депутатов и сегодня по праву занимают центральное место в системе органов

государства, осуществляя огромную по своим масштабам деятельность в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами.

Исходя из вышеизложенного, было бы совершенно справедливым предоставить местным Советам депутатов *право законодательной инициативы* наряду с другими государственными органами и должностными лицами. Как представляется, это позволило бы законодательному органу лучше учитывать мнения непосредственно с мест. Кстати, в Российской Федерации согласно статье 104 Конституции РФ 1993 г. право законодательной инициативы принадлежит (наряду с другими органами и должностными лицами) и законодательным (представительным) органам субъектов РФ. Согласно законодательству США в принятии поправок к Конституции США наряду с законодательным органом федерации участвуют и парламенты штатов (именуемые законодательным собранием).

4. В дальнейшей оптимизации нуждается количество сельских и поселковых Советов и, прежде всего, их укрупнение, к которому следует подходить весьма скрупулезно. При осуществлении этого процесса необходимо учитывать минимальные и максимальные пределы численности проживающего на соответствующей территории населения, программы строительства и размещения агрогородков, схемы развития их производственной и социальной инфраструктуры, что повлечет за собой расширение налоговой базы, улучшение бюджетной обеспеченности укрупненных Советов и исполкомов и позволит активизировать их деятельность.

5. В контексте реализации стоящих перед органами местного самоуправления новых задач в качестве первоочередных выдвигается проблема укрепления их материально-технической и финансовой базы. Более того, наблюдается тенденция постепенного отстранения Советов и исполкомов первичного территориального уровня от реализации ими своих прямых функций – исполнения своих же бюджетов, а самое главное – лишения расходных полномочий. Это связано с передачей объектов социально-культурной сферы на баланс райисполкомов и принудительной в ряде случаев централизацией средств на благоустройство, ремонт дорог, реализацию других целевых программ на областном и базовом уровнях. Уже в ближайшее время следует принять нормативный правовой акт, который бы определял минимальную налоговую базу Советов и исполкомов первичного территориального уровня, закреплял бы порядок и доходные источники формирования их бюджета, а также расходные полномочия во взаимосвязи с другими уровнями бюджетной системы.

Заключение. Поиск новых, более совершенных систем руководства, форм и методов организационно-правовой деятельности органов местного самоуправления является важнейшим резервом повышения их социальной роли в решении вопросов местного значения в сочетании с общегосударственными задачами и интересами.

Реализация предложенных дополнений и изменений конституционных норм и текущего законодательства также способствовала бы активизации и расширению диапазона функционирования местных Советов всех трех территориальных уровней.

В целом же текущее законодательство о местных государственных органах должно периоди-чески претерпевать изменения в направлении максимального расширения их полномочий, ибо задачу дальнейшей модернизации страны невозможно выполнить пусть даже самыми оптимальными целеполагающими решениями на республиканском уровне. В этом смысле следует согласиться с точкой зрения российского исследователя, профессора Н.С. Бондаря, который отмечает, что создание эффективных механизмов муниципальной демократии, обеспечивающих качественное достижение стоящих перед ними социальных целей и решение вытекающих из этих целей задач, предполагает выработку надлежащей юридической основы местного самоуправления, установление и укоренение в общественной практике правовых форм его осуществления [26, с. 40]. Необходимо, чтобы любая важная государственная задача получала свое действенное практическое воплощение в регионах. Формулировка «Страна сильна своими регионами» должна быть насыщена реальным содержанием. Задача данных органов в государственном строительстве и управлении – проявлять постоянную заботу об условиях жизни и труда граждан, грамотно использовать реально существующие в каждом регионе экономические ресурсы, изыскивать возможности дальнейшего роста, правильно оценить конкурентные преимущества и определить движущие силы экономической модернизации, разумно позиционировать, привлекать в приоритетные отрасли инвестиции и инвесторов как ключевых участников модернизационного процесса.

Это позволит органам местного самоуправления повысить свою роль как публично-властной формы демократии, более четко определить свое место и значение в государственно-правовом механизме в целом, занять подобающее им место в структуре конституционного строя, что позволит им наиболее полно реализовать возложенные на них функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постовой, И.В. Местное самоуправление / И.В. Постовой. – М., 1995. – С. 8–45.
2. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 1908. – С. 479.
3. Коркунов, Н.М. Русское государственное право / Н.М. Коркунов. – СПб., 1909. – Т. 2. – С. 494.
4. Чичерин, В.Н. О народном представительстве / В.Н. Чичерин. – СПб., 1868. – С. 527–529.
5. ПСЗ-3. – Т. 10. – Отд. 1. – № 6927. – Т. 12. – № 8708.
6. Нольде, Б.Э. Очерки русского государственного права / Б.Э. Нольде, проф. С.-Петерб. политехн. ин-та имп. Петра Великого. – СПб.: Тип. «Правда», 1911. – С. 261–262.
7. Ленин, В.И. Рабочим, солдатам и крестьянам / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Изд. пятое. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1974. – Т. 35. – С. 11.
8. СУ РСФСР. – 1917. – № 10. – Ст. 153.
9. СУ РСФСР. – 1933. – № 29. – Ст. 103.
10. В.И. Ленин, КПСС о работе Советов: сб. / под общ. ред. К.У. Черненко. – М.: Политиздат, 1979. – С. 454–465.
11. Ведомости Съезда народ. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР. – 1990. – № 16. – Ст. 276.
12. Ведомости Верхов. Совета БССР. – 1991. – № 11. – Ст. 122.
13. Нормативные акты. Европейская Хартия о местном самоуправлении // Местное самоуправление. Комментарии. Разъяснения / В.А. Ясюнас. – М., 1997. – С. 25.
14. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.
15. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 8. – 2/137.
16. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 17. – 2/1660.
17. Ленин, В.И. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата (4 марта) / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Изд. пятое. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – Т. 37. – С. 500.
18. Маркс, К. Гражданская война во Франции / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. – Т. 17. – С. 342.
19. Ленин, В.И. Десять тезисов о Советской власти / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Изд. пятое. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. – Т. 36. – С. 72.
20. Конституция Белорусской ССР 1978 г. // Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. лит-ра, 1978. – С. 144.
21. Ведомости Верхов. Совета БССР. – 1991. – № 11. – Ст. 122.
22. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1995. – № 15–16. – Ст. 169.
23. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1992. – № 13. – Ст. 217; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 6. – 2/1181; 2009. – № 119. – 2/1566.
24. Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Респ. Беларусь. – 1995. – № 27. – Ст. 656; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 25. – 1/12365.
25. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 25. – 1/12365; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 29.05.2013. – 1/14286.
26. Бондарь, Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие. Конституционализация муниципальной демократии в России / Н.С. Бондарь. – М.: Норма, 2009. – С. 40.

Поступила в редакцию 06.04.2017 г.

УДК 342.22-049.5:341.236

Гражданско-правовая ответственность государства за причинение вреда в международном частном праве

Барышев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Гражданско-правовая ответственность государств относится к практически не исследованному вопросу в общем контексте проблемы участия государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами.

Цель данной статьи – определить особенности и современные тенденции в гражданско-правовой ответственности государств в современном мире.

Материал и методы. *Материалом для проведения исследования послужили международные акты, регулирующие гражданско-правовую ответственность государств, акты национального законодательства отдельных стран, имевшие место прецеденты ответственности государств за причинение вреда физическим и юридическим лицам. Основными методами исследования являются диалектический, сравнительно-правовой, системного анализа, историко-правовой.*

Результаты и их обсуждение. *В статье рассматривается гражданско-правовая ответственность государства перед иностранными физическими и юридическими лицами. На конкретных примерах показано, что государства, как правило, стремятся уклониться от возмещения ущерба, особенно если компенсации значительны. Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г. и Европейская конвенция об иммунитете государств 1972 г. не допускают обращение к иммунитету, что создает сложную дилемму для государств-участников: как не нарушить международные обязательства и одновременно уклониться от выполнения предъявленных исков гражданско-правового характера. Своеобразное решение по уклонению от возмещения ущерба акционерам компании ЮКОС нашел Конституционный суд России.*

Заключение. *Международная практика взыскания ущерба с государств, виновных в причинении вреда личности или материального ущерба, оказывается весьма противоречивой, особенно если речь идет о значительных компенсациях. Как следует из приведенных прецедентов, государства выплачивают компенсации, если их вина бесспорна и речь идет о незначительных суммах. В случае когда государства оказываются перед перспективой предъявления к ним внушительных сумм, они незамедлительно апеллируют к государственному иммунитету или ищут другие юридические основания уклонения от возмещения вреда несмотря на свои международные обязательства.*

Ключевые слова: *причинение вреда, гражданско-правовая ответственность, государство, гражданский иск, иммунитет государства, конституционный суд.*

Civil Procedural Legal Capacity of Persons with Direct Interest in Inheritance Cases

Baryshev V.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Civil and legal responsibility of states is practically not investigated within the context of the issue of the participation of the state in civil and legal relations with foreign individuals and legal entities.

The purpose of the article is to identify features and contemporary tendencies in the civil and legal responsibility of states in the contemporary world.

Material and methods. *The research material were international decrees which regulate the civil and legal responsibility of states, decrees of the national law of some states, precedents of the responsibility of states for causing damage to individuals and legal entities. The basic research methods are the dialectical, the comparative and legal, the system analysis, the historical and legal.*

Findings and their discussion. T*he civil and legal responsibility of the state before foreign individuals and legal entities is considered in the article. Definite examples illustrate the fact that states, as a rule, try to avoid compensating the damage, especially if the compensation amount is considerable. The 2004 UNO Conventions of Jurisdiction Immunities of States and their Property and the 1972 European Convention of Immunity of States do not make it possible to appeal to the immunity, which creates a complicated dilemma for participant states: how international obligations can be followed and, at the same time, how to avoid following claims of civil and legal character. A peculiar solution on how to avoid compensating the damage to UKOS shareholders was found by the Constitutional Court of Russia.*

Conclusion. *International practice of recovering state damage to people or material damage turns to be rather contradictory, especially if it comes to considerable compensations. As the mentioned precedents show states pay compensations if their guilt is evident and if it comes to small sums. If states face the prospect of being charged with considerable sums, they immediately appeal to state immunity or seek other legal bases to avoid compensating the damage in spite of their international obligations.*

Key words: *causing damage, civil and legal responsibility, civil action, immunity of the state, Constitutional Court.*

Вопрос об ответственности государства в случае причинения вреда иностранным физическимиюридическимлицамвлитературепрактически не исследовался. В недавно опубликованной в России монографии Ю.Н. Андреева «Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты» также данный вопрос не освещен [1]. В то же время, исходя из содержания ст. 1114 ГК Республики Беларусь, к государству, в случае его участия в гражданско-правовых отношениях, правила Раздела VII применяются на общих основаниях, если иное не предусмотрено законодательством Республики Беларусь. Это означает, что ни иностранное, ни белорусское государство не может быть освобождено от ответственности в случае причинения вреда физическим или юридическим лицам, если иное не предусмотрено законодательством Республики Беларусь.

Цель данной научной работы – определить особенности и современные тенденции гражданско-правовой ответственности государств в современном мире, на основании чего сделать вывод об их влиянии на межгосударственные отношения.

Материал и методы. Материалом проведения исследования послужили международные акты, регулирующие гражданско-правовую ответственность государств, акты национального законодательства отдельных стран, имевшие место прецеденты ответственности государств за причинение вреда физическим и юридическим

лицам. Основными методами исследования являются диалектический, сравнительно-правовой, системного анализа, историко-правовой.

Результаты и их обсуждение. Достаточно часто вопрос об ответственности государства возникает в связи с деликтами, совершенными воинскими контингентами в других государствах или против иностранных граждан. Большой резонанс в свое время получила катастрофа на канатной дороге в Италии, которая произошла 3 февраля 1998 года недалеко от итальянского города Кавалезе, горнолыжного курорта в Доломитах. Пилоты корпуса морской пехоты США снизили свой самолет радиоэлектронной разведки ниже минимально разрешенной высоты полета для того, чтобы «повеселиться» и «снять красивый пейзаж». В результате двадцать человек погибли, когда самолет крылом перерезал трос канатной дороги и кабина-гондола с 19 пассажирами и машинистом сорвалась вниз со 110-метровой высоты [2]. Ни один из членов экипажа на борту самолета не пострадал. В соответствии с Соглашением стран-участниц Северо-Атлантического договора о правовом положении войск от 16 августа 1951 г. уголовное преследование военных летчиков, нарушивших правила полета, производилось в США, в ходе которого пилоты не понесли наказания. Материальное возмещение первоначально составило семьям погибших 65 тыс. долларов на каждого погибшего как помощь итальянского правительства, возмещаемая правительством США. В мае 1999 года Конгресс США отклонил законопроект, который бы поставил 40 млн долларов в компенсационный фонд жертв катастрофы [3]. В декабре 1999 года итальянский парламент утвердил денежный компенсационный план для семей погибших, 1,9 млн долларов на погибшего. НАТО обязала правительство США выплатить 75% этой суммы, что было выполнено американской стороной [4].

4 октября 2001 года лайнер Ту-154М российской авиакомпании «Сибирь», выполнявший рейс по маршруту Тель-Авив–Новосибирск, упал в Черное море. Все находившиеся на его борту 78 человек погибли. Согласно заключению Межгосударственного авиационного комитета (МАК) самолет был непреднамеренно сбит зенитной ракетой «С-200», потерявшей цель и запущенной в ходе проводившихся на Крымском полуострове военных учений [5]. Первоначально украинские военные полностью отрицали какую-либо причастность к катастрофе. Только под давлением неопровержимых доказательств президент Украины Леонид Кучма признал ответственность Украины за инцидент и отправил в отставку министра обороны. Вопрос о компенсации за гибель пассажиров решался длительное время: в 2003 году Украина подписала с Россией и Израилем межправительственные соглашения о возмещении ущерба родственникам погибших в авиакатастрофе. В соответствии с этими соглашениями Украина выплатила по 200 тыс. долларов США за каждого погибшего – 7 млн 800 тыс. долларов России и 7 млн 500 тыс. долларов Израилю [6]. Исходя из соглашений, выплата компенсаций родственникам погибших в авиакатастрофе являлась добровольным шагом, то есть юридически ответственность за катастрофу Украиной не была признана. ОАО «Авиакомпания "Сибирь"» в свою очередь подала иск в Хозяйственный суд Киева к Министерству обороны Украины и Государственному казначейству Украины о возмещении ущерба на общую сумму более 15 млн долларов. В 2011 году суд отклонил этот иск на основании заключения украинских экспертов из Киевского научно-исследовательского института судебных экспертиз (КНИИСЭ), которые признали, что самолет был поражен множеством твердых предметов размером около 10 мм, но не установили их принадлежность конкретному взрывному устройству [7]. Все апелляции российской компании на решение Хозяйственного суда Киева в вышестоящих украинских судах закончились безрезультатно.

Гражданско-правовая ответственность государства может наступать и в результате действий, которые наносят ущерб иностранным инвесторам. Наиболее известный прецедент был создан в результате ликвидации ОАО «Нефтяная компания "ЮКОС"». Европейский суд по правам человека 31 июля 2014 года в рамках дела «ОАО "Нефтяная компания «ЮКОС» против России"» (OAO Neftyanaya kompaniya YUKOS v. Russia, жалоба N 14902/04) присудил миноритарным акционерам ЮКОСа 1,866,404,634 евро в качестве компенсации за допущенные в отношении компании нарушения права на уважение имущества, а также постановил взыскать 300 тыс. евро в возмещение судебных издержек [8]. Указанное судебное постановление вступило в силу 15 декабря 2014 года. В непосредственной связи с названным решением группа депутатов Государственной Думы обратилась в Конституционный суд с запросом о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», а также о соответствии Конституции ряда национальных актов. 14 июля 2015 года было вынесено Постановление Конституционного суда РФ об исполнении постановле-

ний ЕСПЧ. В постановлении было определено: «Суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре в установленном процессуальным законодательством порядке дела в связи с принятием Европейским судом по правам человека постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона» [9]. Смысл вышесказанного сводится к тому, что Конституционный суд Российской Федерации взял на себя функцию определять, соответствуют ли постановления ЕСПЧ Конституции России.

На основании вынесенного постановления 15 декабря 2016 года состоялось рассмотрение запроса Министерства юстиции РФ о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека по делу «ОАО "Нефтяная компания «ЮКОС» против России"» [10]. Решение по запросу Минюста РФ было оглашено 19 января 2017 г. Конституционный суд счел невозможным для российских властей выплачивать бывшим акционерам ЮКОСа компенсацию в размере 1,8 млрд евро, присужденную Европейским судом по правам человека за нарушение их прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство [11]. Из 19 судей Конституционного суда только два судьи: В. Ярославцев и К. Арановский не поддержали решение, изложив свое особое мнение. В частности, судья В. Ярославцев указал: «Полагаю, что Минюсту РФ не следует искать легких путей разрешения вопроса посредством обращения в Конституционный суд РФ, а необходимо продолжить диалог с межгосударственным органом – комитетом министров Совета Европы, используя механизм обращения в этот орган, предусмотренный статьей 46 Конвенции (Европейской конвенции прав человека и основных свобод 1950 г. – *Б.В.*)» [11].

Следует отметить, что Конституционный суд России не является «первопроходцем» в непризнании решений международного суда. О приоритете конституционных норм было заявлено и в постановлении Конституционного суда Итальянской Республики от 22 октября 2014 года № 238/2014 в связи с решением Международного суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств (Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment, I.C.J. Reports 2012), в котором МС признал нарушение Италией иммунитетов Германии [12].

В частности, Конституционный суд Италии постановил, что решение международного судебного органа в случае конфликта с основными конституционными принципами итальянского права делает невозможным какое-либо его восприятие в контексте статьи 10 Конституции Итальянской Республики, которая в обычных условиях предусматривает автоматическую рецепцию международного права в национальную систему [11]. Таким образом, Конституционный Суд Италии не признал решения Международного суда ООН, на основе его противоречия Конституции страны!?

Знаковое событие, способное повлиять на гражданско-правовую ответственность государств, произошло в США, где 28 сентября 2016 года Конгресс преодолел вето президента Б. Обамы, приняв закон «Правосудие против спонсоров терроризма» (Justice Against Sponsorsof Terrorism Act, JASTA) [12]. Закон позволяет родственникам жертв терактов 11сентября 2001 года подавать иски в суды США о возмещении ущерба государствами, финансирующими и оказывающими иную поддержку террористам. В Законе не говорится о конкретных странах, в отношении которых будет действовать закон. Однако первой протест заявила Саудовская Аравия, поскольку из 19 террористов, совершивших атаку на США 11 сентября 2001 года, 15 были подданными этой монархии. МИД королевства назвал преодоление Конгрессом вето президента Барака Обамы вызывающим серьезную обеспокоенность в связи с подрывом базового принципа суверенитета государства. В заявлении было указано: «Эрозия суверенного иммунитета будет иметь отрицательное влияние на все государства, включая сами Соединенные Штаты» [13]. Эти же аргументы использовал президент Обама, накладывая вето на закон JASTA. По его мнению, Закон «вредит национальным интересам США» и не соответствует международному праву, поскольку ослабляет принцип иммунитета суверенных государств, который защищает их от судебных процессов. В частности, президент Обама указывал на то, что в результате США придется иметь дело с многочисленными исками в связи с действиями американских войск в других странах, т.е. что этот закон может быть использован против США [14]. Следует отметить, что в США в соответствии со ст. 1605A закона «Об иммунитете иностранных государств» 1976 г., и ранее допускались иски против иностранных государств, признанных виновными в поддержке террористической деятельности, но это зависело от признания Государственным департаментом вины иностранного государства [15]. При этом, согласно ст. 1605B Закона 1976 г.,

ущерб, являющийся основанием иска, должен быть причинен в Соединенных Штатах. Обвинения в упущении или просто небрежности со стороны иностранных государственных должностных лиц не могут служить основанием для дела.

После принятия закона JASTA судам уже не надо обращаться в Государственный департамент относительно мнения о причастности иностранного государства к террористической деятельности.

Вопрос об ответственности государства в случае причинения ущерба личности или собственности регулируется в ст. 12 Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года. В названной статье установлено: «Если соответствующие государства не договорились об ином, государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве в суде другого государства, который обычно обладает компетенцией рассматривать дела, касающиеся денежного возмещения в случае смерти или причинения телесного повреждения какому-либо лицу или нанесения ущерба имуществу или его утраты в результате действия или бездействия, которое предположительно может быть присвоено государству, если такое действие или бездействие имело место полностью или частично на территории этого другого государства и если автор действия или бездействия находился на этой территории в момент этого действия или бездействия» [16]. Исходя из содержания статьи, государство-участник Конвенции ООН 2004 г. не может ссылаться на иммунитет в случае причинения ущерба на территории другого государства. В связи с этим не совсем понятным выглядит заявление МИД Саудовской Аравии в связи с принятием закона JASTA об «эрозии суверенного иммунитета», поскольку королевство 1 сентября 2010 г. присоединилось к Конвенции ООН 2004 г. [17]. Очевидно, здесь имеет место ситуация, когда государство, становясь участником Конвенции ООН 2004 г., предполагает, что его нормы предоставят возможность предъявлять иски к другим государствам; в то время как возможность предъявления иска в отношении собственного государства совершенно не принимается во внимание. Это достаточно странная логика применительно к договорным нормам международного права.

В Европейской конвенции об иммунитете государств 1972 г., содержится ст. 11, в которой также Договаривающемуся государству не предоставляется иммунитет от юрисдикции в суде другого Договаривающегося государства, если судебное разбирательство касается возмещения за телесное повреждение или материальный ущерб [18].

Заключение. Таким образом, Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г. и Европейская конвенция об иммунитете государств 1972 г., а также принятые на их основе национальные законы не допускают обращения к иммунитету государства в случае предъявления исков, основаниями которых является причинение вреда личности или ущерба собственности. Однако практика взыскания ущерба с государств, виновных в причинении вреда личности или материального ущерба, оказывается весьма противоречивой, особенно если речь идет о значительных компенсациях. Как следует из приведенных прецедентов, государства выплачивают компенсации, если их вина бесспорна и речь идет о незначительных суммах. В случае когда государства оказываются перед перспективой предъявления к ним внушительных сумм, они незамедлительно апеллируют к государственному иммунитету, несмотря на свои международные обязательства. В качестве примера служат Германия – участник Европейской конвенции об иммунитетах государств 1972 г. и Саудовская Аравия – участник Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Такое поведение можно как-то объяснить тем обстоятельством, что, присоединяясь к международным конвенциям, не допускающим обращение к иммунитету в случае причинения вреда, государства рассчитывают, что они будут выступать только в роли истцов, но не ответчиков.

Особо следует остановиться на прецедентах, которые создали своими постановлениями конституционные суды Италии и России. Это совершенно новое явление в международном праве, когда высшие судебные инстанции государств своими решениями фактически блокируют выполнение постановлений международных судов, с которыми они не согласны. Какими бы аргументами подобные действия не мотивировались, это нарушение международных обязательств, связанных с участием указанных государств в организациях, которые представляют Международный суд ООН и Европейский суд по правам человека. В ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года установлено: «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» [21]. Постановления конституционных судов Италии и России фактически нарушают основной принцип международного права – pacta sunt servanda. Они создали опасные прецеденты, которые могут подорвать одну из основ международного права – обязательность решений международных судов организаций, в которых участвуют государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты / Ю.Н. Андреев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2013. – 374 с.
2. Миротворцы сбили фуникулер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kommersant.ru/doc/191857. – Дата доступа: 10.01.2017.
3. US Congress decision not acceptable for Cavalese victims' lawyer», Agence France Presse, 17 May [Electronic resource]. – Mode of access: https://en.wiki2.org/wiki/Cavalese_cable_car_disaster_(1999). – Date of access: 10.01.2017.
4. Families of victims in Italian ski-lift disaster compensated, Agence France Presse, 26 April 2000 [Electronic resource]. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Cavalese_cable_car_disaster_(2000). – Date of access: 10.01.2017.
5. Aviation Safety Network [Electronic resource]. – Mode of access: http://aviation-safety.net/database/record.php?id=20011004-0. – Date of access: 10.01.2017.
6. Украина перевела в Россию 7,8 миллиона долларов компенсаций за сбитый Ту-154 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/world/2004/12/15/money1/. – Дата доступа: 10.01.2017.
7. Суд не нашел вины украинских военных в крушении российского Ту-154 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/justice/20110906/431214923.html /. – Дата доступа: 10.01.2017.
8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. Дело «ОАО «Нефтяная компания "ЮКОС"» против Российской Федерации» [OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia] (жалоба N 14902/04) (I Секция) (извлечение).
9. Постановление Конституционного Суда РФ об исполнении Постановлений ЕСПЧ от 14 июля 2015 года № 21-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europeancourt.ru/2015/07/16/20877/. – Дата доступа: 10.01.2017.
10. Заседание Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksrf.ru/ru/Sessions/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=154. – Дата доступа: 10.01.2017.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2017 № 1-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания "ЮКОС"» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701200011?index=33&rangeSize=1. – Дата доступа: 21.01.2017.
12. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.icj-cij.org. – Date of access: 08.02.2017.
13. Sovereignty of Rights vs. "Global Constitutional" Law: The Italian Constitutional Court Decision No. 238/2014 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.google.by/search?client=opera&q=The+Constitutional+Court+of+the+Italian+Republic:+Decree+of+October+22. – Date of access: 10.01.2017.
14. Justice Against Sponsors of Terrorism Act, JASTA [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/2040/text. – Date of access: 10.01.2017.
15. Саудовская Аравия осудила закон США о возможности подавать иски в связи с терактами 11 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// gordonua.com/.../saudovskaya-araviya-osudila-zakon-ssha-o-vozmozhnosti-podavat-iski-v-svyazi-s-teraktami-11-sentyabrya-1524... – Дата доступа: 10.01.2017.
16. Конгресс США преодолел вето Обамы на закон об исках по терактам 11 сентября к Саудовской Аравии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusjev.net/2016/09/29/kongress-ssha-preodolel-veto-obamyi-na-zakon-ob-iskah-poteraktam-11-sentyabrya-k-saudovskoy-aravii/. – Дата доступа: 10.01.2017.
17. The Foreign Sovereign Immunities Act of USA (1976) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=371712. – Date of access: 02.01.2017.
18. Конвенция Организации Объединенных Наций «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» (принята резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи 2 декабря 2004 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //un.org/ru/documents/decl_conv/c. – Дата доступа: 02.09.2014.
19. Статус Конвенции ООН «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности» от 2 дек. 2004 г. (по сост. на 01.10.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cdi/onli.cdi?red=doc. – Дата доступа: 03.12.2016.
20. Европейская конвенция об иммунитете государств, заключена в г. Базеле 16 мая 1972 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
21. Венская конвенция о праве международных договоров, от 29 мая 1969 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. – Дата доступа: 01.06.2016.

Поступила в редакцию 20.07.2017 г.

УДК 347.191.4(476)

Свобода усмотрения в полномочиях представителя закономерности развития и оформления

Николичев Д.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Современные тенденции развития и формирования отношений представительского типа актуализируют вопросы, связанные с правовым регулированием особой области социально-экономических отношений, где представитель, в силу различных причин наделенный полномочием принимать юридически значимые решения по своему усмотрению, действует в соответствии с поручением, в объеме полномочий, а результат – тайное обогащение, убытки, ущерб интересам представляемого.

Цель статьи – теоретико-прикладной анализ правового регулирования отношений представительского типа, допускающих оформление свободы усмотрения в деятельности уполномоченного лица.

***Материал и методы.** Материалом проведения исследования послужили законодательство Республики Беларусь, специальная научная литература, статистические данные правоохранительных органов, а также правоприменительная практика, отражающие современные тенденции отношений представительского типа. В качестве основных методов использованы: диалектический, системного анализа, историко-правовой, формально-юридический, аналитико-критический, статистический, наблюдение.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье выявлены закономерности формирования и развития отношений представительского типа с элементом свободы усмотрения в полномочиях представителя, обосновано терминологическое обозначение особой области таких отношений, как «управленческое представительство», а также внесены предложения и рекомендации по совершенствованию гражданского законодательства в области правового регулирования отношений представительского типа.*

***Заключение.** Делается вывод о том, что проведенное исследование и сформулированные практические рекомендации позволят идентифицировать область отношения представительского типа, где уполномоченное лицо, действуя в чужом имущественном интересе, обладает свободой усмотрения, установленной законодательством, сделкой или договором, и как следствие, ввести в действие охранительный механизм, позволяющий признать совершенные представителем деяния в ущерб интересам представляемого недействительными с последующими последствиями такого признания.*

***Ключевые слова:** представительство, управленческое представительство, поручение, свобода усмотрения, ущерб интересам представляемого.*

Discretion in Full Powers of a Representative, Regularities of the Development and Execution

Nikolichev D.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Contemporary tendencies of the development and shaping the relations of the representative type raise the issues which are connected with legal regulation of a special area of social and economic relations, where the representative, for different reasons, has full rights to take legally significant decisions and acts in accordance with the errand, within his full rights, while the result is secret enrichment, losses, damage to the interests of the person he represents.

The aim of the article is theoretical and applied analysis of legal regulation of the relations of the representative type, which allow appointment of discretion in the actions of the authorized person.

***Material and methods.** The research material is legislation of the Republic of Belarus, special scientific literature, statistical data of law enforcement bodies, as well as law enforcement practice which reflect modern tendencies of representative type relations. The following basic methods were used: the dialectic, the system analysis, the historical and legal, the formal and legal, the analytical and critical, the statistical and observation.*

Findings and their discussion. *Regularities of shaping and development of representative type relations with the element of discretion in full powers of the representative are revealed in the article; the terminological indication of a special area of such relations as "management representation" is substantiated; proposals and recommendations on the improvement of the civil law in the field of legal regulation of the representative type relations are also presented.*

Conclusion. *Conclusion is made on the possibility of the conducted research and practical recommendations to identify the area of the representative type relation, in which the authorized person who acts in another person's property interest has the freedom of discretion, which is envisaged by law, bargain and contract, and, consequently, can start up the protection mechanism, which makes it possible to recognize the representative's action, which damages the interest of the person he represents, invalid, with the consequences of such recognition.*

Key words: *representation, management representation, authorization, discretion, damage to the interests of the represented person.*

Предусмотренный п. 1 ст. 8 ГК [1] принцип осуществления гражданских прав по своему усмотрению наделяет лицо возможностью осуществлять гражданские права и обязанности как лично, так и через представителя, закрепляя юридическую и социально-экономическую основу отношений представительского типа. В условиях современного гражданского оборота, воспринявшего свободу договора, диспозитивные начала регулирования по принципу «что не запрещено, то дозволено», стала проявляться негативная сторона общественных отношений. Наделяя представителя полномочием на основании доверенности, договора принимать решения по своему усмотрению, представляемое лицо связывает себя риском возникновения ущерба на вполне законном основании. Квалифицировать деяния уполномоченного лица в ущерб интересам представляемого, согласно уголовному законодательству, как мошенничество не допустимо (отсутствуют признаки состава преступления), о чем свидетельствует печальная статистика. Обращение потерпевших в правоохранительные органы с заявлением о том, что представитель завладел его имуществом либо приобрел права на это имущество путем обмана или злоупотребления доверием по факту мошенничества, имеет в Республике Беларусь стабильную тенденцию. Статистика рассмотрения заявлений и сообщений о мошенничестве (представленная органами внутренних дел Республики Беларусь на основании банка данных АИС «Единая книга») по Республике Беларусь за 2012–2016 годы свидетельствует не в пользу потерпевших. За указанный период ежегодно возбуждается от 100 до 200 уголовных дел, в то же время число отказов составляет от 11 000 до 13 000 в год [2]. При этом данный показатель остается неизменным. Очевидно, что отказ в возбуждении уголовного дела с формулировкой «усматриваются гражданско-правовые отношения» в разы превышает количество возбужденных дел. Безусловно, не все требования связаны с деяниями представителей, однако анализ конкретных заявлений свидетельствует о их значительной доле в общей статистике. Причинами этому могут быть продажа представителем товара, имущества по заниженным или завышенным ценам, завладение денежными средствами с целью оказания посреднической услуги, другие аналогичные деяния с неблагоприятными последствиями для представляемого. Оспорить результат совершенных представителем юридических действий на основании норм гражданского права представляется довольно сложным, а в некоторых случаях невозможным, так как полномочие выдавалось и соблюден принцип автономии воли. В результате, в тени правового регулирования остается область социально-экономических отношений, где представитель, в силу различных причин наделенный полномочием принимать юридически значимые решения по своему усмотрению, действует в соответствии с поручением, в объеме полномочий, а результат – тайное обогащение, убытки, ущерб интересам представляемого.

Цель статьи – теоретико-прикладной анализ правового регулирования отношений представительского типа, допускающих оформление свободы усмотрения в деятельности уполномоченного лица.

Материал и методы. Материалом проведения исследования послужили законодательство Республики Беларусь, специальная научная литература, статистические данные правоохранительных органов, а также правоприменительная практика, отражающие современные тенденции отношений представительского типа. В качестве основных методов использованы: диалектический, системного анализа, историко-правовой, формально-юридический, аналитико-критический, статистический, наблюдение.

Результаты и их обсуждение. Свобода усмотрения в деятельности уполномоченного лица косвенно затрагивалась учеными, исследовавшими отношения представительства в «широком» и «узком» смысле. Такой подход в доктринальном аспекте позволил внести предложения, направленные на объединение представительства по таким родовым критериям, как: «действие представителя в чужом имущественном интересе», «представитель действует за счет представляемого», «существо отношения представительства – сфера оказания услуг». Исходные позиции в разной степени поддерживаются в работах

М.И. Брагинского, Л.В. Санниковой, Г.Ф. Шершеневича, Л.А. Аксенчук, Ю.В. Байгушевой, Е.И. Орешина. Иное направление исходит из практической целесообразности – проводится разграничение в деятельности представителя по единому критерию «от своего» имени – как косвенное (опосредованное) и «от чужого» имени – как прямое (непосредственное) представительство. В этом направлении высказаны суждения Н.О. Нерсесовым, В.И. Синайским, О.С. Иоффе и др.

Сегодня законодательство не закрепляет общих правил, характерных для прямого и косвенного представительства. В то же время разработка единых критериев необходима не только с методологической точки зрения, но и в связи с решением общих для прямого и косвенного представительства проблемных вопросов в сфере практики применения институтов.

Несмотря на то, что в исследовательском кругу имеет место дискуссия по вопросу родовидовой характеристики отношений представительства, следует поддержать позиции тех ученых, которые с методологической точки зрения придерживаются единства природы отношений представительского типа. Дополнительно объяснить такую позицию возможно наличием в отношениях прямого и косвенного представительства элемента, характеризующего общность проблем, имеющих не только теоретическое, но и важное практическое значение. В деятельности как прямого, так и косвенного представителя при исполнении поручения существует элемент свободы усмотрения при принятии решений в пользу представляемого. Как следствие, высокая степень конфликта интереса.

Проблема свободы усмотрения в деятельности представителя поднималась учеными в различные периоды времени, в том числе были предприняты попытки частичного ее разрешения.

Наделение представителя свободой усмотрения при исполнении поручения нашло отражение в работах цивилистов по торговому праву – А.И. Каминки [3], П.П. Цитовича [4], Г.Ф. Шершеневича [5]. Определяя характер деятельности представителя в торговом обороте на основании предусмотренного Уставом торговым от 1903 года «Свода законов Российской империи» (Раздел I «О найме приказчиков и торговых поручениях»), П.П. Цитович обозначает весьма разнообразные ее проявления, такие как «отправление торговых дел или оборотов»; «исполнение поручений, приказаний»; «торг и управление чужими делами»; «управление торговым заведением»; «заведование торговлею» и пр.

Проектом Гражданского уложения Российской империи статьей 2045 гл. XII предусматривалась деятельность уполномоченных лиц по управлению имением, домом, хозяйством, фабрикой, иным имуществом или торговым, промышленным предприятием. Такие лица были уполномочены на совершение любых действий, необходимых для исполнения ими своих обязанностей в соответствии с поручением. Широкие рамки полномочий и возможность представителя действовать по своему усмотрению не могли не поставить вопроса о пределах их ограничения. М.И. Брагинский, анализируя полномочия таких представителей, уже в современный период отмечает: «Особенно ощутимыми могли быть последствия этого для третьих лиц, при заключении ими договора с представителем собственника промышленного предприятия в случаях, когда последний устанавливал полномочия своего представителя лишь самым общим образом. Чтобы исключить возможность оспаривания договора, заключенного с наделенным такими полномочиями поверенным, предполагалось ввести ограничительную норму. Она должна была предусматривать, что, если поверенный имеет в подобных случаях неограниченную доверенность, т.е. такую, которая в общих вопросах предоставляет "поверенному право действовать во всем по своему усмотрению на правах хозяина или подписываться его фирмой", это должно было означать, что он нуждается в специальной доверенности только применительно к прямо обозначенному ограниченному кругу полномочий» [6, с. 278]. Как видно, отдельные аспекты рассматриваемой проблемы имели место, на определенной стадии формирования норм о представительстве такие отношения отдельными учеными именовались как «наместничество», «договор об управлении имением (Verwaltungsvertrag)» [7, с. 127, 212], «деятельность главного приказчика или общего уполномоченного» [8], «управленческое представительство» [9].

Вопрос свободы усмотрения в деятельности представителя находит отражение в дискуссии ученых, характеризующих волевой аспект при осуществлении поручения представителем. Наиболее ярко В.И. Шерешевский обосновал положение, при котором, совершая юридическую сделку, представитель выражает свою волю, а не волю представляемого лица. Представителю дана цель, соответствующая интересам представляемого, и от его воли зависит выбор средства, наиболее соответствующего этой цели [10, с. 20]. Так, Н.О. Нерсесов указывает, что «воля представителя заменяет таковую представляемого лица относительно юридических последствий сделки, совершенной им, но не выражается при заключении сделки рядом с волей принципала» [11]. Г.Ф. Шершеневич считает, что представитель вы-

ражает свою волю, а не волю представляемого лица [12]. В.А. Рясенцев отмечает, что «представитель создает своим волеизъявлением и другими действиями полный фактический состав сделки, воля представителя является единственной решающей при заключении сделки…» [13, с. 142]. А.А. Евецкий в качестве существенного признака представительства называет действие, предпринимаемое представителем согласно воле и намерениям принципала [14, с. 7]. На обремененность воли представителя волей представляемого указывает В.А. Витушко [15, с. 243]. «Для придания юридической силы действиям представителя, – пишет М.И. Брагинский, – необходима в конечном счете двойная воля – и представляемого, и представителя, воля последнего вторична» [16, с. 157]. При добровольном представительстве получают свою реализацию как воля представляемого, так и воля представителя [17, с. 11].

Полагаем, что позиции ученых верны по отношению к конкретной ситуации, отражая существо волевого момента в действиях представителя по отношению к третьим лицам. Это объясняется следующим. Когда воля представителя определяется волей представляемого, существует определенность в исполнении поручения. Когда представителю дано разрешение отступать от указаний доверителя, можно говорить о формировании двойной воли. Воля представителя формируется по своему усмотрению, есть тот случай представительства, когда имеет место свобода усмотрения представителя при осуществлении полномочий. Именно в последнем случае представитель выражает свою волю (элемент свободы усмотрения), а в обычном представительстве, как правило, волю представляемого, что связано с определенностью поручения. Существо волевого момента наглядно показывает разграничение между обычным представительством и представительством с элементом свободы усмотрения. Акцент на самостоятельность проявления воли представителем в отношениях с третьими лицами и юридическое закрепление этой черты позволяют обозначить и раскрыть один из квалифицирующих признаков, свойственных отношениям представительского типа, – *элемент усмотрения – юридически обеспеченную возможность представителя принимать решения своей волей.*

Несмотря на то, что современное гражданское законодательство не проводит разграничение между прямым и косвенным представительством, однако как в первом, так и во втором случае не двусмысленно допускает возможность лицу, действующему в чужом интересе, принимать решения по своему усмотрению, выражая свою волю. Так, поверенный, действующий как коммерческий представитель, «самостоятельно представительствует от имени предпринимателей» (ст. 185 ГК), поверенный в договоре поручения «вправе отступить от указаний доверителя, если по обстоятельствам дела это необходимо в интересах доверителя» (п. 2 ст. 863 ГК), комиссионер действует «в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями», имеет возможность «отступить от указаний комитента» (ст. 882, п. 1 ст. 885 ГК), доверительный управляющий «вправе совершать в отношении имущества в соответствии с договором доверительного управления любые юридические и фактические действия в интересах вверителя или выгодоприобретателя» (п. 2 ст. 895 ГК), аналогичный режим допускается и в деятельности исполнителя завещания (ст. 1053 ГК). Не менее распространенной в гражданском обороте является так называемая генеральная доверенность. Эта сделка позволяет гражданам и юридическим лицам оформить практически ничем не ограниченный объем полномочий в целях исполнения поручения, а следовательно, представителю принимать решения по своему усмотрению.

При отсутствии определенности поручения и конкретных указаний собственника исполнение поручения представителем входит в правовой режим свободы усмотрения независимо от того, действует лицо от имени представляемого или от своего имени. До тех пор, пока представитель действует в рамках поручения и пределов полномочий, любое отклонение возможно квалифицировать как нарушение, а в зависимости от состава правонарушения вступают в действие охранительные нормы, позволяющие признать сделку, совершенную представителем, недействительной по основаниям, предусмотренным ст. 174, 175, 179, 180 ГК, либо совершенную за пределами полномочий, в собственном интересе представителя (ст. 183, 184 ГК). При наделении лица свободой усмотрения арсенал защитного механизма перестает действовать. Это объясняется тем, что недоказанность факта обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения со стороны представителя, в том числе стечения тяжелых обстоятельств, ограничения полномочий приводит попытку оспорить сделки, совершенные представителем, в ущерб интересам представляемого к минимальным шансам.

Исследование закономерностей развития частных случаев деятельности лица в чужом интересе позволило установить дополнительный единый для отношений представительского типа критерий – наличие элемента свободы усмотрения в деятельности уполномоченного лица. Исходный элемент имеет важное практическое значение. Во-первых, как при прямом, так и при косвенном

представительстве существует ничем не обеспеченный интерес представляемого на случай возникновения ущерба. Это связано с такими негативными формами проявления свободы усмотрения как создание представителем условий для потери имущества в будущем (заключение сделки с неплатежеспособным лицом, о состоянии которого представителю известно), утраты представляемым акций или доли юридического лица (потеря контроля в управлении); возложение какого-либо обременения (заключение невыгодного заемного обязательства), в том числе и в форме бездействия (создание препятствий в осуществлении права) и т.п. Во-вторых, действующее законодательство, регламентируя частные случаи свободы усмотрения в деятельности представителя (поверенного, комиссионера, доверительного управляющего и др.), не предусматривает обобщенной нормы, указывающей на поведение представителя в режиме свободы усмотрения.

В результате проведенного анализа установлены следующие закономерности формирования и развития отношений представительского типа с элементом свободы усмотрения в полномочиях представителя: формирование нормативной основы в сторону увеличения свободы усмотрения в деятельности представителя, без должного обеспечения интереса представляемого лица; взаимосвязь с действующими институтами прямого и косвенного представительства; возможность их органичного дополнения по признаку действий лица в чужом имущественном интересе; правоприменительная практика при оценке действий представителя в ущерб имущественным интересам представляемого противоречива и балансирует между уголовно-правовой (мошенничество) и гражданско-правовой квалификацией; отсутствие целостного подхода в систематизации и упорядочении таких правоотношений с целью формирования единого охранительного гражданско-правового режима.

Выявленные закономерности показали, что на доктринальном уровне и в области практического применения проблема обеспечения интереса представляемого лица при условии свободы усмотрения в деятельности представителя обозначена. В то же время сама формула, описывающая позитивное поведение (деяние) представителя в объеме свободы усмотрения, не предложена, как и отсутствует законодательное закрепление такого отношения.

Делается вывод о том, что представитель как при прямом, так и при косвенном представительстве, в различной степени, наделяется свободой усмотрения в тех случаях, когда поручение не связывает представителя конкретными рамками действий, а определенная поручением цель достигается представителем своей волей, ограниченной назначением предоставленных полномочий (прав). Теоретические предпосылки и практика формирования особой области отношений представительского типа позволяют определить такое представительство как управленческое представительство, сформулировав следующее определение: управленческое представительство – это целевое, организационное гражданско-правовое отношение относительно абсолютного характера, основанное на деятельности лица в чужом имущественном интересе, в форме прямого либо косвенного представительства, где представитель, наделенный свободой усмотрения, при осуществлении прав и исполнении обязанностей, своей волей формирует отношение с третьими лицами в интересе представляемого определенной сферой назначения полномочий (прав).

Управленческому представительству свойственны следующие признаки, характеризующие правоотношение:

– представителем является лицо, которое в силу законодательства, сделки или договора действует в чужом интересе с определенно заданной представляемым целью;

– дискреционный характер полномочий указывает на возможность лица, при исполнении поручения, по своему усмотрению и своей волей принимать юридически значимые решения в интересе представляемого (управленческое полномочие);

– потенциальная вероятность конфликта интересов представителя и представляемого, составляющими которого являются ущерб и риск имущественных потерь (убытков) для представляемого лица;

– универсальность правового режима, что позволяет в равной степени доурегулировать отношения представительского типа на предмет свободы усмотрения в деятельности уполномоченного лица как в отношениях косвенного, так и в отношениях непосредственного представительства с целью обеспечения интереса представляемого.

Категория «управленческое представительство» в понятийном ряду охватывающей отношения представительского типа не значится. Между тем вопрос терминологического обозначения особой области таких отношений, как «управленческое представительство», обусловлен факторами исторического, методологического, содержательного, нормативного порядка и отражает объективную реальность.

Ознакомление с содержанием доверенностей, условиями договоров поручения, комиссии, доверительного управления и др., используемых в оформлении отношений представительства на

практике показало, что причиной конфликта интересов являются следующие формулировки, указывающие на свободу усмотрения в деятельности представителя: «уплачивать и получать следуемые мне суммы денег, заключать договор купли-продажи, предварительный договор, договор задатка, определяя по своему усмотрению...», «заключать гражданско-правовые договоры, связанные со строительством объекта, в том числе предварительные и основные договоры купли-продажи изолированных жилых помещений», «право распоряжаться принадлежащим на праве собственности жилым домом и земельным участком», «управлять и распоряжаться всем принадлежащим доверителю имуществом, в том числе заключать сделки, получать деньги, распоряжаться всеми счетами...», «совершить обмен на своих условиях и по своему усмотрению занимаемого доверителем жилого помещения», «распоряжаться всем имуществом и счетами по своему усмотрению» и т.п.

Приведенные формулировки остались бы без внимания, если бы не оспаривание деяний представителей, которые, воспользовавшись предусмотренными в полномочии возможностями, совершили сделки в интересе представляемых, однако с очевидными для последних неблагоприятными последствиями. При этом для возникновения ущерба интересам представляемого не имело значения основание возникновения отношения, действовало ли лицо от имени представляемого или от своего имени, а последствие деяний представителя довольно сложно оспорить, так как полномочие (право) представлялось.

Можно видеть, что элементы предлагаемой модели управленческого представительства свойственны отношениям как прямого, так и косвенного представительства. Объединяющими критериями являются: действие лица в чужом имущественном интересе, свобода усмотрения в принятии юридически значимых решений, конфликт интересов.

Говоря об основании отношений управленческого представительства, следует отметить, что оно возникает, изменяется и прекращается по тем же основаниям, которые характерны для институтов представительского типа, при наличии *двух взаимосвязанных условий – свободы усмотрения в действиях представителя и возможности при осуществлении полномочий, которые определяют степень юридической и фактической самостоятельности лица, наделенного управленческим полномочием.*

Подчеркивая единство признаков в основании управленческого представительства и отношений представительского типа, возможно установить универсальный правовой режим для деятельности лица в чужом имущественном интересе. Это позволит в рамках традиционных институтов прямого и косвенного представительства дополнительно квалифицировать такие отношения, как управленческое представительство, а при наличии ущерба интересам представляемого лица оспорить такие деяния как совершенные в ущерб интересам представляемого лица.

Сформулированное в научном аспекте понятие управленческого представительства технически не вписывается в формальные требования действующего ГК, так как кодекс структурно не содержит общих норм о деятельности лица в чужом имущественном интересе. В то же время самостоятельность таких институтов и практика их применения находят отражение в гражданском обороте. Формируя практическую составляющую отношений управленческого представительства в системе норм и институтов действующего законодательства, глава 10 ГК «Представительство. Доверенность» является наиболее близкой по правовой природе и отвечает существу исследуемых отношений.

С целью закрепления в действующем гражданском законодательстве правового режима обеспечения интереса представляемого лица в отношениях представительского типа предлагается: дополнить главу 10 ГК «Представительство. Доверенность» статьей 190-1 «Правовое регулирование отношений управленческого представительства», определяющей понятие и основание возникновения отношений управленческого представительства, изложив в следующей редакции:

«Представительство, в котором представитель своей волей и по своему усмотрению принимает юридически значимые решения в отношении имущества (имущественных прав и обязанностей) представляемого в отношениях с третьими лицами, именуется управленческим представительством, а представитель наделенным управленческим полномочием.

Правила настоящей статьи распространяют свое действие на сделки и договоры, в которых одно лицо действует в имущественном интересе другого, обладает свободой усмотрения принимать юридически значимые решения в отношении имущества (имущественных прав и обязанностей) такого лица, если законодательными актами не определено иное».

Заключение. Обоснованная на теоретическом уровне и рекомендованная в качестве дополнения действующего законодательства дефиниция «управленческое представительство» позволит идентифицировать область отношений

представительского типа, где уполномоченное лицо, действуя в чужом имущественном интересе, обладает свободой усмотрения, установленной законодательством, сделкой или договором, и как следствие, ввести в действие охранительный механизм, позволяющий признать совершенные представителем деяния в ущерб интересам представляемого недействительными с последующими последствиями такого признания. При этом указание на особые условия возникновения позволит установить взаимозависимость возникновения изменения и прекращения отношений управленческого представительства с аналогичными по правовой природе институтами, включив их в охранительный режим управленческого представительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 343-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Письмо УВД Витебского областного исполнительного комитета от 23.08.2017 г. № 11/15546 «Статистические сведения о рассмотрении заявлений и сообщений о мошенничестве органами внутренних дел Республики Беларусь».
3. Каминка, А.И. Основы предпринимательского права. Глава 1: Существо и формы предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] / А.И. Каминка // Криптоград. ру. – Режим доступа: http://cryptograd.ru/mekit/
4. kaminka_a_i__osnovy_predprinimatel'skogo_prava.html. – Дата доступа: 06.01.2017.
5. Цитович, П.П. Труды по торговому и вексельному праву: учебник торгового права [Электронный ресурс] / П.П. Цитович // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1393.html. – Дата доступа: 17.04.2017.
6. Шершеневич, Г.Ф. Товар. Торговые сделки / Г.Ф. Шершеневич // Курс торгового права: монография: в 4 т. / редкол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова. – М.: Статут, 2003. – Т. 2. – 544 с.
7. Брагинский, М.И. Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский // Договорное право: в 6 кн. – М.: Статут, 2002. – Кн. 3. – 1055 с.
8. Гордон, А.О. Представительство в гражданском праве / А.О. Гордон. – СПб.: Тип. Шредера, 1879. – 447 с.
9. Цитович, П.П. Труды по торговому и вексельному праву: учебник торгового права [Электронный ресурс] / П.П. Цитович // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1393.html. – Дата доступа: 17.04.2017.
10. Веленто, И.И. Теория экономического права: учеб. пособие / И.И. Веленто, В.С. Елисеев. – Минск: Книжный дом, 2006. – 416 с.
11. Шерешевский, В.И. Представительство. Поручение и доверенность / В.И. Шерешевский // Сб. ст. по гражданскому и торговому праву памяти проф. Г.Ф. Шершеневича / науч. ред. В.С. Ем; Каф. гражданского права юрид. фак. МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: Статут, 2005. – 620 с.
12. Нерсесов, Н.О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве [Электронный ресурс] / Н.О. Нерсесов // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/393.html. – Дата доступа: 12.06.2017.
13. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич [Электронный ресурс] // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1557.html. – Дата доступа: 13.01.2016.
14. Рясенцев, В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве / В.А. Рясенцев. – М.: Статут, 2006. – 604 с.
15. Евецкий, А.А. Представительство при заключении юридических сделок / А.А. Евецкий. – Харьков: Университетская Тип., 1877. – 62 с.
16. Витушко, В.А. Гражданское право: учеб. пособие: в 2 ч. / В.А. Витушко. – Минск: Беларус. навука, 2007. – Ч. 1. – 565 с.
17. Брагинский, М.И. Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский // Договорное право: в 6 кн. – М.: Статут, 2002. – Кн. 3. – 1055 с.
18. Ойгензихт, В.А. Проблема риска в гражданском праве. Общая часть / В.А. Ойгензихт. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 224 с.

Поступила в редакцию 05.09.2017 г.

УДК 658.84:637.1(476)

Выбор зарубежного канала сбыта белорусской молочной продукции

Горячева С.М., Прастакова А.С.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
Витебский филиал «Международный университет "МИТСО"»

Увеличение поставок молочной продукции в Республике Беларусь – объективная необходимость рыночной экономики. Производство молока в нашей стране составляет 680 кг на одного человека. Это в 6 раз больше аналогичного среднемирового показателя (109 кг). Объем производства на душу населения Республики Беларусь соответствует уровню развитых государств и даже превышает показатели многих стран ЕС. В этой связи особую значимость приобретает проектирование логистических каналов экспорта молочной продукции.

Цель работы – обоснование выбора зарубежного канала сбыта с целью увеличения экспорта молочной продукции, на примере гродненского ОАО «Молочный мир».

***Материал и методы.** Материалом для изучения послужили данные мировой статистики бизнеса, электронные информационные ресурсы. Основные методы исследования: сравнение, графический, группировки, балльный, «центр тяжести».*

***Результаты и их обсуждение.** В статье рассматриваются развитие молочной отрасли в Республике Беларусь, динамика экспортно-импортных потоков молочной продукции, основные мировые импортеры, обосновывается необходимость выхода на рынки ближнего и дальнего зарубежья, разрабатываются профили стран по факторам привлекательности и риска, приводится балльная оценка. Проектируется новый канал сбыта на основе логистического подхода, выбирается Приволжский федеральный округ (г. Чистополь) с использованием метода «центра тяжести», выбирается способ доставки различными видами транспорта с учетом времени и стоимости транспортировки.*

***Заключение.** Необходимость выхода на новые зарубежные рынки сбыта молочной продукции диктуется программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., высокой самообеспеченностью на душу населения. Увеличение экспорта продукции обуславливает выбор эффективного канала сбыта с помощью выбранных критериев и факторов.*

***Ключевые слова:** молочная продукция, канал сбыта, экспорт, импорт, потоки, поставки, пищевая промышленность, проектирование, профили стран, привлекательность, риски.*

Selection of Foreign Distribution Channel for Belarusian Dairy

Goryacheva C.M., Prastakova A.S.

Educational Establishment of Vitebsk Branch of Belarusian Federation of Trade Unions "International University of «MITSO»"

The increase of dairy products' supply in the Republic of Belarus is the objective necessity of market economy. Milk production in our country is 680 kg per head annually. This is six times higher than the analogous world average (109 kg). In the Republic of Belarus the output per head corresponds to the economically developed countries' level and is even higher than that in the EU countries. That is why planning the logistical dairy export channels is of great importance.

The object is choice of foreign distribution channel in order to increase dairy export using the example of company "Molochni mir" of Grodno.

***Material and methods.** The resources for scientific research are information of world business statistics and electronic information resources. The main research methods are the comparative, the graphic, diagrams, "the gravity center", the grouping and the point methods.*

***Findings and their discussion.** This article presents dairy industry development in the Republic of Belarus, dynamics of dairy export and import flows, main world importers. It demonstrates the need in the markets of far and near countries. Country's profiles are developed in accordance with factors of attractiveness and risks. Point assessment is presented. A new distribution channel is designed on the ground of logistical approach. Privolzhsky Federal District (Chistopol) is chosen by using a method "the center of gravity". Different transport delivery is chosen considering time and cost of transportation.*

***Conclusion.** The need in foreign markets for dairy products is prescribed by Belarusian Social and Economic Development Program for 2016–2020 and by high self-sufficiency per head. The need to increase export determines the choice of an effective distribution channel considering chosen criteria and factors.*

***Key words:** dairy products, distribution channel, export, import, flows, supplies, food industry, planning, countries' profiles, attractiveness, risks.*

Увеличение поставок молочной продукции в Республике Беларусь – объективная необходимость рыночной экономики. Производство молока в нашей стране составляет 680 кг на одного человека. Это в 6 раз больше аналогичного среднемирового показателя (109 кг). Объем производства на душу населения Республики Беларусь соответствует уровню развитых государств и даже превышает показатели многих стран ЕС. В этой связи особую значимость приобретает проектирование логистических каналов экспорта молочной продукции.

Цель работы – обоснование выбора зарубежного канала сбыта с целью увеличения экспорта молочной продукции на примере гродненского ОАО «Молочный мир».

Материал и методы. Материалом для изучения послужили данные мировой статистики бизнеса, электронные информационные ресурсы. Основные методы исследования: сравнение, графический, группировки, балльный, «центр тяжести».

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются развитие молочной отрасли в Республике Беларусь, динамика экспортно-импортных потоков молочной продукции, основные мировые импортеры, обосновывается необходимость выхода на рынки ближнего и дальнего зарубежья, разрабатываются профили стран по факторам привлекательности и риска, приводится балльная оценка. Проектируется новый канал сбыта на основе логистического подхода, выбирается Приволжский федеральный округ (г. Чистополь) с использованием метода «центра тяжести», определяется способ доставки различными видами транспорта с учетом времени и стоимости транспортировки.

Белорусская молочная отрасль – визитная карточка пищевой промышленности республики – специализируется на выпуске молока, масла, сыров, мороженого, молочных консервов и других продуктов. Мировой экспорт молокопродуктов в пересчете на молоко составляет около 40 млн тонн, т.е. 5,7% от общего мирового объема производства. Республика Беларусь производит 1,4% мировых объемов молока, в экспорте молочных продуктов занимает около 5%, а по маслу сливочному около 9%. Внутри республики потребляется около 46% производимой молочной продукции, остальное экспортируется.

Открытое акционерное общество «Молочный мир» – один из лидеров молочной промышленности Республики Беларусь, который обеспечивает общий объем переработки молока более 160 тысяч тонн в год. Это активно развивающееся предприятие, которое имеет устойчивое финансовое положение и производит продукцию только высокого качества, соответствующую всем стандартам безопасности [1]. На предприятии полностью автоматизированы технологические процессы, используются новейшие и совершенствуются традиционные технологии, которые улучшают качество и повышают безопасность продукции. Внедрены система управления охраной труда в соответствии с СТБ ИСО 18001-2005, система менеджмента качества СТБ ISO 9001-2009, система сертификации «Халяль». Стабильно высокое качество выпускаемой продукции позволяет постоянно наращивать экспорт, доля которого в объеме производства составляет более 35%. Экспортные рынки предприятия: Российская Федерация, Молдова, Казахстан, Туркменистан, активно продвигается предприятие и на рынок Китая.

Республика Беларусь экспортирует продукцию молочной отрасли промышленности по коду ТН ВЭД 0405 (сливочное масло и прочие жиры и масла, изготовленные из молока; молочные пасты) более чем в 10 стран мира. Пик экспорта продукции приходился на 2013 год и составил 357 987 тыс. дол. США. В последующие годы наметилась тенденция снижения экспорта данного вида продукции. Он сократился на 13% и составил 274 012 тыс. дол. США по состоянию на 2015 год. Проанализируем состав экспортно-импортных протоков молочной продукции за 2012–2016 гг. в тыс. дол. США (рисунок 1).

Из рисунка 1 следует, что сальдо внешней торговли положительное, так как объем экспорта продукции значительно превышает объем импорта. Почти 98% экспорта продукции приходится на Российскую Федерацию и Казахстан. Это связано, прежде всего, с сотрудничеством данных стран с Республикой Беларусь в рамках Евразийского экономического союза. Предпринимаются попытки выхода с продукцией на рынки Грузии (в 2012 г. – 152 тыс. дол. США, а в 2016 г. – 525 тыс. дол. США) и других стран. Продукция белорусских производителей заслужила хорошую репутацию за счет участия в международных выставках и пользуется устойчивым спросом.

Благодаря выгодному географическому положению Республики Беларусь развитие международной логистики становится важным стратегическим фактором развития и улучшения благосостояния страны. Для стимулирования ее развития утверждена «Республиканская программа развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016–2020 годы» от 18.07.2016 № 560. Цель данной программы – совершенствование условий логистической деятельности, повышение эффективности использования инфраструктуры, необходимой для оказания логистических услуг и транзитного потенциала Республики Беларусь. В ней предусмотрено: повышение

качества и комплексности логистических услуг; обеспечение развития логистической инфраструктуры и повышение эффективности ее использования; совершенствование правовых и экономических условий для эффективного использования транзитного потенциала. В этой связи спроектируем зарубежный канал сбыта продукции по коду ТН ВЭД – 0405 для ОАО «Молочный мир». Для этого проанализируем основных мировых импортеров молочной продукции за 2015 год в тыс. дол. США (рисунок 2).

Из рисунка 2 следует, что основными импортерами молочной продукции являются: Франция (объем импорта – 710 634 дол. США), Германия (536 340 дол. США), Бельгия (523 678 дол. США), Нидерланды (443 940 дол. США) и Великобритания (401 390 дол. США). В качестве потенциальных рынков сбыта выберем вышеперечисленные страны с наибольшим объемом импорта, а также наиболее перспективные: Российская Федерация, Китай, Италия, Египет, Испания. Составим профили указанных стран по факторам привлекательности и риска (таблица 1).

С помощью балльного метода произведена оценка указанных стран, получено соотношение факторов привлекательности и риска, выбрана оптимальная страна для сбыта белорусской продукции по коду ТН ВЭД – 0405 (таблица 2). Наиболее предпочтительной является Российская Федерация с баллом 3,95.

На основании метода «центра тяжести» обосновали место размещения распределительного центра на территории Российской Федерации. Был выбран Приволжский федеральный округ. С учетом наличия подъездных путей внутри его выделен город Чистополь. В этом городе и необходимо расположить распределительный центр.

В исследовании рассчитано время и стоимость доставки молочной продукции различными видами транспорта. Маршрутное расстояние между пунктами отправления и назначения – 1 925 км, ориентировочная стоимость перевозки автомобильным транспортом – 2 076 BYN (1 060 дол. США), время доставки – 7 рабочих дней [3].

Расчет стоимости доставки железнодорожным транспортом производился из того, что доставка непосредственно железнодорожным транспортом будет осуществляться из Гродно в Казань, доставка же из Казани в Чистополь – автомобильным транспортом. Ориентировочный расчет времени доставки устанавливаем исходя из средней скорости поезда в 200 км в сутки. Доставка железнодорожным транспортом осуществляется в два этапа. Первый этап: г. Гродно – ст. Алеща. Второй этап: ст. Клястица – г. Казань [4]. Общая стоимость доставки грузов железнодорожным транспортом составит 1 043 дол. США. Суммарное расстояние доставки – 2 052 км. Время доставки – 10 дней 5 часов (таблица 3).

Основным показателем при выборе транспорта является время доставки груза с учетом срока хранения товара. Стоимость доставки на 17 дол. США выше при использовании автомобильного транспорта, однако здесь расстояние меньше. В конечном итоге доставка белорусской продукции будет осуществляться автомобильным транспортом.

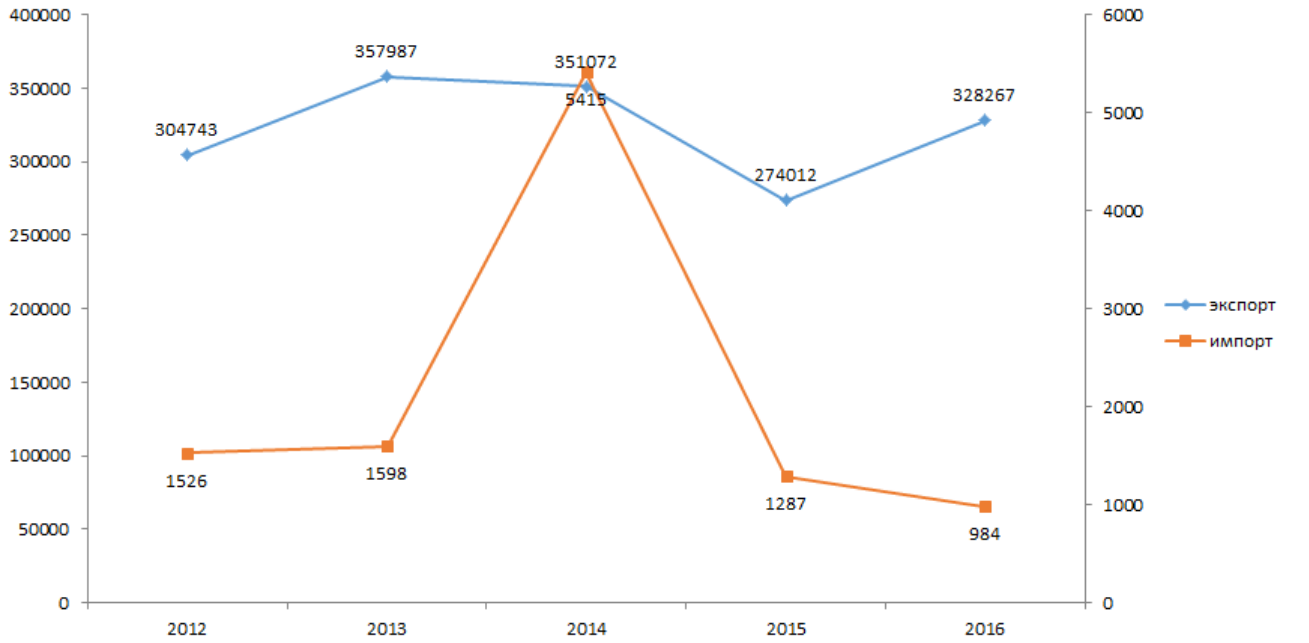

Рисунок 1 – **Динамика экспортно-импортных потоков молочной продукции Республики Беларусь в тыс. дол. США (ТН ВЭД-0405).**

Источник: составлено автором по [2].

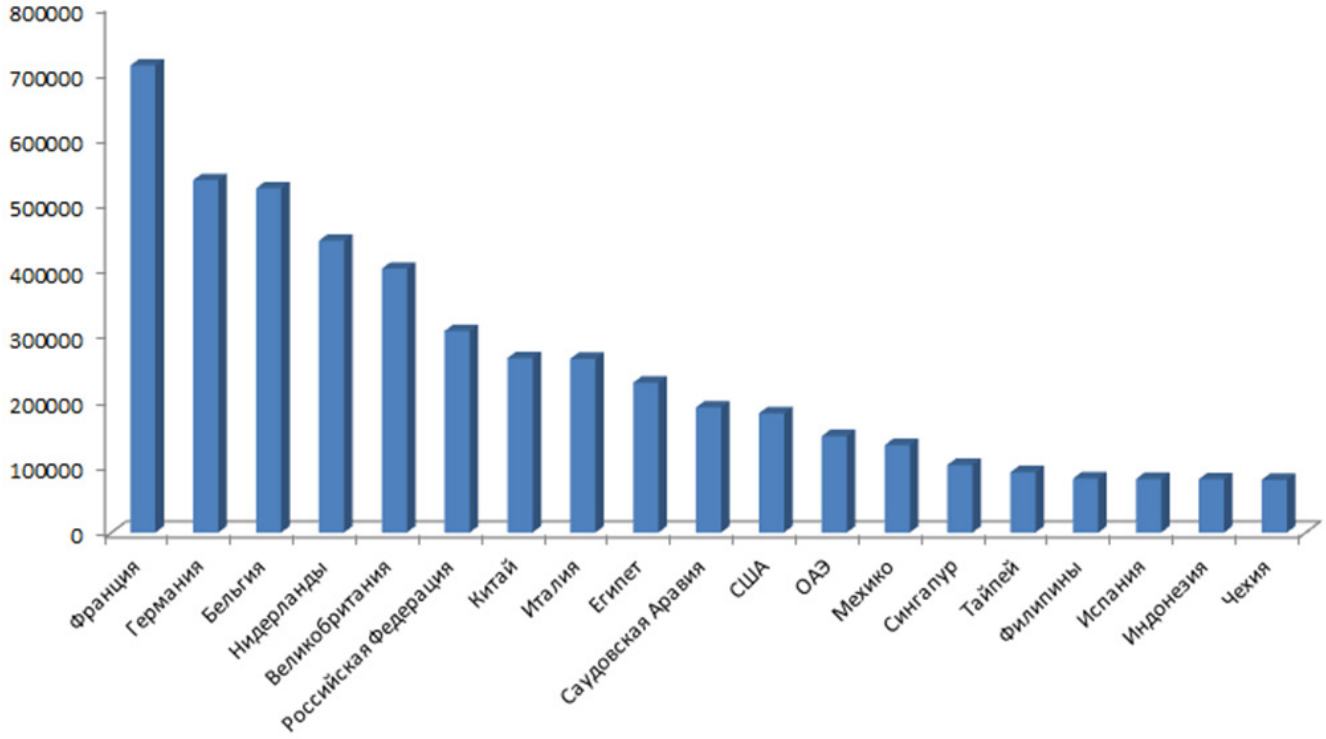

Рисунок 2 – **Основные страны-импортеры молочной продукции, по данным 2015 года в тыс. дол. США (ТН ВЭД – 0405).**

Источник: собственная разработка автора, по данным [2].

Таблица 1 – **Профили стран по факторам привлекательности и риска**

Фактор	Франция	Германия	Бельгия	Нидерланды	Великобр.	РФ	Китай	Италия	Египет	Испания
Факторы привлекательности										
Числен. населения, млн чел.	65,5	81,8	10,8	16,6	62,0	143,3	1339	60,4	79,0	46,1
Импорт, тыс. дол. США	710,6	536,3	523,7	443,9	401,4	306,7	265,5	264,5	228,0	81,6
Стоимость за тонну, дол. США	3,5	3,6	3,6	3,5	3,7	3,3	3,7	3,7	5,2	3,4
Потребл. мол. прод. на душу насел., кг	250	255	225	349	241	249	32	260	65	180
Факторы риска										
Расстояние от Гродно до столицы, км	1 850	840	1 565	1 460	1 900	995	6 700	2 100	3 900	3 150
Таможенная пошлина, %	9	9	9	9	9	0	10	9	5	9

Окончание таблицы 1

Экспорт, тыс. дол. США	449,8	571,3	505,8	1032,0	176,4	11,2	4,0	41,3	1,9	68,9
Производство на душу населения, кг	373	379	311	740	217	210	30	183	40	164

Источник: собственная разработка автора, по данным [2].

Таблица 2 – **Балльная оценка стран по факторам привлекательности и риска**

Фактор	Франция	Германия	Бельгия	Нидерланды	Великобр.	РФ	Китай	Италия	Египет	Испания
Факторы привлекательности										
Ср. значен.:	0,47	0,42	0,37	0,43	0,36	0,29	0,39	0,32	0,35	0,14
Факторы риска										
Ср. значен.:	0,50	0,49	0,48	0,75	0,38	0,07	0,50	0,34	0,26	0,39
Соотношен. факторов	0,94	0,87	0,77	0,57	0,96	3,95	0,77	0,95	1,34	0,36

Источник: собственная разработка автора.

Таблица 3 – **Стоимость перевозки грузов различными видами транспорта**

Показатели	Автомобильный транспорт	Железнодорожный транспорт
Стоимость доставки	1 060 дол. США	1 043 дол. США
Время доставки	7 рабочих дней	10 дней 5 часов
Расстояние доставки	1 925 км	2 052 км

Источник: составлено автором.

Заключение. Предложенное мероприятие актуально, так как в России самообеспеченность по молоку и молочным продуктам составляет 82%. Это наименьший показатель среди всех стран Евразийского экономического союза. В Беларуси самообеспеченность превышает 250% [5]. Это мероприятие не противоречит, а вписывается в государственную программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., согласно которой предусматриваются увеличение экспорта молочной продукции и расширение торгово-экономического сотрудничества с Российской Федерацией. Делается акцент на открытии новых рынков сбыта в регионах СНГ путем создания вертикально-интегрированных производств по выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью [6–7]. Планируется довести экспорт молочной продукции в Республике Беларусь до 60% от ее производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молочная отрасль Беларуси: перспективы и возможности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marketing.by. – Дата доступа: 27.01.2017.
2. Trade statistics for international business development [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.trademap.org. - Date of access: 27.01.2017.
3. DPD. Your delivery expert [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.dpd.by. – Date of access: 29.01.2017.
4. Установление тарифов на грузоперевозку – Белорусская железная дорога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rw.by/cargo_transportation/. – Дата доступа: 29.01.2017.
5. Сидорский, С. Существенная часть потребности России в молоке покрывается за счет белорусской продукции [Электронный ресурс] / С. Сидорский. – Режим доступа: http://www.belta.by. – Дата доступа: 19.01.2017.
6. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by. – Дата доступа: 30.01.2017.
7. Логистика. Практикум: учеб. пособие / И.И. Полещук [и др.]; под ред. д-ра экон. наук, проф. И.И. Полещук. – 2-е изд. – Минск: БГЭУ, 2014. – 362 с.

Поступила в редакцию 06.03.2017 г.

УДК 338.314-044.88:633.853.494(476.5)

Экономическая эффективность деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» и направления ее повышения

Бекиш Е.И.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
Витебский филиал «Международный университет "МИТСО"»

Оценка эффективности функционирования каждой организации очень важна в настоящее время с целью обеспечения роста конечных результатов деятельности – объема производства продукции, доходов и прибыли, комплексного улучшения экономических показателей – роста производительности труда, фондоотдачи и рентабельности, снижения себестоимости и фондоемкости. Тем самым создаются условия для дальнейшего производственного и социального развития организации и экономики страны в целом, наиболее полного удовлетворения общественных и личных потребностей в товарах и услугах, улучшения их качества.

Цель исследования – проведение оценки экономической эффективности деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» и разработка направлений ее повышения.

***Материал и методы.** Материалом для изучения послужили данные производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» и показатели ее эффективности, электронные информационные ресурсы. Основные методы исследования: аналитический метод, методы горизонтального и вертикального сравнительного анализа, метод средних и относительных величин, детерминированный факторный анализ.*

***Результаты и их обсуждение.** При проведении оценки экономической эффективности деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» выявлено, что рост объемов реализованной продукции положительно воздействовал на прибыль от реализации, влияние фактора составило 17 705 млн руб. Снизился убыток от инвестиционной, финансовой и иной деятельности на 13 744 млн руб., или 16,1%. Основной причиной улучшения финансового результата организации является изменение цен на продукцию (влияние фактора составило «минус» 18 435 млн руб.). Увеличение убытка от инвестиционной, финансовой и иной деятельности на 157 478 млн руб. оказало негативное влияние на формирование прибыли предприятия.*

***Заключение.** Установлено, что для ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» будут актуальны мероприятия, ориентированные на повышение экономической эффективности его деятельности. Направлениями повышения показателей прибыли и рентабельности для предприятия определены осуществление технического перевооружения и использование тех объектов основных средств, которые не используются организацией.*

***Ключевые слова:** экономическая эффективность, деятельность, направления, прибыль, рентабельность, техническое перевооружение, основные средства.*

Economic Efficiency of Open Joint Stock Company "Vitebsk Oil-Extracting Factory" and Directions of its Increase

Bekish E.I.

Educational Establishment of Vitebsk Branch of Belarusian Federation of Trade Unions "International University of «MITSO»"

The estimation of efficiency of any company is very important nowadays to provide growth of its activity results – volume of production, incomes and profit, complex improvement of economic indicators – labor productivity growth, fund return and profitability, cost price and capital intensity decrease. Thereby conditions for the further industrial and social development of the company and the national economy as a whole, the fullest satisfaction of both public and personal needs in goods and services, improvement of their quality are created.

The purpose is carrying out of an estimation of the economic efficiency of Open Joint Stock Company "Vitebsk Oil-Extracting Factory" and working out directions of its increase.

***Material and methods.** The research material was data of the economic activity of Open Joint Stock Company "Vitebsk Oil-Extracting Factory" and indicators of its efficiency, electronic information resources. The basic research methods are analytical method, methods of the horizontal and vertical comparative analysis, the method of the average and relative parameters, the determined factorial analysis.*

Findings and their discussion. *Carrying out an estimation of the economic efficiency of Open Joint Stock Company "Vitebsk Oil-Extracting Factory" we found out that growth of volumes of product sales positively affected the sales profit; this was 17705 million rbl. The loss from investment, financial and other activity reduced (13 744 million rbl., or 16,1%). The principal cause of improvement of the company financial result was changes of the product prices (this factor influence was "minus" 18 435 million rbl.). 157 478 million rbl. increase of the loss from investment, financial and other activities had a negative impact on the company profit formation.*

Conclusion. *It was established, that for Open Joint Stock Company "Vitebsk Oil-Extracting Factory" the following measures would be urgent: technical refurbishment and use of those objects of fixed assets which are not applied by the company.*

Key words: *economic efficiency, activity, directions, profit, profitability, modernization, fixed assets.*

На современном этапе вопрос об эффективном использовании хозяйственных ресурсов стоит наиболее остро. Сегодня основная часть организаций Республики Беларусь старается улучшить свою деятельность за счет привлечения дополнительных ресурсов, в то время как на многих из них остается масса скрытых резервов. Их поиск имеет большое значение, так как они позволяют более эффективно использовать уже имеющиеся ресурсы. В результате именно интенсивного развития обеспечиваются неуклонный рост, высокие темпы производственной эффективности. Поэтому комплексный анализ эффективности хозяйственной деятельности является обоснованием для применения оптимального управленческого решения, направленного на повышение интенсификации производства [1; 2].

Способность предприятия своевременно производить платежи, финансировать свою деятельность на расширенной основе свидетельствует о его хорошем финансовом состоянии. Финансовое состояние – это совокупность показателей, отражающих наличие, размещение и использование финансовых ресурсов [3; 4].

Анализ финансового состояния является существенным элементом финансового менеджмента и аудита. Практически все пользователи финансовых отчетов предприятий используют результаты финансового анализа для принятия решений по оптимизации своих интересов [1].

Оценка эффективности функционирования каждой организации очень важна в настоящее время с целью обеспечения роста конечных результатов деятельности – объема производства продукции, доходов и прибыли, комплексного улучшения экономических показателей – роста производительности труда, фондоотдачи и рентабельности, снижения себестоимости и фондоемкости. Тем самым создаются условия для дальнейшего производственного и социального развития организации и экономики страны в целом, наиболее полного удовлетворения общественных и личных потребностей в товарах и услугах, улучшения их качества [3; 4].

Цель исследования – проведение оценки экономической эффективности деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» и разработка направлений ее повышения.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили данные производственно-хозяйственной деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» и показатели ее эффективности, электронные информационные ресурсы. Основные методы исследования: аналитический метод, методы горизонтального и вертикального сравнительного анализа, метод средних и относительных величин, детерминированный факторный анализ.

Результаты и их обсуждение. Витебский маслоэкстракционный завод специализируется на переработке семян рапса. Организация выпускает масло рапсовое прессовое и экстракционное первого и второго сортов (для последующей промышленной переработки), а также техническое масло и рапсовый шрот.

Витебский маслоэкстракционный завод – единственный в Республике Беларусь маслоэкстракционный завод по переработке рапса.

Партнерами организации являются пищевые организации и крупнейшие птицеводческие хозяйства, расположенные на территории Республики Беларусь. Организация экспортирует продукцию в страны Балтии, Западной Европы, Скандинавии.

Девиз организации: взаимовыгодное партнерство – путь к совершенству.

Главная стратегическая цель организации: производство конкурентоспособной и безопасной продукции, соответствующей законодательным и другим обязательным требованиям, превосходящей ожидания и требования потребителей, приносящей устойчивую прибыль для дальнейшего развития производства с целью удовлетворения всех заинтересованных сторон.

Одним из основных показателей эффективности деятельности предприятия является прибыль. Ее получение ориентирует товаропроизводителей на увеличение объема производства продукции, необходимой потребителю, снижение затрат на производство. Для предпринимателя прибыль является сигналом, указывающим, где можно добиться наибольшего прироста стоимости, создает стимул для инвестирования в эти сферы. Убытки свидетельствуют об ошибках и просчетах в направлении и использовании средств, организации производства и сбыта продукции.

Прибыль предприятия является главной целью предпринимательской деятельности. Основ-

ным побудительным мотивом осуществления любого вида бизнеса, его главной конечной целью становится рост благосостояния собственников предприятия. Характеристикой этого роста выступает рост текущего и отложенного их дохода на вложенный капитал, источником которого является полученная прибыль [2].

В настоящее время для многих предприятий Республики Беларусь достижением становится не сам уровень прибыли, а факт ее наличия, то есть выхода на безубыточный уровень работы [5].

В таблице 1 проведем анализ состава и динамики прибыли ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» за 2013–2015 годы.

На основании данных таблицы 1 можно отметить, что из всех показателей, формирующих финансовый результат отчетного периода в 2015 году, организация получила убыток только от инвестиционной, финансовой и иной деятельности; его величина составляла 71 867 млн руб. в 2015 году и 85 611 млн руб. в 2013 году.

Необходимо отметить, что, начиная с 2013 года, в организации постоянно снижается убыток от инвестиционной, финансовой и иной деятельности, который в 2015 году уменьшился на 13 744 млн руб., или 16,1%.

В 2015 году чистая прибыль предприятия увеличилась на 4 211 млн руб., или на 67,1%. Следовательно, ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» является в исследуемом периоде прибыльной организацией.

Проведем факторный анализ прибыли ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод».

Исходные данные для факторного анализа прибыли ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, в 2015 году выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг в ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» увеличилась на 119 312 млн руб. по сравнению с 2013 годом, что свидетельствует об увеличении деловой активности организации.

В то же время наблюдается увеличение себестоимости реализованных товаров, продукции, работ, услуг на 116 850 млн руб.

Таблица 1 – **Анализ состава и динамики прибыли ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод»**

Показатели	Показатели			Темп роста, %
	2013	2014	2015	
Прибыль от реализации, млн руб.	92 461	81 210	89 990	97,3
Прибыль (убыток) от текущей деятельности, млн руб.	95 620	84 339	90 302	94,4
Прибыль (убыток) от инвестиционной, финансовой и иной деятельности, млн руб.	–85 611	–80 472	–71 867	83,9
Чистая прибыль, млн руб.	6 272	1 929	10 483	167,1

Таблица 2 – **Исходные данные для факторного анализа прибыли ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод»**

Наименование показателей	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Абсолютное изменение
Выручка (нетто) от реализации продукции, товаров, работ, услуг (за вычетом налогов и сборов, включаемых в выручку), млн руб.	518 060	576 162	637 372	+119 312
Себестоимость реализации товаров, продукции, работ, услуг, млн руб.	398 829	464 264	515 679	+116 850
Себестоимость реализации товаров, продукции, работ, услуг, млн руб.	16 960	19 346	22 177	+5 217
Расходы на реализацию, млн руб.	9 810	11 428	9 526	–284
Прибыль (убыток) от реализации, млн руб.	92 461	81 124	89 990	–2 471
Индекс свободных отпускных цен организации на продукцию, млн руб.	0,98067	0,99343	0,97107	–0,0096
Выручка (нетто) от реализации продукции, товаров, работ, услуг (за минусом налогов) в сопоставимых ценах, млн руб.	508 051	572 386	618 937	+110 886

Необходимо отметить, что более высокие темпы роста себестоимости реализованных товаров, работ, услуг, чем темпы роста выручки от их реализации, отражают негативную тенденцию в формировании финансового результата деятельности ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод».

При проведении анализа факторов изменения прибыли ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» установлено, что размер прибыли предприятия за 2015 год увеличился на 4 211 млн руб. Основной причиной улучшения финансового результата организации является изменение цен на продукцию (влияние фактора составило «минус» 18 435 млн руб.), при этом рост объемов реализованной продукции положительно повлиял на прибыль от реализации, влияние фактора составило 17 705 млн руб.

Важно отметить, что увеличение убытка от инвестиционной, финансовой и иной деятельности на 157 478 млн руб. оказало негативное влияние на формирование прибыли ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» в 2015 году.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно заключить, что для ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» будут актуальны мероприятия, направленные на повышение экономической эффективности ее деятельности.

Одним из возможных направлений повышения показателей прибыли и рентабельности для исследуемого предприятия может стать осуществление технического перевооружения. Замысел проекта заключается в осуществлении технического перевооружения системы внутризаводской транспортировки готовой продукций (жмыха) между основным технологическим и складским оборудованием. При этом предусматривается замена двигателя системы транспортировки на более современный и экономичный.

Такое переоснащение позволит получить значительную экономию электроэнергии и почти в 2 раза уменьшить выбросы пылящих фракций в окружающую среду, что приведет к снижению энергоемкости и улучшению экологии производства. В результате данных изменений себестоимость в организации снизится и произойдет также рост чистой прибыли предприятия.

Исследованиями установлено, что в результате осуществления перевооружения прибыль предприятия от реализации продукции увеличится на 155,29 млн руб., или на 0,17%, чистая прибыль – на 127,34 млн руб., или на 1,2%.

При проведении анализа состава структуры основных средств ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» установлено, что к активным основным средствам относятся транспортные средства, удельный вес которых в 2015 году составил 1,0%. К пассивным основным средствам относятся здания и сооружения, имеющие долю 31,6%; передаточные устройства – 0,77%; инструмент, инвентарь и принадлежности – 0,14%; другие виды основных средств – 0,9%.

При анализе показателей эффективности управления основных средств ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» выявлено, что одним из направлений улучшения использования их может быть применение тех объектов основных средств, которые не используются организацией вообще.

Так, можно отметить, что часть складских помещений организации на сегодняшний день не используется вообще. При этом сегодня широко распространена практика сдачи в аренду складских помещений для мелких предпринимателей и среднего бизнеса.

По оценкам на конец 2015 года, в ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» имеется складское помещение площадью 103 м^2, состоящее из двух помещений площадью 54 м^2 и 49 м^2.

Свободные площади организации находятся по ее юридическому адресу: 210604, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. М. Горького, 49. Особую привлекательность складским площадям ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» придает тот факт, что они расположены относительно недалеко от центра города. Исходя из этого, будущими потенциальными арендаторами могут быть:

– мелкие предприниматели, занимающиеся перепродажей товаров;

– производственные организации.

То есть, реализуя данное мероприятие, ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» практически без дополнительных затрат может получить чистую прибыль. На фоне роста показателей прибыли организации произойдет и рост относительных показателей – показателей рентабельности, что говорит о повышении эффективности функционирования организации и об экономической целесообразности внедрения предлагаемых мероприятий.

Заключение. Установлено, что в 2015 году чистая прибыль предприятия увеличилась на 4 211 млн руб., или на 67,1%. ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» является в исследуемом периоде прибыльной организацией.

Выявлено, что увеличение убытка от инвестиционной, финансовой и иной деятельности на 157 478 млн руб. оказало негативное влияние на формирование прибыли ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод» в 2015 году.

На основании проведенного анализа определено, что для ОАО «Витебский маслоэкстрак-

ционный завод» будут актуальны мероприятия, ориентированные на повышение экономической эффективности ее деятельности. Возможными направлениями повышения показателей прибыли и рентабельности для исследуемого предприятия могут стать осуществление технического перевооружения и использование тех объектов основных средств, которые не используются организацией.

Исследованиями установлено, что в результате осуществления перевооружения, прибыль предприятия от реализации продукции увеличится на 155,29 млн руб., или на 0,17%, чистая прибыль – на 127,34 млн руб., или на 1,2%.

Выявлено, что, используя свободные площади, предприятие без дополнительных затрат получит чистую прибыль.

Таким образом, определена экономическая целесообразность внедрения предлагаемых мероприятий, которые приведут к повышению показателей прибыли и рентабельности для исследуемого предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекиш, Е.И. Анализ управления финансовой деятельностью на ОАО «Витебский мясокомбинат» / Е.И. Бекиш, Е.Е. Мантур // Ученые записки УО «ВГАВМ». – Витебск, 2012. – Т. 47, вып. 2. – С. 243–246.
2. Бекиш, Е.И. Анализ резервов повышения эффективности хозяйствования и рентабельности в ОАО «Молоко» / Е.И. Бекиш, Р.В. Бекиш // Ученые записки УО «ВГАВМ». – Витебск, 2012. – Т. 46, вып. 2. – С. 335–338.
3. Елисеева, Т.П. Экономический анализ хозяйственной деятельности / Т.П. Елисеева. – Минск: Современная школа, 2007. – 944 с.
4. Гаркавая, В.Г. Экономика предприятия / В.Г. Гаркавая. – Минск: Изд-во Гревцова, 2009. – 360 с.
5. Бекиш, Е.И. Резервы повышения экономической эффективности переработки молока и производства молочных продуктов в ОАО «Сенненский завод СОМ» / Е.И. Бекиш, Р.В. Бекиш // Ученые записки УО «ВГАВМ». – Витебск, 2008. – Т. 44, вып. 2. – С. 28–32.

Поступила в редакцию 07.06.2017 г.

УДК 339.924

Развитие форм и методов межгосударственной бизнес-интеграции

Сулейманов З.Э.

Институт исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка, Москва

Важную роль в стабильном развитии экономики любой страны играют внешнеэкономические бизнес-связи. Глобализация бизнес-сферы – это процесс трансформации мировой экономики в консолидированный рынок товаров, услуг, финансов, информации и рабочей силы.

Цель статьи – проанализировать условия формирования эффективных внешнеэкономических бизнес-связей, а также рассмотреть перспективы развития транснациональных хозяйственных образований.

***Материал и методы.** Материалом послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, статистические показатели, данные отчетов НИР, выполняемые автором. В качестве основных методов исследования использовались ситуационное прогнозирование, эконометрика, анализ и синтез.*

***Результаты и их обсуждение.** Результативность работы компаний-участников бизнес-интеграции на различных сегментах мирового рынка в большой мере зависит не только от макроэкономической поддержки, включая налогово-таможенные преференции со стороны государств, заинтересованных в их деятельности, но и от эффективности внутрифирменного менеджмента. Корпоративные системы управления, в т.ч. логистические системы, являющиеся сегодня первоосновой логистической глобализации, должны быть очень рационально построены, т.е. не должны иметь излишних (дублирующих) объектов или функций.*

***Заключение.** Комплексно характеризуя процесс разработки и реализации интеграционной внешнеэкономической стратегии конкретной компании, можно сделать вывод, что он консолидирует мероприятия по исследованию специфики различных сегментов глобального товарного рынка, уточнению и ранжированию целей бизнес-интеграции, определению наиболее привлекательных сегментов внешнего рынка и механизмов товародвижения, приведению экономического потенциала бизнес-структуры в соответствие с поставленными целями, установлению наиболее надежных и интересных в экономическом отношении партнеров по бизнесу с последующим укреплением интеграционных отношений.*

***Ключевые слова:** интеграционные отношения, глобализация бизнеса, мирохозяйственные связи.*

Development of Forms and Methods of Interstate Business Integration

Suleimanov Z.E.

Ph.D., Doctoral student of the Institute "ITKOR" (Moscow)

Foreign economic business ties play an important role in the stable development of the economy of any country. Globalization of the business sphere is the process of transforming the world economy into a consolidated market of goods, services, finance, information, and labor.

The purpose of the article is to analyze the conditions for shaping effective foreign economic business ties, and also to consider the prospects for the development of transnational economic entities.

***Material and methods.** The material was works of domestic and foreign economists, statistical information, data of research reports carried out by the author. As the main methods of the research, situational forecasting, econometrics, analysis and synthesis were used.*

***Findings and their discussion.** Efficiency of companies participating in business integration in various segments of the world market largely depends not only on macroeconomic support, including tax and customs preferences from the states interested in their activities, but also on the effectiveness of intra-company management. Corporate management systems, logistic systems including, which are the basis of logistical globalization today, must be very rationally constructed, i.e., they should not have unnecessary (duplicating) objects or functions.*

***Conclusion.** Comprehensively characterizing the process of developing and implementing the integration strategy of a particular company, we can conclude that this process consolidates activities on studying the specificity of various segments of the global commodity market, on clarifying and ranking the goals of business integration, on identifying the most attractive segments of the external market and mechanisms of commodity circulation, on bringing economic potential of a business entity in accordance with the objectives, on establishing most reliable and interesting economic partners with subsequent strengthening of the integration relations.*

***Key words:** integration relations, globalization of business, global economic relations,*

Важную роль в стабильном развитии экономики любой страны играют внешнеэкономические бизнес-связи. В условиях все новых геополитических и глобальных экономических вызовов для бизнес-связей становятся характерными дополнительный динамизм и активизация предпринимательских инициатив. Это приводит к развитию адекватных современному мирохозяйственному положению интегрированных транснациональных образований, гибко использующих глобальные бизнес-схемы с участием международных таможенно-логистических систем, терминальных, транспортных и страховых компаний, глобальных телекоммуникационных сетей и прочих структур. Глобализация товарного рынка, проходящая сегодня на фоне действия целого комплекса санкций, трансформирует многие экономические процессы, мобилизуя имеющиеся резервы, включая резервы интеграционных отношений [1].

Цель статьи – проанализировать условия формирования эффективных внешнеэкономических бизнес-связей, а также рассмотреть перспективы развития транснациональных хозяйственных образований.

Материал и методы. Материалом послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, статистические показатели, данные отчетов НИР, выполняемые автором. В качестве основных методов исследования использовались ситуационное прогнозирование, эконометрика, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. В результате межгосударственной бизнес-интеграции о целом ряде товаров сейчас чаще говорят, что они сделаны не в какой-то стране, а в определенной компании. Пример этого – продукция компаний «Вольво», «Форд» и многих других. Можно сказать, что глобализация бизнес-сферы – это процесс трансформации мировой экономики в консолидированный рынок товаров, услуг, финансов, информации и рабочей силы.

В начале XXI века специалисты консалтинговой компании «AT Kearney» совместно с журналом «Foreign Policy» провели многофакторный анализ уровня активности участия в глобализации среди развитых в экономическом отношении государств. В процессе анализа оценивались 13 параметров, включая внешнеторговый оборот, степень участия в международных экономических организациях, привлекательность инвестиционного климата и масштабы иностранных инвестиций, состояние международных телекоммуникаций и др. Исследование показало, что наивысшей степенью адекватности для процессов глобализации отличаются следующие 10 государств: Австрия, Великобритания, Дания, Ирландия, Канада, Нидерланды, Сингапур, Финляндия, Швейцария, Швеция. США занимают 12-е место. Россия располагается значительно ниже [2].

Отметим, что у России существуют весьма крупные предпосылки улучшить свои позиции в сфере международной бизнес-интеграции. По мнению С.Ю. Глазьева, новейшие репрезента-

тивные международные замеры общественного мнения свидетельствуют о сохранении у населения государств СНГ образа России как объединяющего центра [3].

Развитие интеграционных отношений во внешнеэкономической сфере во многом обусловлено активизацией деятельности непосредственных хозяйствующих субъектов национальных экономик. Для исследования внешнеторговой области бизнеса как целостной иерархической системы экономических категорий, по мнению ряда экспертов [1; 4], нужно выделять несколько сопряженных уровней: микроэкономика (бизнес-структуры); мезоэкономика (регионы); макроэкономика (национальное хозяйство); мегаэкономика (глобальная бизнес-сфера).

Процессы и тенденции интеграции различных государств в мировое хозяйство обусловлены тем, что открытые экономические системы тяготеют к увеличению числа составляющих их бизнес-звеньев. При этом совокупность внешнеэкономических условий, степень экономической свободы, таможенные и прочие регуляторы обусловливают состав и масштабы экспортно-импортных потоковых процессов.

Следует заметить, что оптимизация внешнеэкономической деятельности (ВЭД) – это существенный фактор ускорения инновационно-ориентированных преобразований национальной хозяйственной среды [5]. Влияние этого фактора определяется содействием рациональной специализации производства, оптимизации кооперационных связей улучшению ассортимента выпускаемых товаров; выходу на мировой уровень качества продукции с одновременным повышением конкурентоспособности национальной экономики; минимизации издержек; рациональному заимствованию инновационно-ориентированных форм и методов хозяйствования.

Повышение степени взаимозависимости различных стран в глобальных бизнес-связях сопряжено с тем обстоятельством, что экономические процессы все шире выходят за национальные государственные границы, все больше транснационализируются. При этом в ходе развития транснациональных экономических процессов необходимо четко следовать требованиям концепции устойчивого развития [6].

Исследуя мотивы участия различных хозяйствующих субъектов на внешнем рынке (независимо от их национальной принадлежности), следует выделить такие: нацеленность на более рациональное использование имеющегося ресурсного потенциала, предпринимательских возможностей и потенциала бизнес-партнерства; ожидание большей рентабельности работы на внешних рынках; стремление приобрести в собственной стране известность в роли экспортера, а соответственно расширить преимущества перед конкурентами-соотечественниками; опасение экономического спада и сокращения спроса в своей стране; вероятность улучшения за счет экспортных сделок своего экономического положения в целях последующего развития материально-технической и технологической базы; ожидание более низкой степени конкуренции и более благоприятной конъюнктуры на отдельных сегментах внешних рынков; возможности приобретения новейших зарубежных технологий. Разумеется, существует и огромное число иных мотивов для каждой конкретной бизнес-структуры [7].

Результативность работы компаний-участников бизнес-интеграции на различных сегментах мирового рынка в большой мере зависит не только от макроэкономической поддержки, включая налогово-таможенные преференции со стороны государств, заинтересованных в их деятельности, но и от эффективности внутрифирменного менеджмента. Корпоративные системы управления, в т.ч. логистические системы, являющиеся сегодня первоосновой логистической глобализации, должны быть очень рационально построены, т.е. не должны иметь излишних (дублирующих) объектов (складов, распределительных центров, терминалов) или функций (информационного обеспечения, транспортировки, хранения и пр.). Всем элементам бизнес-систем необходима высокая степень гибкости, т.е. способность быстрой адаптации к разноуровневым изменениям среды. Чтобы обеспечить решение этой задачи необходимы: развивающиеся формы взаимодействия и интеграция с логистическими операторами в глобальных цепях поставок; надежные телекоммуникационные системы, а также системы мониторинга поставок; оптимизация маршрутов, каналов и способов транспортировки; совершенствование методов прогноза изменений бизнес-среды.

Обосновывая намерение развития ВЭД, хозяйствующий субъект должен ответить на ряд принципиальных вопросов: какую часть от общей величины своих бизнес-операций ему целесообразно осуществлять за рубежом? На рынках каких государств ему есть смысл продвигать свои товары и услуги? С использованием каких элементов логистики менеджмента и интеграционных бизнес-связей может быть достигнута необходимая степень конкурентоспособности хозяйствования?

Предпочтительность отдельных сегментов зарубежных рынков, со своей стороны, определяется большим числом факторов: состоянием политического и инвестиционного климата; при-

влекательностью налоговых и таможенных механизмов; менталитетом, составом, численностью и величиной доходов населения; свойственными для конкретного государства географическими и природными условиями; степенью развития транспортно-логистической инфраструктуры; уровнем конкуренции и др.

Среди огромного числа рисков работы на внешних товарных рынках, кроме политических и макроэкономических, следует отметить: опасности срыва (отклонения) по договорным обязательствам применительно к различным параметрам (временным, финансовым, пространственным и пр.), включая хранение, транспортировку, поставки товаров, а также риски неоплаты; опасности, сопряженные с особенностями процедур таможенного оформления; риски чрезмерного сокращения запасов; опасности переоценки величины платежеспособного спроса и др. [8].

На глобальном уровне необходимо выделять два основных блока участников конкурентных отношений: компании-резиденты (национальные компании) и иностранные бизнес-структуры. Для точной оценки своих перспектив в конкурентной борьбе участнику ВЭД необходимо изучить следующие вопросы: структура конкуренции, состав потенциальных конкурентов и их цели (краткосрочные и долгосрочные); долевое присутствие конкурентов на интересующем сегменте рынка, а также стиль, формы и принципы взаимоотношений; ключевые типы конкуренции (неценовая и ценовая); конкурентные преимущества отдельных участников данного сегмента рынка, их слабые и сильные стороны, возможности развития и сферы влияния, финансовый потенциал и др.

Участникам ВЭД необходимо понимать, каких ошибок конкурентной борьбы следует избегать и какой положительный опыт нужно использовать. Необходимо выяснить, кто из конкурентов лидирует по следующим позициям: занимаемая доля рынка; инновационность работы; качество продукции; эффективность бизнес-процессов; эффективность PR-акций, рекламы и каналов сбыта; возможности политического влияния.

Достижение высокой конкурентоспособности на внешнем рынке невозможно без детального анализа и учета методов конкурентной борьбы, используемых соперниками, а также прогноза их вероятной реакции на появление новых товаров и услуг. Необходимо также проводить тщательный анализ причин, по которым бизнес-структуры выходили на данный сегмент рынка и уходили с него.

Ключевой проблемой развития международной бизнес-интеграции нужно считать проблему согласования интересов непосредственных участников интеграционных отношений. Может быть предложена следующая поэтапная система согласования. Прежде всего определяется целостная совокупность всех бизнес-интересов участников интеграции с максимально четким установлением желаемых целей.

Крайне важно определить зоны возможных конфликтов целей и интересов. Следствием устранения кого-то из потенциальных участников интеграции от намерений взаимодействия может стать ущемление его перспективных интересов в какой-то одной из сфер бизнес-партнерства.

Последовательно обеспечивая согласование интересов, необходимо провести оценку степени вероятного ущемления интересов кого-либо из партнеров. Следует ранжировать значимость всех целей по каждому из участников интеграционных отношений. Установление приоритетов целеполагания позволит точнее решить, какие уступки (компромиссы) следует трактовать как допустимые, а какие как неприемлемые.

С учетом многофакторного изучения зон и степени значимости конфликтности интересов необходимо использовать такой инструментарий правового и организационно-экономического регулирования, который бы максимально результативно смягчал или устранял потенциальные противоречия.

В процессе оценок целесообразности развития бизнес-активности на конкретных региональных рынках параллельно с анализом конкурентной среды необходимо тщательно и комплексно анализировать особенности и перспективы изменения политического и социально-экономического положения в конкретном государстве. Такой анализ, разумеется, необходимо выполнять с учетом более масштабных геополитических трансформаций. Реалии 2014–2017 годов показывают, что перемены в политическом курсе и отношении к сотрудничеству с отдельными зарубежными партнерами бывают иногда очень резкими (введение санкций и контрсанкций, блокирование валютных резервов и каналов сбыта товаров, ввод новых налогово-таможенных обложений и внешнеторговых квот, конфискация собственности и пр.).

Практика самых последних лет показывает, что теперь обязательно нужно учитывать риски, сопряженные с: закрытием границ; введением в государстве бизнес-партнера ограничений (запретов) на импорт и ограничением областей бизнеса (лимитирование доступа к рынку капиталов и т.д.); военными действиями, терактами и забастовками; ограничениями на перевод прибыли и платежей, а также репатриацию капиталов (что уменьшает инвестиционные возможности); изменением налогового и таможенного законодательства; национализацией имущества; резкими

изменениями курса валют; физической безопасностью персонала и т.д. В последний период эти риски многократно усиливаются не только на удаленных от России или Азербайджана сегментах глобального рынка (арабские страны, африканские регионы), но и в сопредельных государствах, повышая необходимость внимания к различным аспектам бизнес-партнерства даже на приграничных территориях [8].

Для использования и развития возможностей международной интеграции необходимо проведение потенциальным субъектом интеграции анализа мирохозяйственных и геополитических перспектив с использованием следующего ряда показателей: степень политической стабильности в государстве, резидентом которого является вероятный бизнес-партнер; привлекательность налогово-таможенных режимов; стабильность системы регулирования иностранных инвестиций; уровень инфляции; вероятность экспроприации; состав и масштабы бюрократических барьеров; темпы роста экономики и платежеспособного спроса в данном государстве; стиль исполнения договорных обязательств; степень ответственности, а также международные пристрастия и симпатии местных чиновников и партнеров.

Проведя оценку указанных параметров, можно с высокой точностью определить перспективность (целесообразность) хозяйствования с развитием интеграционных отношений на рынке конкретных государств. В процессе анализа нельзя не учитывать экспертные оценки топменеджмента компаний, банковских структур, правительственных чиновников, научно-исследовательских и аналитических организаций.

В целях уточнения тенденций трансформации экономической среды и оценки возможной результативности интеграции бизнес-структурам нужно анализировать:

– результаты коммерческих переговоров, перспективы развития отношений с зарубежными потребителями и причины случаев инодебиторской задолженности;

– принадлежность страны, резидентом которой является потенциальный бизнес-партнер, к различным международным сообществам и группировкам;

– прочность позиций на данном сегменте мирового рынка зарубежных фирм-конкурентов, данные об их финансово-экономическом положении и перспективных направлениях развития бизнеса.

Комплексная оценка указанной информации позволит оценить с большей точностью следующие обстоятельства: перспективность конкретных внешних рынков; состав, масштабы и вероятность различных рисков; рациональный круг партнеров; номенклатуру товаров и услуг, наиболее целесообразную для продвижения на конкретные сегменты глобального рынка; целесообразные формы интеграции с бизнес-партнерами из третьих стран.

К числу принципиальных обстоятельств, которые должен постоянно учитывать участник мирохозяйственной интеграции, необходимо отнести культурно-религиозную среду, стереотипы и предрассудки, другие мотивационные аспекты поведения граждан того государства, с компаниями которого намечается развитие интеграционных бизнес-связей. Следует очень тщательно изучать традиции, сложившиеся в тех странах, на рынках которых предстоит работа. В ситуации резкого обострения межнациональных и межгосударственных отношений во втором десятилетии XXI века все это становится крайне важным и актуальным.

Приняв решение о развитии ВЭД на рынках конкретных государств, хозяйствующий субъект постоянно должен учитывать возможности улучшения форм и методов своей работы на этих рынках. Параллельно с традиционными внешнеторговыми операциями, такими как прямой экспорт (с использованием представительств и филиалов, фирменных сбытовых отделений, дистрибьюторских сетей, находящихся за рубежом) и косвенный экспорт (с подключением отечественных посредников), возможна организация совместного интегрированного предпринимательства (франчайзинг, организация совместных предприятий), а также прямые инвестиции в развитие бизнес-структур за рубежом.

Реальный эффект могут обеспечить создаваемые за рубежом предприятия. Оценивая подобный эффект, необходимо учитывать, что:

– создавая дополнительные рабочие места, бизнес-структура формирует для себя более привлекательный имидж в стране-партнере;

– может достигаться большая экономия ресурсов благодаря более низкой стоимости сырья и рабочей силы, а также благодаря минимизации транспортных затрат и использованию льгот, предоставляемых зарубежным инвесторам и пр.;

– укрепляются связи с потребителями, дистрибьюторами и поставщиками, административными органами принимающего государства, что способствует мобилизации дополнительных резервов.

Заключение. Комплексно характеризуя процесс разработки и реализации интеграционной внешнеэкономической стратегии конкретной компании, можно сделать вывод, что он консолидирует мероприятия по исследованию специфики различных сегментов глобального товарного

рынка, уточнению и ранжированию целей бизнес-интеграции, определению наиболее привлекательных сегментов внешнего рынка и механизмов товародвижения, приведению экономического потенциала бизнес-структуры в соответствие с поставленными целями, установлению наиболее надежных и интересных в экономическом отношении партнеров по бизнесу с последующим укреплением интеграционных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моргунов, В.И. Международный маркетинг: учебник для бакалавров / В.И. Моргунов, С.В. Моргунов. – М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К», 2014. – 184 с.
2. Михайлин, А.Н. Краткий толковый словарь-справочник по внешнеэкономической деятельности / А.Н. Михайлин. – М.: Книга-сервис, 2012. – 868 с.
3. Глазьев, С.Ю. Перспективы развития евразийской экономической интеграции: от ТС-ЕЭП к ЕЭС (концептуальный аспект) / С.Ю. Глазьев, С.П. Ткачук // РЭЖ. – 2013. – № 1. – С. 3–12.
4. Воронкова, О.Н. Внешнеэкономическая деятельность: организация и управление: учеб. пособие / О.Н. Воронкова, Е.П. Пузакова. – М.: Экономистъ, 2009. – 495 с.
5. Адамов, Н.А. Концептуальные аспекты развития национальной транспортно-логистической системы / Н.А. Адамов, А.С. Элларян // РИСК. – 2013. – № 3. – С. 40–41.
6. Сулейманов, З.Э. Управление водными ресурсами региона в рамках концепции устойчивого развития / З.Э. Сулейманов // РИСК. – 2016. – № 2. – С. 148–151.
7. Брынцев, А.Н. Логистика и продвижение товара / А.Н. Брынцев // РИСК. – 2013. – № 4. – С. 48–50.
8. Сулейманов, З.Э. Логистические резервы управления водными потоками в условиях риска / З.Э. Сулейманов // Российский экономический интернет-журнал. – 2016. – № 3. – Режим доступа: http://e-rej.ru/publications/165/. – Дата доступа: 10.05.2017.

Поступила в редакцию 07.07.2017 г.

УДК 614.2(470.325)-048.35

Динамика развития медицинской помощи населению в условиях модернизации здравоохранения Белгородской области России

Павлов К.В.*,
Степчук М.А., Пинкус Т.М.****

**ЧО ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий», г. Ижевск, Российская Федерация*
***Областное государственное учреждение здравоохранения «Медицинский информационно-аналитический центр», г. Белгород, Российская Федерация*

Проводимая реформа здравоохранения направлена на обеспечение качества и доступности медицинской помощи, что должно способствовать повышению продолжительности активной жизни населения и является залогом устойчивого социально-экономического развития общества. В этой связи статья посвящена определению направлений, методов и форм инновационного развития и модернизации системы здравоохранения региона на основе организации и приоритета использования первичной медико-санитарной помощи.

Цель данного исследования – изучение состояния и динамики развития медицинской помощи, в том числе специализированных ее видов, населению Белгородской области за последнее время, а также определение прогнозов ее развития в обозримой перспективе.

***Материал и методы.** В процессе исследования социально-экономических проблем оказания медицинской помощи населению региона использовались методы системного и статистического анализа, а также методы прогнозирования и программирования развития воспроизводственных систем.*

Результаты и их обсуждение. *На современном этапе развития общества реорганизация и модернизация системы здравоохранения региона как основа решения проблем сохранения здоровья населения зависят от активного межведомственного взаимодействия, а также от эффективности деятельности самой системы здравоохранения, решения проблем ее финансирования, укомплектования и уровня профессионализма кадров, оснащения медицинских организаций современным оборудованием, эффективными методами и методиками диагностики и лечения. В этой связи были выявлены приоритетные направления развития первичной медико-санитарной помощи как формы перехода на трехуровневое ее оказание.*

Заключение. *В результате реализации мероприятий модернизации здравоохранения региона медицинская помощь получила свое развитие на всех уровнях ее оказания, в том числе на уровне первичной медико-санитарной помощи и на уровне оказания специализированных ее видов. Вместе с тем процесс модернизации здравоохранения Белгородской области осуществлялся недостаточно системно, что требует дальнейшего совершенствования системы управления здравоохранения региона, особенно отказа от приоритета оказания населению стационарной медицинской помощи.*

Ключевые слова: *регион, модернизация здравоохранения территории, Белгородская область, трехуровневое оказание медицинской помощи.*

Dynamics of the Development of Medical Care in the Conditions of Health Care Upgrade of Belgorod Region of Russia

Pavlov K.V.*, Stepchuk M.A., Pinkus T.M.****

**ChO VPO "Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies", Izhevsk, Russian Federation*
***Regional State Healthcare Institution "Medical Information and Analysis Center", Belgorod, Russian Federation*

The ongoing health care reform is aimed at ensuring quality and accessibility of medical care, which should enhance the active life expectancy of the population and is the key to sustainable social and economic development of society. In this regard, the article is devoted to the identification of directions, forms and methods of innovation development and modernization of the Region's health care system based on the organization and priority of the use of primary health care.

The aim of this study is to investigate the status and dynamics of health care development, including its specialized types, to the population of Belgorod Region in recent years, as well as finding out forecasts of its development in the foreseeable future.

Material and methods. *In the course of the research on the social and economic issues of providing medical care to the population of the Region methods of system and statistical analysis were used, as well as methods of forecasting and programming of the reproductive systems.*

Findings and their discussion. *At the present stage of the development of society, reorganization and modernization of the health system in the Region as the basis for solving problems of health care of the population depends on the activity of interagency cooperation, as well as the effectiveness of the health system, addressing its financing, staffing and the level of professionalism, equipping medical institutions with modern equipment, effective methods and techniques for diagnosis and treatment. In this regard priority areas for the development of primary health care as a form of transition to the three-level provision were identified.*

Conclusions. *It is concluded that as a result of the modernization of the Region health activities medical aid received its development at all levels of its provision, including the level of primary health care and the level of provision of its specialized types. At the same time, health care modernization process of Belgorod Region wasn't carried out systematically, which requires further improvement of health management system in the Region, especially the non-priority of the provision of public hospital care.*

Key words: *region, modernization of the health care of the area, Belgorod Region, three-level medical care provision.*

На современном этапе развития общества реорганизация, модернизация системы здравоохранения региона как основа решения проблем сохранения здоровья населения и решения, связанных с этим иных социально-экономических проблем зависят от активного межведомственного взаимодействия, а также от эффективности деятельности самой системы здравоохранения, проблем его финансирования, укомплектования и уровня профессионализма кадров, оснащения медицинских организаций современным оборудованием, эффективными методами и методиками диагностики и лечения и разработкой адекватной системы мотивации качественной работы специалистов [1]. В этой связи

изучение динамики этих явлений в период модернизации здравоохранения региона приобретает первостепенную значимость и актуальность. Исходя из сказанного, целью данной работы является исследование состояния и динамики развития медицинской помощи (в т.ч. специализированных ее видов) в регионе за последнее время, а также определение перспектив ее развития.

Для достижения этой цели были поставлены и решены следующие задачи: анализ и изучение законодательной базы по организации медицинской помощи и развитию здравоохранения; осуществление оценки и состояния здравоохранения и организации медицинской помощи Белгородской области с приоритетом первичной медико-санитарной помощи (ПМСП) и оценки специализированной (в том числе высокотехнологичной) помощи, а также формирование прогноза их развития на ближайшую перспективу.

Материал и методы. Методологической основой для достижения цели исследования явились комплексный подход и методы статистического и сравнительного анализа [2]. С их помощью проанализированы различные аспекты организации медицинской помощи жителям региона и отдельных ее видов, даны ее оценка и перспективы развития.

Для их реализации здравоохранение Белгородской области в 2016 году располагало сетью медицинских организаций, в которую входят: 47 больничных организаций, имеющих в своем составе 54 врачебные амбулатории, 64 центра (отделения) врача общей (семейной) практики (ВОП), 17 самостоятельных амбулаторно-поликлинических организаций; 542 фельдшерско-акушерских пункта (ФАП); 3 станции скорой медицинской помощи (кроме того, 38 станций и отделений, не имеющих статуса юридического лица); 3 станции переливания крови; 5 круглогодичных санаторно-курортных организаций; дом ребенка; 7 организаций особого типа, не оказывающих медицинскую помощь населению. В регионе также широко развита сеть частных и ведомственных медицинских организаций, 9 из которых участвуют в реализации территориальной программы государственных гарантий оказания гражданам Белгородской области бесплатной медицинской помощи (программа госгарантий). Для оказания первой помощи в малонаселенных селах и хуторах организовано 42 домовых хозяйства (2014 г. – 1). Приоритет в развитии системы здравоохранения региона отдан развитию внебольничной медицинской помощи и ее профилактического направления с конечной целью увеличения продолжительности жизни и сокращения смертности населения [3]. Параллельно развивалась специализированная, в том числе высокотехнологичная медицинская помощь (ВМП).

В целях обеспечения ПМСП жителям области функционирует широкая сеть медицинских организаций, включающая территориальные поликлиники для взрослых, детские поликлиники, женские консультации, врачебные и фельдшерские здравпункты в городах и лечебно-профилактические учреждения врачебного участка в сельской местности, к которым относятся фельдшерско-акушерские пункты, здравпункты, центры врача общей практики, участковые больницы, врачебные амбулатории, являющиеся первичным звеном в системе ПМСП [4]. Для жителей районного центра основным учреждением, оказывающим ПМСП, является поликлиника центральной районной больницы. Всего в 2016 году ПМСП в области оказывалась 135 амбулаторными медицинскими организациями, в которых работало 13 962 человека, из них: врачей – 3 069; среднего медицинского персонала – 6 833; младшего медицинского персонала – 743. За анализируемый период с 2012 по 2016 г. обеспеченность врачебными кадрами амбулаторно-поликлинического звена увеличилась на 8,1% и составила в 2016 г. 20,0 на 10 000 населения (2012 г. – 18,5); а обеспеченность средним медицинским персоналом осталась на прежнем уровне и составила 44,0 (2012 г. – 44,0) на 1 000 населения [5].

Результаты и их обсуждение. В результате проведенной реорганизации мощность амбулаторно-поликлинических медицинских организаций за 2012–2014 годы сократилась всего на 0,8% и составила в 2016 г. 33 662 посещения в смену (2012 г. – 33 923). Соответственно несколько снизилась обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями, которая составила 217,2 посещений в смену на 10 000 населения, что ниже среднего показателя по РФ (РФ, 2015 г. – 226,2). Однако это не повлияло на количество посещений к врачам амбулаторно-поликлинического звена (первичного звена) которое на протяжении этих лет сохраняется в среднем около 9 на 1 жителя в год. В то же время в связи с активным развитием профилактического направления работы первичного звена изменилась структура посещений (см. рисунок 1).

Как видно из рисунка 1, количество посещений с профилактической целью увеличилось на 40% и составило в 2016 г. 3,5 посещения на 1 жителя в год (2012 г. – 2,5), а их доля в структуре посещений увеличилась на 8,7% и соответственно составила 38,7% от общего количества посещений в поликлинике и на дому (2012 г. – 30,0). Доля посещений по поводу заболеваний, наоборот, уменьшилась на 20,3% и составила в 2016 году 5,5 посе-

щений на 1 жителя (для сравнения в 2012 г. – 6,9). Это подтверждает существование тенденции о переориентации работы врачей первичного звена на профилактическую работу. С этой целью проводилась диспансеризация определенных групп взрослого населения Белгородской области – общее число граждан, подлежащих диспансеризации в 2016 году, составило 265 636 человек (прошли диспансеризацию 248 058 человек, что составляет 93,4% от плана). С помощью мобильных бригад в рамках диспансеризации обследовано 15,4% населения, а граждан, проживающих в сельской местности – 44,6%. Доля отказов от отдельных исследований составила 3,7%, а доля письменных отказов от диспансеризации в целом – 0,1%. По половому признаку обследованные распределились: мужчины – 44,1%, женщины – 55,9%. По возрасту: 21–35 лет – 31,2%; 36–60 лет – 43,3%; старше 60 лет – 25,5%. По результатам диспансерных осмотров по группам здоровья граждане распределились следующим образом: I группа здоровья – 28,2% (70 004 человека); II группа здоровья – 15,7% (38 854 человека); III группа здоровья – 56,1% (139 200 человек). Частота выявленных поведенческих факторов риска составила: нерациональное питание – 22,4%; низкая физическая активность – 19,4%; избыточная масса тела (ожирение) – 13,5%; курение – 11,9%; риск пагубного потребления алкоголя – 0,7%. Частота выявления патологии составляет (на 1000 обследованных): болезни системы кровообращения – 23,0%; эндокринологические заболевания – 10,5%; болезни органов пищеварения – 5,5%; болезни глаз – 3,4%; болезни органов дыхания – 3,3%; болезни нервной системы – 3,0%; болезни крови – 0,8%; глаукома – 0,6%; злокачественные новообразования – 0,5%. Злокачественные новообразования выявлены следующих локализаций: предстательной железы – 25 человек; трахеи, бронхов, легких – 22; желудочно-кишечного тракта: верхние отделы – 20, нижние отделы – 16. По результатам диспансеризации приняты следующие решения: установлено диспансерное наблюдение за 24,4% лиц; назначено лечение – 34,1%; направлено на дополнительное диагностическое исследование – 4,7%; направлено на получение специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи – 0,1%; направлено на санаторно-курортное лечение – 2,5% обследованных лиц.

По мнению авторов, смысл и цель диспансерного наблюдения для граждан, имеющих хронические неинфекционные заболевания (ХНИЗ) или хотя бы высокий риск их развития, – это: достижение заданных значений параметров фискального, лабораторного и инструментального обследования; коррекция факторов риска развития заболевания; предупреждение обострений ХНИЗ; снижение числа обращений к врачу, вызовов скорой помощи и госпитализаций; повышение качества жизни и снижение числа предотвратимых смертей [6]. Мероприятия по достижению этой цели включены в подпрограмму развития ПМСП и реализуются в районах Белгородской области.

В целом значение ПМСП для населения определяется высокой доступностью этого вида медицинской помощи, возможностью получения квалифицированного обследования и лечения без госпитализации, а зачастую и без освобождения от работы или учебы. С целью повышения доступности встречи пациента с врачом во всех амбулаторно-поликлинических учреждениях области реализована возможность электронной записи на прием к врачу с использованием информационно-сенсорных терминалов и интернет-сервисов [7].

Для повышения доступности медицинской помощи преимущественно пожилому сельскому населению в отдаленных селах и хуторах, проведения осмотров и диспансеризации используются медицинские мобильные бригады (см. таблицу 1).

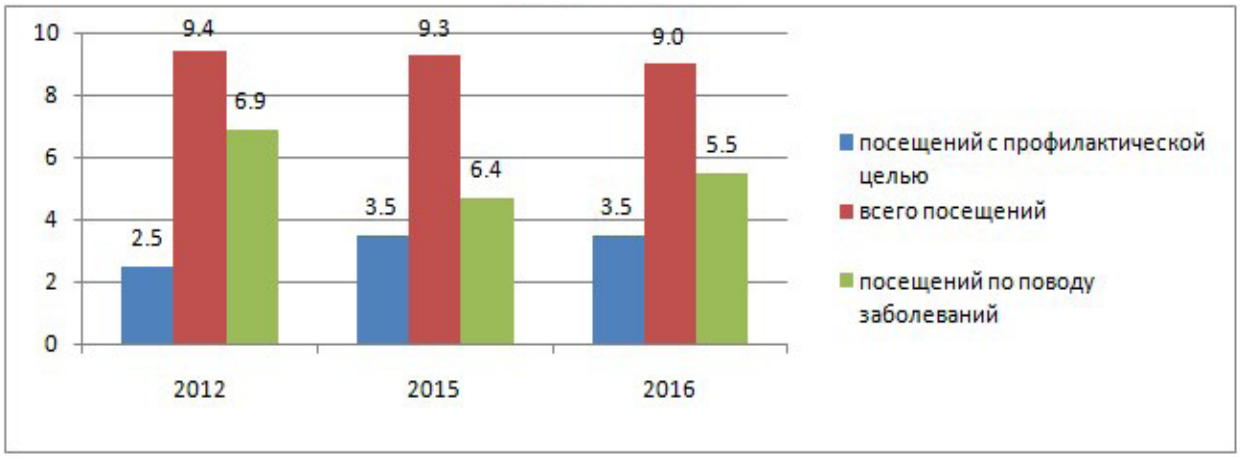

Рисунок 1 – **Структура посещений к врачам амбулаторно-поликлинического звена за период с 2012 по 2016 год.**

Таблица 1 – **Динамика объемов работы врачей мобильных бригад центральных районных больниц области за 2012–2016 годы**

Мобильные бригады	Количество выездов				Осмотрено (чел.)				Комплексный осмотр диспансерных больных (чел.)			
	2011	2015	2016	2016 к 2011	2011	2015	2016	2016 к 2011	2011	2015	2016	2016 к 2011
Всеми бригадами	888	1 605	1 612	181,5	65 088	74 943	74 023	113,7	3 264	38 381	38 250	>в 11,7 р.
Одной бригадой	37	45	45	121,6	2 712	2 082	2 056	75,8	136	1 066	1 062	>в 7,8 р.

Количество мобильных бригад, созданных при центральных районных больницах (ЦРБ), за 2012–2016 годы увеличилось на 12 бригад и составило 36 (2012 г. – 24) [5]. На 81,5% увеличилось количество их выездов, на 13,7% – число осмотренных жителей, а число диспансерных больных, получивших комплексный осмотр, – в 11,7 раза.

Соответственно увеличивалась нагрузка на каждую бригаду. Для эффективной и качественной работы бригад специалистов использовалось портативное оборудование [8]. Кроме того, с целью повышения доступности ПМСП сельскому населению внедряется использование дистанционных видов помощи, в том числе, возможности телемедицины.

Важная составляющая первичной медико-санитарной помощи – скорая медицинская помощь (СМП). С целью обеспечения населения данным видом помощи в Белгородской области создана широкая сеть станций (подстанций) СМП, 3 из которых являются самостоятельными юридическими лицами, и 38 отделений СМП. Отделения СМП организованы в административных районах при центральных районных больницах. Радиус обслуживания в городской черте сегодня не превышает 15 км, в селе – около 50 км. В крупных городах и районных центрах: Белгород, Старый Оскол, Губкин и Валуйки в составе СМП организованы подстанции из расчета 20-минутной транспортной доступности. Число выездов бригад скорой медицинской помощи в 2016 г. увеличилось и составило 329 вызовов на 1 000 населения (2012 г. – 317), при Федеральном нормативе – 318. Ежедневно по области обслуживается около 1 396 вызовов. В течение года работало 504 бригады (2012 г. – 471), из них: 91 – врачебных (2012 г. – 84), в том числе: 29 бригад интенсивной терапии (2012 г. – 28), 388 – фельдшерских (2012 г. – 335). Кроме того, специализированные бригады: 10 – психиатрических (2012 г. – 10), 15 – педиатрических (2012 г. – 14). Обеспеченность бригадами в 2016 г. составила 3,3 на 10 000 населения (2012 г. – 3,3). Уменьшилась укомплектованность врачебных должностей СМП, и с учетом совместительства она составила 88,1% (2012 г. – 98,6); средним медицинским персоналом – 98,2% (2012 г. – 99,4). Кроме основной задачи служба СМП, осуществляла перевозку инфекционных больных, плановых больных, в том числе больных на гемодиализ и др. За анализируемый период наблюдается увеличение на 0,5% числа перевозок и в структуре вызовов перевозки в 2016 году составили 6,7% (2012 г. – 6,2) [6].

В целях рационального использования СМП проводится работа по переадресовке больных с неотложными состояниями (в часы работы поликлиник) участковой службе. С целью их обслуживания в поликлиниках области открываются кабинеты неотложной помощи [9]. В настоящее время решаются вопросы оптимизации оказания скорой медицинской помощи в рамках Белгородской агломерации, а также расширения радиуса обслуживания МБУЗ (Муниципальное больничное учреждение здравоохранения) СМП г. Белгорода за счет территории Белгородского района и улучшения взаимодействия указанных структурных подразделений СМП. В планах на ближайшую перспективу в целом по области число вызовов СМП должно снизиться до 313 на 1 000 населения в год. Этому будут способствовать использование программы ГЛОНАС (используется во всех районах области), переход на единую диспетчерскую службу и обслуживание вызовов по принципу ближайшей бригады.

Неоценимое значение в оказании медицинской помощи населению связано с восстановительным лечением и реабилитацией, которые направлены на восстановление физического, психологического и функционального состояния, трудовой и профессиональной деятельности пациентов [10]. В Белгородской области создана многоуровневая система восстановительного лечения и медицинской реабилитации, включающая в себя ряд этапов: стационарный, амбулаторно-поликлинический и санаторно-курортный этапы. Основные реабилитационные мероприятия в области осуществляются в амбулаторно-поликлинических и стационарных учреждениях здравоохранения [11].

На стационарном этапе в области восстановительное лечение и медицинская реабилитация начинаются с первых дней пребывания больного в стационаре [5]. Кроме этого, оно обеспечивается: в ОГБУЗ (Областное государственное бюджетное учреждение здравоохранения) «Ново-Таволжанская больница медицинской реабилитации» на 192 койках; в отделении медицинской реабилитации ОГКУЗ «Госпиталь ветеранов войн» на 80 коек; в ОГБУЗ «Чернянская центральная районная больница» – на 15 койках; в ОГБУЗ «Вейделевская центральная районная больница» – на 15 койках и на 64 койках реабилитации на базе санатория «Красиво». Всего в стационарных отделениях медицинская реабилитация в 2016 году проводилась по кардиологическому, неврологическому, ортопедическому, терапевтическому профилю и по профилю патологии беременности. Непосредственно в санатории «Красиво» осуществляется реабилитация кардиологических больных после хирургических вмешательств, стентирования, протезирования клапанов, которые в общей массе прошедших реабилитацию составляли до 35%. Средняя по региону длительность реабилитационного курса на специализированных койках составила 18 дней, что на 18,2% ниже федерального норматива (норматив – 22 дня).

Долечивание после стационарного лечения организовано в медицинских организациях с использованием отделений (кабинетов) восстановительного лечения, физиотерапии, лечебной физкультуры, рефлексотерапии, а также в санаторно-курортных учреждениях [12; 13]. На базе ОГБУЗ «Белгородская областная клиническая больница Святителя Иоасафа» путем реорганизации областного центра медицинской реабилитации организовано отделение, в котором оказывается широкий спектр медицинских услуг по реабилитации больных в амбулаторных условиях. Широко используются восстановительное лечение и медицинская реабилитация на базе физиотерапевтических отделений (кабинетов), кабинетов ЛФК, массажа в городских поликлиниках области и поликлиниках центральных районных больниц (ЦРБ). Оснащаются эти кабинеты в офисах семейного врача.

С целью оздоровления населения в системе здравоохранения области имеется 5 санаториев круглогодичного функционирования общей коечной мощностью 850 коек, в том числе: ОГАУЗ «Санаторий "Красиво"» на 450 коек; ОГКУЗ «Санаторий для детей с родителями» в г. Белгороде – на 100 коек; МБУЗ «Городской детский санаторий "Надежда" г. Старый Оскол» – на 100 коек; ОГКУЗ «Детский санаторий г. Грайворон» – на 100 коек; ОГКУЗ «Детский противотуберкулезный санаторий п. Ивня» – на 100 коек. В 2016 году санаторно-курортное лечение получило на 8,9% больше человек, и составило 16 198 чел. (2012 г. – 14 870). Из общего числа получивших санаторно-курортное лечение в 2016 году 33,2% составили дети до 17 лет (2012 г. – 37,2).

Для улучшения проведения восстановительного лечения, медицинской реабилитации и санаторно-курортного оздоровления населения области по предложению авторов [6] в Программу включены и реализуются следующие мероприятия: внедрение новых методик восстановительного лечения и реабилитации больных; укрепление материально-технической базы учреждений медицинской реабилитации; оснащение эффективным медицинским оборудованием учреждений, осуществляющих восстановительное лечение и медицинскую реабилитацию; проведение последипломной подготовки врачей-специалистов по медицинской реабилитации; обеспечение преемственности между медицинскими учреждениями восстановительного лечения, медицинской реабилитации, общей лечебной сети и санаторно-курортными учреждениями; обеспечение выполнения квот на лечение в стационарах больниц и отделениях медицинской реабилитации и восстановительного лечения.

Паллиативная медицинская помощь является актуальной в здравоохранении области [14]. Она призвана улучшить качество жизни пациентов с различными хроническими заболеваниями, когда возможности специализированного лечения ограничены или исчерпаны. В регионе за последние 5 лет в многопрофильных больницах была организована 441 паллиативная койка, в том числе: 430 коек – для взрослых, 11 коек – для детей. Кроме этого, функционирует 35 паллиативных коек для онкологических больных в ОГБУЗ «Областной онкологический диспансер». Обеспеченность паллиативными койками в области составляет 2,8 на 10 000 населения, что значительно выше общероссийского показателя (РФ, 2015 г. – 1,8). В 2016 году на паллиативных койках было пролечено 7 345 человек, больничная летальность снизилась на 2,6% и составила 3,1%. Длительность лечения по данному профилю составляет 13,2 дня, что на 17,5 дней ниже федерального норматива (30 дней) и на 9 дней ниже среднего показателя по РФ (РФ, 2014 год – 22,0 дня). Работа паллиативных коек составила 278 дней в году. Низкие показатели функционирования паллиативных коек объясняются наличием объективных и субъективных причин: продолжалась организовываться служба и учеба специалистов, отрабатывался порядок госпитализации на эти койки, население не в полной мере осознало положительную роль паллиативной помощи в системе оказания медицинской помощи и ряд других [15].

Одним из основных критериев оценки работы первичного звена является показатель смертности прикрепленного населения к данному участку, в том числе на дому. В 2016 году в области показатель смертности составил 13,9 на 1 000 населения (около 2,5 случая на 1 участок в месяц, РФ – 3). Случаев смерти на дому лиц всех возрастов зарегистрировано 1,6 на 1 участок (2012 г. – 1,2). Из них: в возрасте 0–17 лет включительно 0,2% (2012 г. – 0,2), в трудоспособном возрасте (женщины 18–54 года, мужчины 18–59 лет) – 12,7% (2012 г. – 15,2%), старше трудоспособного возраста – 87,1% (2012 г. – 84,6). При проведении анализа смертности на дому авторы особое внимание обратили на группу лиц 0–17 лет включительно и на случаи умерших в трудоспособном возрасте.

Так, за анализируемые годы показатель смертности на дому лиц в возрасте 0–17 лет остался на прежнем уровне, однако показатель младенческой смертности (смертность детей до 1 года) на дому увеличился на 2,6% и составил 3,9 на 100 000 детского населения (2012 г. – 3,8). При этом удельный вес младенческой смертности на дому (этот показатель имеет важное социальное значение, так как особенно высок риск гибели детей из семей социального риска что, прежде всего, зависит от недостаточного ухода родителей за детьми раннего возраста) увеличился на 2,0% и составил 33,3% от всех умерших на дому в возрасте 0–17 лет (2012 г. – 31,3%). Уменьшился на 20,3% показатель числа лиц, умерших на дому в трудоспособном возрасте, который составил 211,6 на 100 000 населения соответствующей возрастной группы (2012 г. – 265,5). Это обстоятельство требует разработки дополнительных мероприятий по профилактике младенческой смертности и продолжения активного проведения профилактики смертности населения трудоспособного возраста [5].

Для государства большое значение имеет снижение финансовых затрат на дорогостоящее стационарное лечение. В этой связи ПМСП имеет приоритетное значение в медицинском обслуживании как наиболее массовый и доступный вид медицинского обслуживания. По данным многих авторов, 80% обратившихся за медицинской помощью, начинают и заканчивают свое лечение в амбулаторно-поликлинических медицинских организациях. При этом затраты на оказание данного вида медицинской помощи в 4–5 раз уступают затратам на оказание стационарной помощи населению [16].

С этой целью в регионе часть объемов стационарной помощи планово перемещалась в область амбулаторной помощи. Круглосуточный коечный фонд области на 01.01.2016 г. составил 10 934 койки. В зависимости от потребности в оказании тех или иных видов помощи осуществлялась оптимизация дорогостоящих неэффективно использующихся стационарных коек. Так, за последние 5 лет в области было сокращено 1 149 коек круглосуточного пребывания различных профилей. В связи с этим обеспеченность круглосуточным коечным фондом уменьшилась на 10,2% и составила в 2016 году 70,5 на 10 000 населения (2012 г. – 78,5). В результате улучшилась эффективность работы стационара [17].

Таким образом, в результате приведения деятельности стационарных медицинских организаций к федеральным нормативам и стандартам оказания медицинской помощи и развития амбулаторно-поликлинической помощи в Белгородской области уровень госпитализации уменьшился на 4,8% и увеличилась на 0,6% работа койки, при той же длительности лечения и росте на 0,7% оборота койки (см. рисунок 2).

Для компенсации объемов стационарной помощи за эти годы развиты более экономичные стационарозамещающие виды медицинской помощи: дневные стационары при поликлиниках и дневные стационары на дому. В 2016 году функционировали 59 дневных стационаров для взрослых и 7 дневных стационаров для детей. Коечный фонд стационарозамещающих видов помощи составил 2 849 мест и 207 условных мест – в стационарах на дому, которые эффективно использовались. В общей сложности в 2016 году в дневных стационарах было пролечено 92,2 тысяч человек, ими было проведено 982,8 тыс. пациенто-дней, что составляет 633 дня на 1 000 жителей и полностью удовлетворяет потребность в этом виде помощи.

В соответствии с Программой [6] осуществлялся переход на трехуровневое оказание медицинской помощи и внедрялись новые формы организации ПМСП, в первую очередь в пилотных районах: переход на более эффективную и менее затратную трехэтапную стандартизованную организационную систему ее оказания первого уровня с приоритетом профилактики; развитие этой системы в сельской местности по принципу врача общей практики; приведение к стандартам уровня оснащенности медицинских организаций, широкое использование межрайонных центров и других эффективных подходов и методов, обеспечивающих повышение качества и социально-экономическую эффективность первичной помощи. Одновременно использовались новые формы финансирования первичной помощи, в частности, такие как одноканальное финансирование на основе подушевого норматива с применением частичного фондодержания, консолидация средств бюджетов всех уровней в системе здравоохранения региона, а также отраслевая оплата труда медицинских работников как стационаров, так и первичного звена, что в итоге должно обеспечить привлечение квалифицированных специалистов и повысить мотивацию улучшения качества их труда [18].

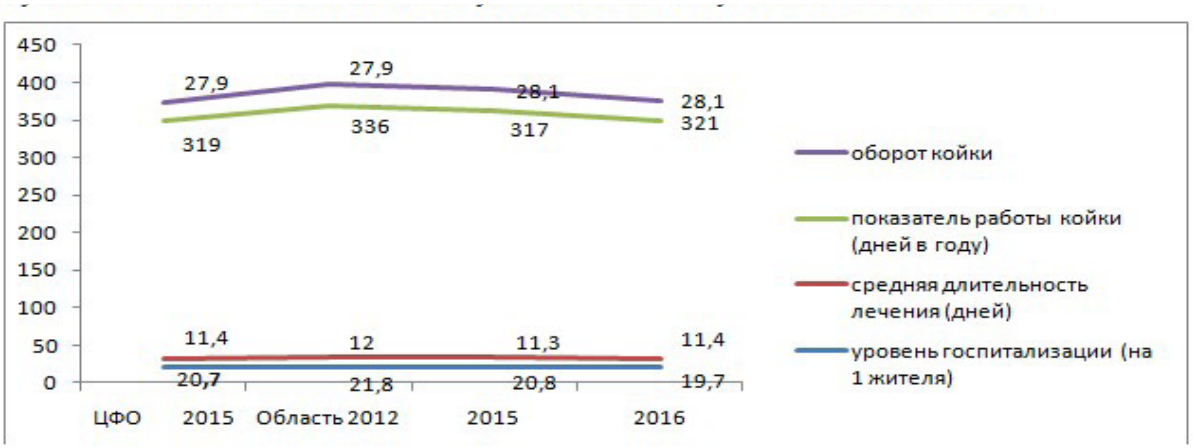

Рисунок 2 – **Динамика основных показателей деятельности медицинских стационарных учреждений за 2012–2016 годы.**

Кроме этого, использовались привлечение инвесторов, государственно-частное партнерство и иные формы. Сегодня от состояния первичной медико-санитарной помощи зависят эффективность и качество деятельности всей системы здравоохранения региона, сохранение трудового потенциала области, а также решение медико-социальных проблем, возникающих в том числе на уровне семьи и у социально незащищенных групп населения [19].

Вместе с тем указанные задачи не могут быть решены только лишь за счет работы системы здравоохранения, для этого требуется эффективное межведомственное взаимодействие. Для активного выявления факторов риска и своевременного принятия мер профилактической направленности, в особенности среди наиболее уязвимых групп населения, представляется целесообразным сформировать «медико-социальные группы», в состав которых могут быть включены социальный работник, участковый полицейский, а также медицинский работник. В задачи данной группы должны входить: патронаж хронических больных и лиц с факторами риска развития различных заболеваний (алкоголизм, наркомания); проведение профилактических бесед; контроль приема лекарственных препаратов и выполнения назначений врача среди граждан, нуждающихся в социальном обслуживании. При этом профилактические мероприятия направляются на снижение смертности населения от основных причин: цереброваскулярные болезни, острое нарушение мозгового кровообращения, острый коронарный синдром, гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца, сахарный диабет, онкологические заболевания, туберкулез, болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения, внешние причины. При этом обязательный контроль параметров таких факторов, как артериальное давление, липидный спектр, глюкоза крови. Все это позволит на первом уровне оказания медицинской помощи выявлять заболевания на ранних стадиях развития и обострение хронических заболеваний, будет способствовать коррекции факторов риска развития заболеваний, предупреждению необходимости госпитализации в круглосуточный стационар и применения специализированной, в т.ч. высокотехнологичной медицинской помощи.

Однако в настоящее время продолжается процесс старения населения региона, наблюдается высокий уровень хронических заболеваний и их осложнений у лиц пожилого возраста, что требует оказания им затратной специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи. С этой целью и с целью обеспечения специализированной помощью всего населения области организована трехуровневая система ее оказания путем создания межрайонных специализированных центров, определения путей рациональной маршрутизации пациентов, соблюдения этапности оказания медицинской помощи в соответствии с утвержденными порядками и стандартами. В рамках территориальной программы госгарантий оказание специализированной медицинской помощи в условиях круглосуточных стационаров организовано на базе 50 государственных медицинских организаций. Первый уровень включает 18 медицинских организаций, оказывающих первичную, в том числе первичную специализированную медико-санитарную помощь. Второй уровень охватывает 27 медицинских организаций, на базе которых организованы межмуниципальные центры (отделения) для оказания специализированной медицинской помощи по ведущим профилям: акушерство, неонатология, кардиология, неврология, травматология, инфекция, офтальмология, оториноларингология, хирургия, гастроэнтерология и паллиативная помощь. В их число входит ряд стационарных учреждений и отделений, где оказывается специализированная помощь больным, страдающим социально-значимыми заболеваниями.

Третий уровень включает 5 медицинских организаций, оказывающих специализированную, в том числе высокотехнологичную медицинскую помощь. Так, например, онкологическая помощь населению области оказывается в ОГБУЗ «Белгородский онкологический диспансер», ОГБУЗ «Детская областная клиническая больница» и МБУЗ «Городская больница № 2» Старооскольского городского округа. Коечный фонд онкологической службы представлен 406 койками, в том числе 253 – онкологического профиля для взрослых, 18 – для детей, 35 – для оказания паллиативной помощи и 100 – радиологических [5]. В 2016 году работа койки онкологического профиля увеличилась на 4,8% и составила 352 дня в году (2014 г. – 336), при утвержденном показателе на 2016 год – 330 дней. Работа койки с перегрузкой в онкологическом диспансере связана с неэффективным использованием коек в городской больнице № 2 г. Старый Оскол. Всего на онкологических койках было пролечено в 2016 г. 13 950 больных, из них умерло 98 человек, больничная летальность составила 0,7%. Длительность лечения онкологических больных увеличилась на 3,0% и составила 10,4 дней (2014 г. – 10,1). Онкологическую помощь оказывают 89 онкологов при штатной численности 108,75 единиц и занятых – 96,75 единиц. Укомплектованность составила 89%, а коэффициент совместительства – 1,1. Обеспеченность врачами-онкологами за последние 3 года выросла на 9,6% и составила 0,57 на 10 000 населения (2014 г. – 0,52). В поликлинике количество штатных должностей онкологов составило 62,0 единицы, занятых – 57,0 единиц, физических лиц – 45,0 единиц, коэффициент совместительства составил 1,4.

Фтизиатрическую помощь населению оказывают 3 противотуберкулезных диспансера и 1 специализированная противотуберкулезная больница. Общая коечная сеть фтизиатрической службы составляет 430 коек, в том числе 380 коек для взрослых и 50 коек для детей. Обеспеченность туберкулезными койками сократилась на 4,5% и составила 2,77 на 10 000 населения (2014 г. – 2,9). Сокращение коечного фонда обусловлено тем, что в области идет снижение уровня общей заболеваемости туберкулезом. Медицинскую помощь туберкулезным больным оказывает 71 врач фтизиатр при штатной численности 113,5 единиц, занятых – 109,0 единиц. Укомплектованность составила 96,0%, коэффициент совместительства – 1,5 (2014 г. – 1,5). В поликлинике количество штатных должностей – 78,5 единиц, занятых – 74,0 единиц, физических лиц – 54,0 единицы, в том числе 31,0 – участковый фтизиатр. Укомплектованность в поликлинике составила 94,3%, коэффициент совместительства – 1,4.

Психиатрическую помощь жители получают в 3 специализированных стационарах и психиатрическом отделении центральной районной больницы, кроме того, в поликлиниках оказывается психиатрическая помощь в амбулаторных условиях. Коечный фонд психиатрической службы за последние 3 года сократился на 8,5% и представлен 1000 койками, в т.ч. 915 – для взрослых и 40 – для детей, из них 895 – в специализированных стационарах и 20 – в отделении ЦРБ. Обеспеченность койками сократилась на 9,2% и составила 5,9 на 10 000 населения (2014 г. – 6,5). Работа койки составила в среднем 356 дней. В 2016 году пролечено 4 484 больных, из них умерло 23, летальность составила 0,5%. Всего в учреждениях здравоохранения области работает 91 врач-психиатр, в т.ч. 51 в поликлинике при штатной численности 131,0 единиц, из них 54,75 единиц должности психиатров участковых. Занятых должностей – 129,5 единиц. Укомплектованность составила 63,0%, коэффициент совместительства – 1,6. Обеспеченность врачами-психиатрами за последние 3 года осталась на одном уровне и составила 0,6 на 10 тыс. населения (2014 г. – 0,6).

Наркологическую службу области представляют 2 наркологических диспансера, наркологическое отделение центральной районной больницы и штат психиатров-наркологов, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях. Коечный фонд наркологической службы составляет 128 коек, в т.ч. 120 – в наркологических диспансерах и 8 – в ЦРБ. Обеспеченность койками составила 0,83 на 10 тыс. населения (ЦФО в 2015 г. – 1,57). Работа койки составила 345 дней. В 2016 году пролечено 3 956 больных, из них умерло 6 чел., больничная летальность – 0,15%. Всего в учреждениях здравоохранения области 116,5 штатных должностей психиатров-наркологов, занято всего 108,5 единиц (2014 г. – 112,5). В поликлинике количество штатных должностей – 98,25 единиц, занятых – 90. Фактически работает 66 врачей психиатров-наркологов, в т.ч. 53 – в поликлинике. Обеспеченность врачами-наркологами сократилась на 2,3% и составила 0,43 на 10 000 населения (2014 г. – 0,44). Коэффициент совместительства составил – 1,6, в поликлинике – 1,7 [6].

Дерматовенерологическую помощь в области оказывают 2 кожно-венерологических диспансера и врачи дерматовенерологи в амбулаторно-поликлинических условиях. Коечный фонд дерматовенерологической службы за последние 3 года не изменился и составляет 104 койки, в том числе: 97 коек дерматологического профиля, 7 коек – венерологического. Обеспеченность дерматологическими и венерологическими койками составляет 0,67 на 10 тыс. населения (ЦФО в 2015 г. – 0,56). Работа дерматовенерологиче-

ских коек в 2016 году в среднем составила 328 дней. Всего в учреждениях здравоохранения области 97,0 штатные должности дерматовенерологов, занято – 93,75 единиц (96,6%). В поликлинике количество штатных должностей 88,0 единиц, занятых – 84,75 единиц (96,3%). Фактически работают 78 врачей-дерматовенерологов, в т.ч. 73 – в поликлинике. Обеспеченность врачами-дерматовенерологами сократилась на 25,4% и составила 0,5 на 10 000 населения (2014 г. – 0,67). Коэффициент совместительства составил – 1,2, в поликлинике – 1,16.

Таким образом, населению области оказывается специализированная медицинская помощь на всех трех уровнях, в том числе больным, страдающим социально-значимыми заболеваниями [20]. Однако для ее развития, повышения доступности и качества необходимо доукомплектовать учреждения квалифицированными специалистами и оснастить эффективными технологиями и оборудованием и, в первую очередь, сделать все это в межрайонных центрах.

Обеспеченность населения высокотехнологичной медицинской помощью (ВМП) является показателем уровня развития здравоохранения области, а объем этой помощи характеризует уровень развития ПМСП и в обратнопропорциональной степени эффективность ее функционирования. В 2016 году в рамках реализации подпрограммы 3 государственной программы «Развитие здравоохранения Белгородской области на 2014–2020 годы» проводился отбор пациентов, нуждавшихся в оказании им высокотехнологичной медицинской помощи, как в муниципальные и областные учреждения здравоохранения, так и в медицинские учреждения федерального подчинения.

В области имеют лицензии на оказание высокотехнологичной медицинской помощи пять медицинских организаций. В 2016 году было пролечено в этих учреждениях на 61,3% больше пациентов и их число составило 4 619 (2014 г. – 2 864), из них 1 206 – не включенных в базовую программу ОМС и 3 413 – за счет средств обязательного медицинского страхования (ОМС). В ОГБУЗ «Белгородская областная клиническая больница (ОКБ) Святителя Иоасафа» ВМП оказывается по 10 лицензированным профилям, в том числе: нейрохирургия, неонатология, онкология, сердечнососудистая хирургия, травматология и ортопедия, трансплантология, абдоминальная хирургия, урология, акушерство и гинекология.

Всего в 2016 году в этой больнице оказана ВМП 1 206 больным, в том числе:

– абдоминальная хирургия – 23;
– акушерство и гинекология – 55;
– нейрохирургия – 96;
– неонатология – 0;
– онкология – 50;
– офтальмология – 50;
– сердечно-сосудистая хирургия – 295;
– травматология и ортопедия (эндопротезы) – 295;
– трансплантология – 12;
– урология – 11 [5].

Анализ показал, что за 2014–2016 годы объем оказания ВМП в ОКБ уменьшился на 0,7% за счет как организационных, так и технических причин. Динамика объемов ВМП, оказанной в ОКБ за 2014–2016 годы, показана в табл. 2.

Из них умерло 23 пациента (2014 г. – 15). Больничная летальность составила 1,9% (2014 г. – 1,2). Средняя длительность пребывания больного на койке в ОКБ за 2014–2016 годы показана в таблице 3.

Как видно из таблицы 3, средняя длительность пребывания больного на профильных койках ВМП следующая: абдоминальная хирургия – 17 дней (2014 г. – 16), акушерство и гинекология – 10 (2014 г. – 10), сердечно-сосудистая хирургия – 17 (2014 г. – 15), травматология и ортопедия – 14 (2014 г. – 12), нейрохирургия – 17 (2014 г. – 20), онкология – 17 (2014 г. – 15), трансплантология – 39 (2012 г. – 42), урология – 11 (2014 г. – 14), офтальмология – 6 (2013 г. – 10). Таким образом, средняя длительность лечения уменьшилась на 0,6 дня и составила 14,8 дня (2014 г. – 15,4) [5].

Кроме того, в 2016 году за счет средств обязательного медицинского страхования выполнено 3 413 объемов высокотехнологичной медицинской помощи по 12 профилям с открытием талонов в информационно-аналитической Программе МЗ России (в 2014 г. – 1 696 по 8 профилям без занесения в Программу МЗ).

В ОГБУЗ «Детская областная клиническая больница» (ДОКБ) по мере получения лицензий на осуществление медицинской деятельности расширилось оказание ВМП по профилям и увеличился ее объем. Так, в 2016 г. ДОКБ имела бессрочные лицензии по следующим профилям: неонатология, оториноларингология, онкология, педиатрия, урология-андрология, гематология, абдоминальная хирургия, травматология и ортопедия.

Количество детей, получивших ВМП, за последние 3 года увеличилось. Так, в федеральные медицинские учреждения направлено 1 446 (2014 г. – 1 248) детей, в том числе на ВМП – 850 (2014 г. – 748), СМП – 596 (2014 г. – 500), из них выполнено кардиохирургических операций – 37 (2014 г. – 171). На базе ОГБУЗ «Белгородская областная клиническая больница Святителя Иоасафа» кардиохирургические операции проведены 17 детям (2014 г. – 12). За счет средств обязательного медицинского страхования в 2016 году, с открытием талонов в информационно-аналитической Программе МЗ России (без занесения

в Программу МЗ), пролечены 762 ребенка по следующим профилям: абдоминальная хирургия – 23; акушерство и гинекология – 20; гематология – 35; нейрохирургия – 79; онкология – 79; офтальмология – 168; сердечно-сосудистая хирургия – 180; травматология и ортопедия – 101; урология – 41; эндокринология – 36.

В ОГБУЗ «Белгородский онкологический диспансер» в 2016 году для оказания ВМП было выделено 294 (2014 г. – 177) квоты, из них 134 (2014 г. – 10) – по областному бюджету, 15 – по федеральному бюджету и 145 – в рамках программы ОМС. По состоянию на 01.01.2017 года квоты были освоены на 100%, как и в предыдущие 4 года.

В МБУЗ «Городская клиническая больница № 1» и МБУЗ «Городская больница № 2 г. Белгорода» выполнены 93 высокотехнологичные операции (заменено 78 тазобедренных суставов, 15 – коленных), в том числе за счет средств ОМС – 88 операций (8 625 254 руб.) и 5 – на платной основе.

В ОГБУЗ «Городская больница № 2» увеличились объемы оказания ВМП на 48% и за 2016 год выполнено 734 высокотехнологичные операции (2014 г. – 496), в том числе: 158 – замена суставов (33 – 2014 г.), 544 – на органах зрения (2014 г. – 463), 29 – по оториноларингологии и 3 – неонатологии, в том числе 310 операций – за счет средств ОМС, 424 – за счет средств областного бюджета.

Таким образом, высокотехнологичная медицинская помощь населению области оказывается как в областных учреждениях здравоохранения, так и в медицинских учреждениях федерального подчинения за счет средств областного и федерального бюджетов, средств ОМС и внебюджетных источников. За последние годы объем ВМП увеличился (кроме областной клинической больницы Святителя Иоасафа). Так, только за последний год он вырос на 1,7% (с 5,8 тыс. до 5,9 тыс. больных), в т.ч. с 137 до 343 случаев на платной основе.

Таблица 2 – **Динамика объемов оказания ВМП в областной клинической больнице за 2014–2016 годы**

Профиль ВМП	Объемы ВМП по годам (человек)		
	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Абдоминальная хирургия	30	20	23
Акушерство и гинекология	60	59	55
Нейрохирургия	127	104	96
Неонатология	–	–	–
Онкология	70	50	50
Офтальмология	98	101	50
Сердечно-сосудистая хирургия	587	727	614
Травматология и ортопедия	231	284	295
Трансплантология	7	12	12
Урология	5	12	11
Итого	1 215	1 369	1 206

Таблица 3 – **Динамика средней длительности лечения и летальность в областной клинической больнице за 2014–2016 годы (в днях)**

Профиль ВМП	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Абдоминальная хирургия	15,9	14	17
Акушерство и гинекология	9,8	10	10
Нейрохирургия	19,8	20	17
Неонатология	–	–	–
Онкология	14,6	20	17
Офтальмология	9,5	7	6
Сердечно-сосудистая хирургия	15,1	15	17
Травматология и ортопедия	19,4	16	14
Трансплантология	41,8	35	39
Урология	13,8	15	11
Летальность, в %	1,2	1,7%	1,9

Заключение. Анализ системы оказания медицинской помощи населению в период модернизации здравоохранения в Белгородской области показал, что эта система получила свое развитие на всех уровнях ее оказания: первичная медико-санитарная помощь, специализированные ее виды, в том числе высокотехнологичная медицинская помощь. Однако модернизация проводилась недостаточно системно [6]. При осуществлении процесса оптимизации объемов стационарной помощи медленно реорганизовывалась и совершенствовалась система оказания амбулаторной помощи. Росли требования к специалистам и показателям объема их работы, в т.ч. по оформлению документации, и это при дефиците кадров и отсутствии в ряде медицинских организаций достаточного количества средств на адекватную мотивацию качественного труда медицинских работников. Этому также способствовало сложное социально-экономическое положение в регионе в связи с продолжающимся кризисом в стране, ростом дефицита финансирования программных мероприятий по развитию здравоохранения и медицинской помощи, без своевременной отсрочки их реализации. Все это требует дальнейшего совершенствования системы управления, организации и реализации мероприятий по внедрению трехуровневого оказания медицинской помощи населению, а также внедрению оптимальной стандартизированной системы организации ее первого уровня. Реализация этих мероприятий позволит вернуть доверие населения к преимущественному оказанию амбулаторной помощи, к отказу от приоритета стационарной помощи и ускорению процесса переориентации специалистов первичного звена на профилактическую работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калиниченко, Л.А. Этапность внедрения организационно-экономического механизма управления поликлиникой / Л.А. Калиниченко // Здравоохранение. – 2004. – № 3. – С. 181–186.
2. Павлов, К.В. Инновационная экология как перспективное научное направление / К.В. Павлов. – Ижевск: Изд-во «Шелест», 2016. – 360 с.
3. Баранов, А.А. Интенсификация: Экономический и социальный аспект / А.А. Баранов. – М.: Экономика, 1983. – 255 с.
4. Карташов, Ю.Т. Качество медицинской помощи: ожидания и действительность / Ю.Т. Карташов // Здравоохранение. – 2008. – № 5. – С. 29–35.
5. Степчук, М.А. Основные показатели деятельности лечебно-профилактических учреждений и состояния здоровья населения Белгородской области / М.А. Степчук // Статсборник. ОГКУЗ «МИАЦ». – Белгород, 2015. – 200 с.
6. Степчук, М.А. Развитие перспективных форм организации и финансирования первичного звена здравоохранения региона в условиях модернизации российской экономики / М.А. Степчук, Т.М. Пинкус, К.В. Павлов. – Ижевск: Изд-во «Шелест», 2015. – 356 с.
7. Кацура, С.Н. Становление инновационной системы в Украине: национальный и региональный аспекты / С.Н. Кацура. – Донецк: Ин-т экономики промышленности НАН Украины, 2011. – 504 с.
8. Колесников, С.И. Экономические основы природопользования / С.И. Колесников. – М.: Дашков и Ко, 2011. – 304 с.
9. Ляшенко, В.И. Наноэкономика в славянских странах СНГ / В.И. Ляшенко, К.В. Павлов, М.И. Шишкин // Сер. Экономическое славяноведение. – Ижевск: Книгоград, 2011. – 348 с.
10. Маркс, К. Капитал. Процесс капиталистического производства, взятый в целом: соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1962. – Т. 25, ч. 2. – 551 с.
11. Меркин, Р.М. Дискуссионные проблемы теории интенсификации строительного производства / Р.М. Меркин, О.Г. Соловьева // Изв. акад. наук. Сер. Экономическая. – 1984. – № 4. – С. 33–40.
12. Павлов, К.В. Патологические процессы в экономике / К.В. Павлов. – М.: Магистр, 2009. – 458 с.
13. Сорокин, Г.Н. Интенсификация социалистического воспроизводства / Г.Н. Сорокин // Вопросы экономики. – 1985. – № 3. – С. 3–13.
14. Титова, Т.Д. Эффективность интенсификации на внутренних водоемах: монография / Т.Д. Титова. – Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1971. – 138 с.
15. Тихонов, И.А. Основы интенсивного экономического развития / И.А. Тихонов. – М.: Мысль, 1979. – 198 с.
16. Теория инновационной экономики / под ред. О.С. Белокрыловой. – Ростов н/Д, 2009. – 376 с.
17. Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / под науч. ред. В.С. Селина, В.А. Цукермана. – Апатиты: Кольский НЦ РАН, 2012. – 255 с.
18. Эффективность интенсификации производства на основе внедрения достижений науки / под ред. В.П. Лебедева. – М: Мысль, 1975. – 255 с.
19. Еделев, Д.А. Инновационные факторы социально-экономического развития российской промышленности / Д.А. Еделев, Е.В. Ляпунцова // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – 2014. – № 4. – С. 250–255.
20. Клочков, В.В. Управление развитием «зеленых» технологий: социально-экономические аспекты / В.В. Клочков, С.В. Ратнер. – М.: ИПУ РАН, 2013. – 291 с.

Поступила в редакцию 01.09.2017 г.

УДК 371.12.011.3-051:613.7

Сравнительный анализ отношения педагогов к здоровью

Кухтова Н.В.,
Старовойтов А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье конкретизируется содержание понятия «отношение к здоровью», его структурных компонентов и проявления отношения к своему здоровью педагогов различных сфер образования.

Цель работы – изучение отношения к здоровью педагогов и их сравнительная характеристика.

***Материал и методы.** В исследовании приняли участие 293 педагога из города Витебска, Минска и Минской области, отобранные методом случайного бесповторного отбора, представляющие различные педагогические подгруппы (заместители заведующих ДУ, классные руководители, кадровый резерв, заместители директоров СШ, директора СШ): из них 28 мужчин и 265 женщин. В исследовании применялись следующие методики: «Опросник жизненных целей» (И.Г. Сенин); анкета «Барьеры педагогической деятельности» (Т.М. Шамова); опросник «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (Г.Л. Бардиер); анкета «Краткая форма оценки здоровья» (MOS SF-36, John E. Ware); опросник «Индекс психоэнергетической опустошенности» (В.Л. Бакштанский, О.И. Жданов); «Методика для психологической диагностики копинг-механизмов» (E. Heim); «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адапт. Н.Н. Лепешинский); «Шкала маскулинности-феминин-ности» (методика FPI); «Индекс жизненной удовлетворенности» (А. Ньюгартен, Н.В. Панина).*

***Результаты и их обсуждение.** Сравнительный анализ показал наличие значимых различий у педагогов по переменным: барьеров педагогической деятельности, профессиональной и управленческой толерантности, адаптивного копинг-поведения, удовлетворенности от жизни, сферы увлечений, самопринятия и позитивного отношения, а также ценностей материального положения и собственного престижа педагогов. В том числе различия наблюдаются по показателям здоровья: физического, ролевого, болевого, общего, жизнеспособности, социального и психического.*

***Заключение.** Проведенный теоретически анализ показал, что ценностное отношение к здоровью является сложным, интегрированным понятием. Оно характеризуется осознанностью и активностью, реализуется или проявляется во внешнем факторе, является продуктом индивидуального развития человека.*

***Ключевые слова:** здоровье, ценностное отношение к здоровью, культура здоровья, педагоги.*

Comparative Analysis of the Attitude of Teachers to Health

Kukhtova N.V.,
Starovoitov, A.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article elaborates on the concept of "attitude to health", its structural components and manifestations of the attitude to health of teachers in various fields of education.

The purpose of the article is analysis of teachers' attitude to health and their comparative characteristics.

***Material and methods.** The study involved 293 teachers from the Cities of Vitebsk, Minsk and Minsk Region, selected by random sampling without replacement selection who represented various teacher subgroups (assistant manager of preschool institutions, class teachers, personnel reserve, secondary school deputy headmasters, secondary school headmasters) of which: 28 men and 265 women. The study used the following methods: "Questionnaire of life goals" (I.G. Senin); questionnaire "Barriers for pedagogical activity" (T.M. Shamova); questionnaire "Types and components of tolerance-intolerance" (G.L. Bardier); questionnaire "Short form of health assessment" (MOS SF-36, John E. Ware); questionnaire "The index of the psychic-energy of emptiness" (Bakshtansky V.L., Zhdanov O.I.); "Methods for psychological diagnostics of coping mechanisms" (E. Heim); "Scale of psychological well-being" (K. Riff, adapted by N.N. Lepeshinski); "Scale of masculinity – femininity" (procedure FPI); "The Index of life satisfaction" (A. Neugarten, N.V. Panina).*

Findings and their discussion. *Comparative analysis showed the presence of significant differences among teachers according to the variables: barriers to pedagogical activities, professional and managerial tolerance, adaptive coping behaviors, life satisfaction, areas of interests, self-acceptance and positive attitude as well as values of financial position and personal prestige of teachers. Differences are also observed in health: physical, role, pain, general, vitality, social and mental.*

Conclusion. *The conducted theoretical analysis showed that value attitude to health is a complex, integrated concept. It is characterized by awareness and activity, it is implemented or manifested in the external factor and is the product of individual human development.*

Key words: *health, value attitude to health, health culture, teachers.*

В современной науке здоровье рассматривается как сложное, многофакторное явление, определяющее репродуктивные и созидательные возможности как отдельных субъектов, так и целых сообществ и определяющее их развитие. В последние годы сформировалось понимание того, что в современном динамичном и информационно насыщенном мире только здоровый человек может успешно решать профессиональные задачи, а здоровье представляет значительный человеческий ресурс полноценной и счастливой жизни, способствующий эффективному выполнению замыслов и планов. Так, здоровье начинается с осознанного отношения к нему. Как полагают В.В. Милашевич и Е.В. Краснов (1983), обучение здоровью для желающих – первая цель, воспитание общей культуры здоровья – цель более глобальная. Это особенно важно в современных условиях переоценки ценностей, когда здоровье должно занять первое место в иерархии потребностей человека.

В последние годы проблема сохранения *здоровья педагогов* стала особенно актуальной. Современный мир диктует свои правила, выросли требования к личности самого педагога, его роли в образовательном процессе, приветствуются творческий подход к работе, новаторство, проектная деятельность, педагогические технологии и т.д. Так, изучение отношения личности к своему здоровью в психологии в том или ином аспекте затрагивается представителями различных зарубежных школ и направлений: психоанализа (З. Фрейд, К. Юнг), когнитивной психологии (К. Левин, Ж. Нюгген, Х. Хекхаузен), индивидуальной психологии (А. Адлер), гуманистической психологии (А. Пауэлл, К. Роджерс, Ф. Феникс), экзистенциальной психологии (В. Франкл, Э. Фромм, Д. Бьюдженталь, С. Мадди). В российской психологической науке различные аспекты проблемы структуры отношения личности к своему здоровью отражены в работах Б.Г. Ананьева, В.С. Братуся, А.А. Бодалева, И.В. Журавлевой, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, К. Муздыбаева и др.

Следует отметить, что содействие улучшению здоровья – это системная деятельность, составной частью которой является формирование ответственного отношения к здоровью. Как отмечает В. Мясищев, «процесс деятельности всегда развивается на определенном функционально-динамическом фоне состояния и по уровню своей активности определяется отношением к объекту как задача или цели деятельности» [1]. Следовательно, улучшение здоровья – это, прежде всего, проблема формирования необходимого обществу ответственного отношения личности к индивидуальному и общественному здоровью.

Именно поэтому отношение к здоровью как субъективный фактор, который влияет на его состояние [2], и процесс формирования являются объектами внимания психологов. Отношение к здоровью как предмет исследования впервые анализировалось в 1980 году в научных работах Д. Лоранского [3]. Сегодня можно констатировать, что отношению к проблеме здоровья ученые уделяют значительное внимание. Ее изучению посвящены исследования В. Когана, Ю. Лисицина, Г. Никифорова, И. Журавлевой, В. Кабаевой, В. Каган, С. Дерябо, Л. Куликова, Г. Зайцева.

Отношение к здоровью Г. Березовская и Г. Никифоров определяют как систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, которые или способствуют, или же, наоборот, угрожают здоровью людей, а также определенную оценку индивидом своего физического и психического состояния [4]. В. Кабаева, соглашаясь с предыдущими авторами, дополняет это определение «оптимальной организацией самим человеком жизнедеятельности, которая способствует сохранению здоровья, личному росту, творческому функционированию» [5].

Значимой является также трактовка отношения к здоровью С. Дерябо, который объясняет его как субъективно-окрашенное отражение личностью своих потребностей с объектами и явлениями мира, и является фактором, обусловливающим поведение [6]. Заслуживает внимания и определение ценностного отношения к здоровью И. Вершининой, которая трактует его как внутреннюю позицию человека, что отражает ее многогранные связи с факторами среды жизни, влияющие на здоровье в целом и его отдельные аспекты – физический, психический, эмоциональный, интеллектуальный и духовный, имеющие личную и (или) социальную значимость [7].

В структуре отношения к здоровью исследователи выделяют такие компоненты: когнитив-

ный, эмоциональный, поведенческий (Л. Куликов, Г. Никифоров [8; 9]); когнитивный, эмоциональный, поведенческий, ценностно-мотивационный (Г. Березовская); перцептивно-аффективный, когнитивный, практический и поведенческий (С. Дерябо, В. Панов, В. Ясвин [6]). К компонентам структуры ценностного отношения к здоровью ученые относят когнитивно-эвристический, действенно-практический, рефлексивно-оценочный (С. Лапаенко [10]), интеллектуальный, эмоционально-мотивационный, поведенческо-деятельностный (Т. Андрющенко [11]). В. Кабаева в структуре осознанного отношения к здоровью выделяет когнитивный, потребностно-мотивационный, индивидуально-типологический, продуктивно-результирующий компоненты [12]. Таким образом, все авторы выделяют когнитивный компонент наряду с эмоциональным и поведенческим.

Особое внимание исследователи уделяют обоснованию критериев и показателей отношения к здоровью. Приведем несколько примеров. Так, В. Кабаева определяет такие критерии и показатели осознанного отношения к здоровью: 1) психодинамический критерий и его показатели: личная тревожность, астеническое состояние, тип темперамента; 2) потребностно-мотивационный и его показатели: самооценка собственного здоровья, готовность к саморазвитию, структура мотивов к здоровью и здорового образа жизни, ценности собственного «я» человека, собственного здоровья и ценности «я» других; 3) инструментальный и его показатель: владение рефлексией как средством самопознания; 4) когнитивный и его показатель: познавательная активность; 5) продуктивно-результирующий и его показатели: субъективное оценивание эффективности сохранения и развития здоровья, индивидуальная успешность в физическом и духовном совершенствовании, интенсивность поступков и практических действий, направленных на заботу о здоровье [13].

В своей работе И. Журавлева выделяет четыре группы показателей отношения индивида к здоровью, а именно: самооценку здоровья; ценность здоровья (фундаментальную и инструментальную); удовлетворенность состоянием здоровья; деятельность по сохранению здоровья [10].

Следовательно, изучение и осмысление концепции отношения, исследований ученых по проблеме отношения к здоровью, дает нам возможность констатировать, что отношение к здоровью:

– характеризуется целостностью, сознанием, осознанностью, активностью, стойкостью, выраженностью (интенсивностью), значимостью, избирательностью;

– реализуется или проявляется во внешнем факторе, но вместе с тем обнаруживает внутренний, «субъективный мир» личности; отношение к здоровью проявляется в действиях, суждениях, переживаниях людей относительно факторов, которые влияют на их благополучие;

– является продуктом индивидуального развития человека; формирования отношения к здоровью, как и других отношений, в структуре личности человека происходит в результате отражения им на сознательном уровне сущности тех социальных объективно существующих отношений общества в условиях ее макро- и микробытия [14];

– основой субъективного отношения является зафиксированность потребностей личности в объектах или явлениях мира [15];

– непрерывно изменяется на основе нового жизненного опыта; становление и развитие отношения к здоровью может происходить в течение всей жизни человека;

– сложная категория, имеющая определенную структуру.

Цель работы – изучение отношения к здоровью педагогов и их сравнительная характеристика.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 293 педагога из города Витебска, Минска и Минской области, отобранные методом случайного бесповторного отбора, представляющие различные педагогические подгруппы (заместители заведующих ДУ, классные руководители, кадровый резерв, заместители директоров СШ, директора СШ): из них 28 мужчин и 265 женщин. В исследовании применялись следующие методики: для диагностики терминальных ценностей педагога – «Опросник жизненных целей» (И.Г. Сенин); для диагностики развития способности педагогов к саморазвитию – анкета «Барьеры педагогической деятельности» (Т.М. Шамова); для выявления уровня толерантности-интолерантности – опросник «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (Г.Л. Бардиер); для исследования неспецифического качества жизни, связанного со здоровьем – анкета «Краткая форма оценки здоровья» (MOS SF-36, John E. Ware); для выявления хронической усталости – опросник «Индекс психоэнергетической опустошенности» (В.Л. Бакштанский, О.И. Жданов); для определения уровня адаптивных механизмов приспособления – «Методика для психологической диагностики копинг-механизмов» (E. Heim); для диагностики показателя психологического благополучия – «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф, адапт. Н.Н. Лепешинский); для диагностики типа психической деятельности – «Шкала маскулинности-феминности» (методика FPI); для изучения общего психологического состояния педагогов – «Индекс жизненной удовлетворенности» (А. Ньюгартен, Н.В. Панина).

На основе полученных результатов был проведен сравнительный анализ (Т-тест) по 10 парам групп: классные руководители и заместители директоров СШ; заместители заведующих ДУ и классные руководители; заместители заведующих ДУ и кадровый резерв; заместители заведующих ДУ и заместители директоров СШ; заместители заведующих ДУ и директора СШ; классные руководители и кадровый резерв; классные руководители и директора СШ; кадровый резерв и заместители директоров СШ; кадровый резерв и директора СШ; заместители директоров СШ и директора СШ.

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ (Т-тест) показателя «*стимулирующие факторы, оказывающие воздействие на развитие и саморазвитие*» педагогов, показал, что существуют значимые различия по следующим сравниваемым подгруппам (таблица 1):

– у заместителей заведующих ДУ и классных руководителей средний показатель выше у классных руководителей;

– у заместителей заведующих ДУ и заместителей директоров СШ средний показатель выше у подгруппы заместителей директоров СШ;

– у классных руководителей и кадрового резерва средний показатель выше у классных руководителей;

– у директоров СШ и классных руководителей средний показатель выше у классных руководителей;

– у кадрового резерва и директоров СШ средний показатель выше у директоров СШ;

– у заместителей директоров СШ и директоров СШ средний показатель выше у директоров СШ.

Таким образом, для них более значима налаженная система методической работы в школе, наличие специальных курсов повышения квалификации, пример и влияние коллег, поддержка и внимание к проблемам со стороны руководства, система материального стимулирования, потребность в самосовершенствовании и атмосфера сотрудничества и поддержки.

В свою очередь, сравнительный анализ показателя «*препятствующие факторы, оказывающие воздействие на развитие и саморазвитие*» педагогов, показал, что выше:

– у заместителей директоров СШ, нежели у классных руководителей;

– у заместителей заведующих ДУ, нежели у классных руководителей;

– у кадрового резерва, по отношению к классным руководителям;

– у директоров СШ, по отношению к классным руководителям.

Таким образом, для них более характерны черты инерции, разочарования в прежних неудачах, они более подвержены негативному отношению со стороны окружающих.

Показатель «*профессиональной толерантности*» в сравниваемых подгруппах заместителей заведующих ДУ и классных руководителей выше у заместителей заведующих ДУ, т.е. заместители заведующих ДУ более терпимы к представителям других профессий.

Показатель «*управленческой толерантности*» в сравниваемых подгруппах заместителей заведующих ДУ и классных руководителей выше у заместителей заведующих ДУ; в подгруппах заместителей заведующих ДУ и заместителей директоров СШ средний показатель выше у заместителей заведующих ДУ, т.е. они более терпимы к иному мировоззрению, поведению в управленческих отношениях, во взаимодействии «руководитель–подчиненный».

Показатель «*физического здоровья*» в сравниваемых подгруппах выявил, что существуют значимые различия в следующих группах испытуемых (таблица 2):

– у заместителей заведующих ДУ данный показатель выше, по сравнению с классными руководителями;

– у заместителей заведующих ДУ данный показатель выше, по сравнению с заместителями директоров СШ;

– у заведующих ДУ данный показатель выше, по сравнению с директорами СШ;

– у кадрового резерва данный показатель выше, по сравнению с классными руководителями;

– у кадрового резерва данный показатель выше, по сравнению с заместителями директоров СШ;

– у кадрового резерва данный показатель выше, по сравнению с директорами СШ.

Так, более высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о том, что физическая активность пациента (самообслуживание, ходьба, подъем по лестнице, переноска тяжестей и т.п.) или не ограничивается, или в меньшей степени ограничивается состоянием его здоровья.

Показатель «*ролевого функционирования*», обусловленного физическим состоянием, в сравниваемых подгруппах заместителей заведующих ДУ и классных руководителей выше у классных руководителей, более высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о том, что повседневная деятельность педагога (работа, выполнение повседневных обязанностей) не ограничена его физическим состоянием.

Средний показатель «*интенсивности болевых ощущений*» в сравниваемых подгруппах заместителей заведующих ДУ и классных руководителей выше у классных руководителей. Это значит,

что влияние болевых ощущений на способность заниматься повседневной деятельностью, включая работу по дому и вне дома, у классных руководителей меньше. Более низкие показатели по этой шкале свидетельствуют о том, что боль значительно ограничивает активность педагога.

Сравнительный анализ показателя «*общего состояние здоровья*» выявил, что у:

– заместителей заведующих ДУ данный показатель выше, чем у классных руководителей;

– кадрового резерва данный показатель выше, чем у заместителей заведующих ДУ;

– у директоров СШ данный показатель выше, чем у заместителей заведующих ДУ; у классных руководителей; у кадрового резерва; у заместителей директоров СШ.

Это значит, что более высокие показатели свойственны педагогам с более высокой самооценкой своего состояния здоровья в настоящий момент и перспектив в будущем. Чем ниже балл по этой шкале, тем ниже самооценка состояния здоровья.

Сравнительный анализ по показателю «*психическое здоровье*» определил, что у классных руководителей он выше, чем у и директоров СШ; а у кадрового резерва выше, чем у и директоров СШ. В подгруппах заместителей директоров СШ и директоров СШ средний показатель выше у заместителей директоров СШ. Данный показатель характеризует настроение наличия депрессии, тревоги, общий показатель положительных эмоций. Более низкие средние показатели свидетельствуют о наличии депрессивных, тревожных переживаний, психическом неблагополучии.

Анализ показателя «*жизненной активности*» в сравниваемых подгруппах выявил, что у заместителей заведующих ДУ он выше, нежели у классных руководителей. Данный показатель подразумевает ощущение себя полным сил и энергии или, напротив, обессиленным. Низкие баллы свидетельствуют об утомлении педагога, снижении жизненной активности.

Показатель «*социального функционирования*» в сравниваемых подгруппах определил, что:

– у заместителей заведующих ДУ данный показатель выше, чем у классных руководителей; и заместителей директоров СШ, в том числе;

– у кадрового резерва данный показатель выше, чем у классных руководителей и заместителей директоров и директоров СШ. При этом следует отметить, что социальное функционирование определяется степенью, в которой физическое или эмоциональное состояние ограничивает социальную активность (общение). Низкие баллы свидетельствуют о значительном ограничении социальных контактов, снижении уровня общения в связи с ухудшением физического и эмоционального состояния.

Сравнительный анализ установил, что существуют значимые различия показателя «*адаптивного копинг-поведения*» в сравниваемых подгруппах (таблица 3). Так, у классных руководителей данный показатель выше, нежели у заведующих ДУ. При этом у заместителей заведующих ДУ он выше, чем у заместителей директоров СШ, а это значит, что они чаще выбирали формы поведения, направленные на анализ возникших трудностей и возможных путей выхода из них, повышение самооценки и самоконтроля, более глубокое осознание собственной ценности как личности, наличие веры в собственные ресурсы в преодолении трудных ситуаций, находились в эмоциональном состоянии с активным возмущением и протестом по отношению к трудностям и уверенностью в наличии выхода из любой, даже самой сложной, ситуации, вступали в сотрудничество со значимыми (более опытными) людьми, искали поддержки в ближайшем социальном окружении и тем лучше их общий показатель положительных эмоций и общего психологического здоровья.

«*Удовлетворенность от жизни*» у классных руководителей и кадрового резерва выше, чем у заместителей заведующих ДУ. В свою очередь у заместителей директоров СШ данный показатель выше, нежели у заместителей заведующих ДУ, а это значит, что чем выше их интерес к жизни, последовательнее в достижении целей, положительнее оценка себя и собственных поступков, а также тем выше общий фон настроения и их общее психологическое здоровье.

Сравнительный анализ показателя «*ценностей собственного престижа*» в сравниваемых подгруппах выявил, что:

– у классных руководителей выше, чем у заместителей заведующих ДУ;

– у заместителей директоров СШ данный показатель выше, чем у заместителей заведующих ДУ;

– у заместителей заведующих ДУ и директоров СШ средний показатель выше, чем у директоров СШ.

Высокий балл по данному показателю отражает стремление человека к признанию, уважению, одобрению со стороны других, как правило, наиболее значимых лиц, к чьему мнению он прислушивается в наибольшей степени и на чье мнение он ориентируется, в первую очередь, в своих суждениях, поступках и взглядах. Испытуемые, получившие высокий балл по данному показателю, часто бывают сильно заинтересованы во мнениях окружающих о себе, так как нуждаются в социальном одобрении своего поведения.

Таблица 1 – **Сравнительный анализ барьеров педагогической деятельности и толерантности**

№	Подгруппа	Барьеры ПД_факт_стим.	Барьеры ПД_факт_преп.	Толерантность профес.	Толерантность управл.
1.	Клас. рук.	33,54±8,92	37,46±10,66	–	–
	Зам. дир.	29,48±11,55	44,34 ±8,84	–	–
2.	Клас. рук.	33,54±8,92	37,46±10,66	45,14±5,26	47,10±5,02
	Зам. зав.	25,39±5,01	45,03 ±7,05	46,47±5,71	47,73±5,33
3.	Клас. рук.	33,54±8,92	26,48±6,45	–	–
	Кадр. резерв	37,46±10,66	42,95±8,66	–	–
4.	Клас. рук.	33,54±8,92	37,46±10,66	–	–
	Дир. СШ	24,71±3,84	46,71 ±5,15	–	–
5.	Зам. зав.	25,39±5,01	–	–	47,73±5,33
	Зам. дир.	29,48±11,55	–	–	45,27±7,51
6.	Кадр. резерв	42,95±8,66	–	–	–
	Дир. СШ	46,71 ±5,15	–	–	–
7.	Зам. дир.	29,48±11,55	–	–	–
	Дир. СШ	24,71±3,84	–	–	–

Таблица 2 – **Сравнительный анализ показателей здоровья у педагогов**

№	Подгруппа	Здоровье физическое	Здоровье ролевое	Здоровье боль	Здоровье общее	Здоровье жизнеспособ	Здоровье социальное	Здоровье психическое
1.	Зам. зав.	88,22±13,45	58,47±40,63	27,97±23,47	52,29±11,61	51,78±20,46	57,42±12,95	–
	Клас. рук.	78,14±21,74	59,29±40,64	28,71±22,71	57,14±11,15	58,93±15,01	47,33±21,48	–
2.	Зам. зав.	88,22±13,45	–	–	–	–	57,42±12,95	–
	Зам. дир.	82,08±18,82	–	–	–	–	50,10±16,75	–
3.	Зам. зав.	88,22±13,45	–	–	52,29±11,61	–	–	–
	Дир. СШ	78,75±15,27	–	–	63,13±10,20	–	–	–
4.	Клас. рук.	78,14±21,74	–	–	–	–	47,33±21,48	–
	Кадр. резерв	89,55±8,82	–	–	–	–	58,48±17,71	–
5.	Кадр. резерв	89,55±8,16	–	–	–	–	58,48±17,71	–
	Зам. дир.	82,08±18,82	–	–	–	–	50,10±16,75	–
6.	Кадр. резерв	89,55±8,82	–	–	57,95±9,23	–	–	59,64±16,36
	Дир. СШ	78,75±15,27	–	–	63,13±10,20	–	–	49,50±18,98
7.	Зам. зав.	–	–	–	52,29±11,61	–	–	–
	Кадр. резерв	–	–	–	57,95±9,23	–	–	–
8.	Клас. рук.	–	–	–	57,14±11,15	–	–	60,63±15,76
	Дир. СШ	–	–	–	63,13±10,20	–	–	49,50±18,98
9.	Зам. дир.	–	–	–	54,48±11,80	–	–	60,04±16,38
	Дир. СШ	–	–	–	63,13±10,20	–	–	49,50±18,98

Таблица 3 – **Сравнительный анализ (Т-тест) показателей: «*адаптивного копинг-поведения*», «*удовлетворенность от жизни*», «*сфера увлечения и хобби*», «*ценностей материального положения и собственного престижа*», «*самопринятия и позитивного отношения к себе*»**

№	Подгруппа	Копинг-поведение_ адаптивное	Индекс ЖУ	Ц_матер. положение	Ц_собств. престиж	Сф_ увлечения	ПБ_ позитивные отношения
1.	Зам. зав.	1,27±0,85	16,73±3,90	–	29,58±5,00	–	–
	Клас. рук.	1,63±0,98	22,87±7,38	–	31,61±4,95-	–	–
2.	Зам. зав.	1,27±0,85	16,73±3,90	–	29,58±5,00	–	–
	Зам. дир.	1,51±0,87	22,80±7,45	–	31,66±6,15	–	–
3.	Зам. зав.	–	16,73±3,90	33,69±6,22	29,58±5,00	48,47±7,40	–
	Дир. СШ	–	24,79±7,07	32,71±5,16	32,17±5,30	43,67±11,04	–
4.	Клас. рук.	–	–	–	–	–	60,70±9,09
	Кадр. резерв	–	–	–	–	–	57,23±6,71
5.	Зам. зав.	–	16,73±3,90	–	–	–	–
	Кадр. резерв	–	24,39±7,35	–	–	–	–
6.	Клас. рук.	–	–	35,20±5,40	–	49,36±7,58	–
	Дир. СШ	–	–	32,71±5,16	–	43,67±11,04	–
7.	Зам. зав.	–	–	–	–	54,48±11,80	–
	Дир. СШ	–	–	–	–	63,13±10,20	–

Показатель «*ценности высокого материального положения*» в сравниваемых подгруппах позволил установить, что у заместителей заведующих ДУ и директоров СШ выше у заместителей заведующих ДУ; в подгруппах классных руководителей и директоров СШ средний показатель выше у классных руководителей. Более высокий балл по данному показателю отражает стремление человека к более высокому уровню материального благосостояния. Такие люди часто бывают убеждены в том, что материальный достаток является главным условием жизненного благополучия.

В «*сфере увлечения и хобби*» в сравниваемых подгруппах заместителей заведующих ДУ и директоров СШ показатель выше у заместителей заведующих ДУ; в подгруппах классных руководителей и директоров СШ средний показатель выше у классных руководителей. Более высокий балл по этому показателю свидетельствует о том, что увлечение и хобби занимает важное место в жизни человека и является источником психологического здоровья.

Сравнительный анализ показал, что существуют значимые различия по показателю «*самопринятия и позитивного отношения к себе*» в сравниваемых подгруппах. Так, у классных руководителей данный показатель выше, по сравнению с представителями кадрового резерва. Таким образом, чем лучше педагог относится к себе, знает и принимает различные свои стороны, включая хорошие и плохие качества, положительно оценивает свое прошлое, тем выше показатель «*общего психологического здоровья*».

Заключение. Так, следует отметить специфическое отношение педагогов как в целом к собственному личностно-профессиональному развитию, так и к повышению собственного отношения к своему здоровью. Эффективность педагогической деятельности во многом зависит не только от того, как педагогический работник (учитель, воспитатель, руководитель) умеет координировать свои действия, поступки, высказывания и эмоции, но и от состояния физического, психического и социального благополучия (Р.М. Шамионов, 2008), качества жизни (А.И. Субетто, 2014). Это позволяет объяснять и прогнозировать особенности движения человека по жизненному пути, его стратегии в сохранении и укреплении профессионального (в т.ч. индивидного и психического) здоровья.

Сравнительный анализ показал наличие значимых различий у педагогов по переменным: барьеров педагогической деятельности, профессиональной и управленческой толерантности, адаптивного копинг-поведения, удовлетворенности от жизни, сферы увлечений, самопринятия и позитивного отношения, а также ценностей материального положения и собственного престижа педагогов. В том числе различия наблюдаются по показателям здоровья: физического, ролевого, болевого, общего, жизнеспособности, социального и психического.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мясищев, В.Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев; под ред. А.А. Бодалева [вступ. ст. А.А. Бодалева]. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 400 с.

2. Матрос, Л. Г. Социальные аспекты проблемы здоровья / Л.Г. Матрос. – Новосибирск, 1992. – 214 с.
3. Лоранский, Д.Н. Отношение человека к здоровью / Д.Н. Лоранский, Л.В. Водогреева. – М.: ЦНИИСП, 1984.
4. Психология здоровья: учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2003. – 607 с.
5. Давлетшина, Р.М. Психолого-педагогические детерминанты формирования отношения студентов вуза к своему здоровью в образовательном процессе: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Р.М. Давлетшина. – Екатеринбург, 2013. – 24 с.
6. Дерябо, С.Д. Здоровье как предмет экопсихологической диагностики / С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин, В.И. Панов // Прикладная психология. – 2000. – № 4.
7. Васильева, О.С. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: учеб. пособие [для студентов высш. учеб. заведений] / О.С. Васильева, Ф.Р. Филатов. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 352 с.
8. Куликов, Л.В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учеб. пособие / Л.В. Куликов. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
9. Никифоров, Г.С. Психология здоровья / Г.С. Никифоров. – СПб.: Речь, 2002. – 256 с.
10. Агаджанян, Н.А. Проблемы адаптации и учение о здоровье: учеб. пособие / Н.А. Агаджанян, В.М. Баевский, А.П. Берснева. – М.: РУДН, 2006. – 284 с.
11. Артюхина, Г.П. Основы медицинских знаний: Здоровье, болезнь и образ жизни: учеб. пособие для высшей школы / Г.П. Артюхина, С.А. Игнаткова. – 3-е изд., перераб. – М.: Акад. Проект, Фонд «Мир», 2006. – 560 с.
12. Влияние граждан и их организаций на систему здравоохранения: междунар. опыт. – К.: Изд-во ООО «Дизайн и полиграфия», 2006. – 100 с.
13. Выготский, Л.С. Сборник сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 1. – 516 с.
14. Дартау, Л.А. Феномен здоровья: концепция и прикладные аспекты / Л.А. Дартау // Проблемы управления. – 2005. – № 5. – С. 92–98.
15. Богачева, Т.Ю. Здоровье в системе жизненных ценностей современного специалиста: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Т.Ю. Богачева. – М., 2010. – 183 с.

Поступила в редакцию 28.03.2017 г.

УДК 159.923.2:316.662.2-057.36(477)

Стилевые особенности саморегуляции у работников уголовно-исполнительной службы с разным уровнем психологической готовности к инновационной деятельности

Алексеенко Н.В.

Харьковский национальный университет внутренних дел, Украина

На сегодняшний день осуществляется реформирование уголовно-исполнительной системы Украины с ориентацией на мировое сообщество. Современные задачи, которые приходится решать работникам уголовно-исполнительной службы, требуют от них эффективной саморегуляции, что обеспечивает самопознание и эмоционально-ценностное отношение к выполняемой деятельности.

Цель данной научной работы – выявить стилевые особенности саморегуляции у работников уголовно-исполнительной службы с различным уровнем психологической готовности к инновационной деятельности.

***Материал и методы.** С помощью опросника В.Е. Клочко и О.М. Краснорядцевой и кластерного анализа по методу k-средних были сформированы группы с разным уровнем (низкий, средний и высокий) психологической готовности к инновационной деятельности. Первую группу (с низким уровнем) составили 82 испытуемые, во вторую группу (с высоким уровнем) вошло 77 испытуемых. Был применен опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой.*

***Результаты и их обсуждение.** Установлены достоверные различия показателей индивидуального стиля саморегуляции у работников уголовно-исполнительной службы. Работники с высоким уровнем психологической готовности к инновационной деятельности более самостоятельны, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, более осознанно достигают целей. Работники с низким уровнем испытывают менее выраженную потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения, они более зависимы от ситуации и мнения окружающих людей, что снижает возможность компенсации неблагоприятных для достижения поставленной цели личностных особенностей.*

***Заключение.** Успешность овладения новым видом деятельности зависит от соответствия стилевых особенностей регуляции и требований осваиваемого вида активности.*

***Ключевые слова:** инновационная деятельность, личность, психологическая готовность, профессиональная деятельность, саморегуляция, уголовно-исполнительная служба.*

Stylistic Features of Self-Regulation among Employees of Criminal and Executive Service with Different Levels of Psychological Readiness for Innovations

Aleksieienko N.V.

Kharkiv National University of Internal Affairs, Ukraine

To date, the reform of the penal system is going on in Ukraine, which focuses on the international community. Modern challenges that must be solved by employees of the criminal and executive service require their to effective self-regulation, which provides self-awareness and emotional-value attitude to the performed activity.

The purpose of the scientific work is to reveal the stylistic features of self-regulation among employees of the criminal and executive service with different levels of psychological readiness for innovation.

Material and methods. *Applying the questionnaire to measure the psychological readiness for innovation (by V.E. Klochko, O.M. Krasnoryadtseva), and using the cluster analysis (method k – mean) groups with different levels (low, medium and high) of psychological readiness for innovation were formed. 82 subjects were included in the first group (low level), 77 subjects were included in the second group (high level). The questionnaire "Style of behavior self-regulation" by V.I. Morosanova was used.*

Findings and their discussion. *Significant differences in indicators of individual style of self-regulation of the employees of the criminal and executive service with different levels of psychological readiness for innovative activity were established. Thus, staff of the criminal and executive service with a high level of psychological readiness for innovation is more independent, flexible and adequately respond to the changing environment, more consciously reach goals. Employees of the criminal and executive service with low level are experiencing less pronounced need for conscious planning and programming of their behavior, they are more dependent on the situation and the views of other people, which reduces the possibility of compensating adverse personality characteristics for achieving the goal.*

Conclusion. *Success in mastering new types of activities depends on the correspondence of the stylistic features of regulation and requirements of the activity type.*

Key words: *criminal and executive service, innovative activity, personality, professional activity, psychological readiness, self-regulation.*

Социально-политические преобразования в Украине актуализировали много кризисных явлений в различных сферах, в том числе и в уголовно-исполнительной системе. В связи с преобразованиями и ориентацией на мировое сообщество, значительные изменения претерпело правовое пространство государства, был подписан ряд нормативных документов, которые приводят к пересмотру и изменению основ деятельности многих государственных организаций и структур. Реформирование уголовно-исполнительной системы не стало исключением и является следствием изменений, происходящих в современном украинском обществе.

Одна из важнейших особенностей проводимых реформ – их инновационный характер, что подразумевает под собой принципиально новый подход к реализации профессиональной деятельности. В результате проведенных преобразований в пенитенциарной службе подверглись изменению цели, задачи, подходы и требования к деятельности исправительных учреждений, на другой уровень перешли отношения между работником и осужденным, уголовно-исполнительная система становится более «прозрачной» для общественности. Следствием измененных приоритетов явилась, в том числе, и другая подготовка или переподготовка работников пенитенциарной системы в профессиональном аспекте. Кроме того, усложняет ситуацию то, что переход к новой для сотрудников форме выполнения своих служебных обязанностей происходит непосредственно в ситуации ежедневного выполнения своих служебных обязанностей. Современные задачи, которые приходится решать работникам уголовно-исполнительной службы, требуют от них эффективной саморегуляции, что обеспечивает самопознание и эмоционально-ценностное отношение к себе и выполняемой деятельности, предполагает переработку сложных психических актов и оценку достигнутого эффекта поведения.

Проблема саморегуляции поведения личности является одной из стержневых в психологической науке [1, с. 482]. В психологических исследованиях, отмечает Л.Н. Леженина, под саморегуляцией понимается системное, многоуровневое образование, которое функционально

присутствует на различных уровнях анализа психического и представляется в жизнедеятельности человека как психический механизм, обеспечивающий управление физиологическими и психологическими состояниями, поведением, поступками, деятельностью в соответствии с требованиями окружающей среды или деятельности, а также с целью обеспечения и определения форм своей активности [2].

Феномен саморегуляции, как подчеркивает Т.Е. Титова, рассматривается учеными в различных теоретических контекстах: как одна из главных функций сознания, обеспечивающая интеграцию различных психических процессов; как особый механизм оптимизации состояния человека; как оптимизация процессов самодетерминации, самореализации (управление личностными смыслами, целями, жизненным путем) и самоорганизации как управление познавательной активностью, поведением, деятельностью [3, с. 218].

Под «саморегуляцией поведения личности» М.И. Боришевский предлагает понимать сознательное, целенаправленное планирование, построение и преобразование субъектом собственных действий и поступков в соответствии с личностно значимой целью, актуальными потребностями. Это не что иное, как сознательная активность индивида, направленная на мобилизацию его внутренних ресурсов для достижения значимой цели. Потребность критически оценивать и контролировать свое поведение, произвольно направлять, перестраивать свои действия и поступки с учетом возможных их последствий для окружающих и себя, стремление придерживаться социально ценных и личностно значимых норм, правил межличностных отношений – проявления саморегуляции поведения [4, с. 144–145].

По мнению Н.А. Макарчук, личностная саморегуляция – это сложившаяся способность психической деятельности субъекта к переносу алгоритма внешне опосредованной деятельности во внутреннюю психическую реальность и путем интеграции психической деятельности и деятельности сознания и самосознания осуществить проектирование, моделирование, прогнозирование и, при необходимости, коррекцию собственных действий во внутренней психической деятельности и, как следствие, перенести усвоенный алгоритм во внешнюю предметную деятельность [5, с. 212].

Еще одной особенностью саморегуляции является процесс активизации в той сфере деятельности, где она в настоящее время происходит. Сформированные процессы саморегуляции систематически проявляются в жизнедеятельности человека в виде различных актов произвольного поведения и создают специфику именно человеческой жизнедеятельности. Но активность протекания процессов саморегуляции может меняться от ситуации к ситуации: это зависит от сформированности навыков специального обращения к саморегулятивным процессам и от характера ситуации, которая предусматривает или не предусматривает необходимость саморегуляции. Существуют два типа ситуаций, когда активность процессов саморегуляции наиболее велика: ситуации особой значимости действий, от которых зависит дальнейшее протекание поведения или ее последствия, и ситуации овладения новым, ситуации обучения [6, с. 37].

В исследованиях В.И. Моросановой внимание сосредоточено на следующих функциях саморегуляции:

– Планирование отвечает за определение и содержание целей, уровень сформированности у человека осознанного планирования деятельности или поведения.

– Моделирование связано с развитием представлений о системе внешних и внутренних значимых условий, степени их осознания, детализированности и адекватности. Эта функция объединяет оценку качества и анализ противоречий или ориентацию в ситуации.

– Программирование характеризует осознанное планирование человеком собственных действий, сформированность потребности в обдумывании их способов и поведения для достижения определенных целей.

– Оценки результатов охватывают уровень развития и адекватность оценки личностью себя и результатов своей деятельности и поведения [7, с. 99].

Общий потенциал саморегуляции состоит из содержательно-смысловой устойчивости личности и ее деятельностных возможностей, которые ограничиваются значимыми для данной личности воздействиями социальной и предметной действительности, приводят к отказу от ранее принятой цели и мобилизации для реализации вновь принятой цели. Ссылаясь на слова А.Г. Асмолова, автор отмечает, что психология саморегуляции отражает проблему «меняющейся личности в меняющемся мире» [6, с. 39].

Цель научной работы – выявить стилевые особенности саморегуляции у работников уголовно-исполнительной службы с различным уровнем психологической готовности к инновационной деятельности.

Материал и методы. С применением опросника для измерения психологической готовности к инновационной деятельности В.Е. Клочко и О.М. Краснорядцевой [4] и с помощью кластерного анализа по методу k-средних были сформированы группы с разным уровнем (низкий, средний и высокий) психологической готовности

к инновационной деятельности. Первую группу (с низким уровнем) составили 82 испытуемые, во вторую группу (с высоким уровнем) вошло 77 испытуемых. 68 респондентов со средним уровнем показателя были исключены из дальнейшего исследования. В качестве психодиагностического инструмента был применен опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой. Для математико-статистической обработки был использован t-критерий Стьюдента для независимых групп.

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования составляющих личностной саморегуляции у работников уголовно-исполнительной службы с разным уровнем психологической готовности к инновационной деятельности приведены в таблице 1.

Показатель «Планирование» в первой группе составил 4,87 ± 0,29, во второй группе этот показатель был равен 6,82 ± 0,36. Были получены достоверные различия между группами в сторону повышения показателя в первой группе, при t = 4,22, p ≤ 0,001. Итак, представителей второй группы отличает большая сформированность потребности в осознанном планировании деятельности, планы в них более реалистичны, детализированы, иерархические и устойчивые, цели деятельности выдвигаются более самостоятельно.

Зафиксировано статистически значимое снижение показателя по шкале «Программирование» в первой группе (t = 2,38, p ≤ 0,05), по которой показатели составили: в первой группе – 5,20 ± 0,12, во второй – 6,18 ± 0,41. Таким образом, респондентам второй группы присуща более выраженная потребность продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, а также бòльшая детализированность и развертка разрабатываемых программ. Программы разрабатываются представителями второй группы более самостоятельно, они более гибко меняют данные программы действий в новых обстоятельствах, при несоответствии полученных результатов целям более эффективно проводят коррекцию программы действий до получения приемлемого результата.

По шкале «Оценивание результатов» показатель в первой группе составил 5,15 ± 0,39, во второй группе этот показатель был равен 6,78 ± 0,37. Было установлено статистически значимое снижение показателя в первой группе, при t = 2,32, p ≤ 0,05. То есть представители второй группы с высоким уровнем психологической готовности к инновационной деятельности проявляют бòльшую способность выделять значимые условия достижения целей, более успешно оценивают как сам факт рассогласования полученных результатов с целью деятельности, так и причины, которые привели к этому, гибко адаптируясь к изменению условий.

Подтверждение относительно значения саморегуляции для профессиональной деятельности мы находим в работе И.Б. Савельчука, который отмечает, что ее эффективность и успешность зависит от способности субъекта быть устойчивым к неопределенности, способным самостоятельно определять новые цели и средства их достижения, способным к моделированию и изменению внутренних и внешних условий, а также наличия у специалиста опыта осознанной регуляции деятельности, который должен быть представлен структурированной системой знаний, умений и переживаний. От сформированности (личностной и профессиональной) саморегуляции полностью зависит успешность профессиональной деятельности, готовность личности к разработке и внедрению инновации [8, с. 209–210].

Показатель «Гибкость» в первой группе составил 3,44 ± 0,27, во второй группе этот показатель был равен 4,18 ± 0,11. Были выявлены достоверные различия в сторону снижения показателя в первой группе (при t = 2,92, p ≤ 0,05). Полученные различия свидетельствуют о том, что в случае возникновения непредвиденных обстоятельств респонденты второй группы с большей легкостью меняют планы и программы исполнительских действий и поведения; отличаются большей способностью быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий.

Таблица 1 – **Показатели составляющих личностной саморегуляции у работников уголовно-исполнительной службы с разным уровнем психологической готовности к инновационной деятельности (M ± m)**

Шкалы	I группа	I группа	t	p
Планирование	4,87 ± 0,29	6,82 ± 0,36	4,22	0,001
Моделирование	4,90 ± 0,38	4,78 ± 0,38	0,25	–
Программирование	5,20 ± 0,12	6,18 ± 0,41	2,38	0,05
Оценивание результатов	5,15 ± 0,39	6,78 ± 0,37	2,92	0,05
Гибкость	3,44 ± 0,27	4,18 ± 0,11	2,32	0,05
Самостоятельность	5,65 ± 0,29	6,98 ± 0,16	3,81	0,001

В случае возникновения несогласованности полученных результатов с принятой целью они своевременно оценивают сам факт рассогласования и вносят соответствующую коррекцию. Более выраженная гибкость регуляторики позволяет этим испытуемым более адекватно реагировать на быстрое изменение событий и с большей успешностью решать поставленную задачу в ситуации риска.

В контексте проблемы готовности и успешности адаптации личности к изменениям мы считаем целесообразным обратиться к мнению Е.Е. Бочаровой, которая отмечает, что содержательно процесс адаптации представляет собой активное формирование (осознанное или неосознаваемое) субъектом стратегий и способов овладения ситуацией на различных уровнях регуляции поведения, деятельности, состояния. Ориентация на регуляторную активность личности позволяет признать, что человек не просто испытывает влияние внешней среды и реагирует на нее определенным образом, пытаясь соответствовать предъявляемым к нему требованиям, а взаимодействует со всей окружающей реальностью, произвольно меняя степень свободы и диапазон реализации собственного адаптационного потенциала [9, с. 47].

Так, Е.В. Винославская считает, что первой общей особенностью саморегуляции является свободный выбор (варьирование) цели и формирования, согласно им – программ (стратегий) действий. В контексте психологического знания этот тезис раскрыт в работах Л.С. Выготского, который полагал, что способность человека «создавать намерения» находит выражение в свободе человеческого поведения, которое существует как при создании намерений, так и при их воплощении. Создание намерений, мотивов, программ стимулировано другими мотивами, которые являются реализацией целей и программ более высокого порядка. В результате своего функционирования любой акт саморегуляции имеет конечный продукт. Причем, и это особенно важно, этим продуктом может быть и цель, и программа дальнейшей деятельности, которые сами по себе могут формироваться в результате функционирования процессов саморегуляции [10; 11].

По шкале «Самостоятельность» показатель в первой группе составил 5,65 ± 0,29, во второй группе показатель по этой шкале равен 6,98 ± 0,16; определено статистически значимое снижение показателя у респондентов первой группы, при $t = 3,81$, $p \leq 0,001$. Таким образом, испытуемые второй группы более автономны, менее зависимы от мнения и оценок окружающих, имеют бо̀льшую способность к самостоятельному планированию деятельности и поведения, организации работы по достижению выдвинутой цели, контролю хода ее выполнения.

По шкале «Моделирование» в первой группе показатель составляет 4,90 ± 0,38, а во второй группе 4,78 ± 0,38. Статистически значимые различия между группами не определены. Средний уровень показателя в обеих группах испытуемых позволяет говорить о индивидуальной развитости представлений о внешних и внутренних значимых условиях, степени их осознанности, детализированности и адекватности.

Заключение. Итак, в исследовании составляющих личностной регуляции показателей по шкалам «Планирование», «Программирование», «Оценка результатов», «Гибкость» и «Самостоятельность» выявлены достоверно более высокие показатели во второй группе и сходство показателей по шкале «Моделирование» в обеих группах. Полученные результаты позволяют утверждать, что работники уголовно-исполнительной службы с высоким уровнем психологической готовности к инновационной деятельности более самостоятельны, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, более осознанно достигают целей. В связи с этим они способны формировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние личностных, характерологических особенностей, препятствующих достижению цели. Представители группы с высокой готовностью к инновационной деятельности легче овладевают новыми видами активности, увереннее чувствуют себя в незнакомых ситуациях, что обеспечивает успехи в профессиональной деятельности. Работники уголовно-исполнительной службы с низким уровнем психологической готовности к инновационной деятельности в меньшей степени склонны к осознанному планированию и программированию своего поведения и деятельности, они более зависимы от ситуации и мнения окружающих людей, что снижает возможность компенсации неблагоприятных для достижения поставленной цели личностных особенностей в сравнении с работниками с высоким уровнем психологической готовности к инновационной деятельности. Соответственно, успешность овладения новыми видами деятельности в бо̀льшей степени зависит от соответствия стилевых особенностей регуляции и требований осваиваемого вида активности.

Для более полного изучения специфики психологической готовности к инновационной деятельности у работников уголовно-исполнительной службы, бесспорно, необходимо дальнейшее исследование как специфики компонентов личностной саморегуляции, так и дальнейшее исследование характеристик саморегуляции, специфики локализации субъективного контро-

ля, дифференциальных типов рефлексии и т.д. Выполненное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы, но открывает перспективы для дальнейшего ее изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попович, І.С. Роль соціальних очікувань у саморегуляції поведінки особистості / І.С. Попович // Проблеми сучасної психології. – 2015. – № 28. – С. 481–490.
2. Леженіна, Л.М. Взаємозв'язок копінг-стратегій, захисних механізмів і стильових особливостей саморегуляції поведінки майбутніх офіцерів Служби Безпеки України [Електронний ресурс] / Л.М. Леженіна // Міжнар. наук. журнал «Науковий огляд». – 2015. – № 9(19). – Режим доступу: – http://naukajournal.org/index.php/naukajournal/article/view/601/771. – Дата доступу: 10.01.2017 г.
3. Тітова, Т.Є. Смислові аспекти саморегуляції особистості / Т.Є. Тітова // Психологія і особистість. – 2016. – № 1. – С. 217–225.
4. Боришевський, М.Й. Дорога до себе: Від основ суб'єктності до вершин духовності: [монографія] / М.Й. Боришевський. – К.: Академвидав, 2010. – 416 с.
5. Макарчук, Н.О. Тривога як фактор реалізації психічних функцій особистісної саморегуляції підлітків з порушеннями розумового розвитку / Н.О. Макарчук // Вісн. Одес. нац. ун-ту. Психологія. – 2014. – № 19. – Вип. 2. – С. 203–213.
6. Сидоренко, Н.І. Особливості усвідомлення саморегуляції довільної активності майбутніх педагогів / Н.І. Сидоренко // Наука і освіта. – 2006. – № 3. – С. 35–47.
7. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: Феномен, структура и функции в произвольной активности человека / В.И. Моросанова; Рос. акад. Образования, Психол. ин-т. – М.: Наука, 1998. – 192 с.
8. Савельчук, І.Б. Соціально-педагогічне середовище навчально-професійних студій як чинник формування інноваційного потенціалу майбутніх соціальних працівників / І.Б. Савельчук // Освітологічний дискурс. – 2015. – № 1(9). – С. 204–214.
9. Бочарова, Е.Е. Адаптационная готовность личности к ситуациям социальных изменений / Е.Е. Бочарова // Изв. Саратов. ен-та. Новая Серия. – 2015. – Т. 4, № 1. – С. 45–51.
10. Винославська, О.В. Психологія: навч. посібник / О.В. Винославська, О.А. Бреусенко-Кузнєцов, В.Л. Зливков, А.Ш. Апішева, О.С. Васильєва. – К.: Фірма "ІНКОС", 2005. – 351 с.
11. Краснорядцева, О.М. Диагностические возможности опросника «Психологическая готовность к инновационной деятельности» / О.М. Краснорядцева, Д.Ю. Баланев, Э.А. Щеглова // Сибир. психол. журнал. – 2011. – № 40. – С. 164–175.

Поступила в редакцию 16.02.2017 г.

УДК 159.922.62:159.942

Динамика совладающего поведения в период средней и поздней взрослости

Корниенко И.А.

Мукачевский государственный университет, г. Мукачево, Украина

Проблема возрастного изменения личности человека остается актуальной всегда, однако исследований относительно изменений репертуара копинг-поведения в зрелом и даже пожилом возрасте все еще мало.

Цель исследования – проверка достоверных различий в копинг-репертуаре мужчин и женщин в раннем и зрелом периоде взрослости.

Материал и методы. *Респонденты были поделены на группы: 1-я группа – от 40 до 50 лет, 2-я группа – 50 до 60 лет. В психодиагностический комплекс вошли: «Индикатор копинг-стратегий», «Опросник способов совладания», «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций», «Проактивное совладающее поведение», «Преодоление трудных жизненных ситуаций», «Опросник SVF-120», «Дифференциальная диагностика состояния сниженной работоспособности», «Потери и приобретения персональных ресурсов», «Шкала психологического стресса PSM-25».*

Результаты и их обсуждение. *Обобщенный вывод может быть следующим: совладающее поведение в раннем периоде взрослости в целом конструктивнее и активнее, чем в более позднем. Статистически значимые различия между исследуемыми были выявлены по 6 шкалам: «Самоконтроль», «Планирование решения проблем», «Позитивная переоценка», «Уверенные независимые действия», «Манипулятивные действия» и «Приобретения» более высокие уровни продемонстрировала выборка более молодых респондентов по 3 шкалам: «Поиск социальной поддержки», «Избегание проблем», «Социальная замкнутость» более высокие значения были получены для второй выборки.*

Исследуемые в раннем взрослом возрасте в стрессовых ситуациях способны лучше анализировать ситуацию и находить больше возможных вариантов поведения, они тщательно планируют собственные действия с учетом объективных условий.

Заключение. *Различия в репертуаре совладающего поведения у мужчин и женщин имеют тенденцию к усилению с увеличением возраста, в среднем зрелом возрасте наблюдается высокий уровень конструктивности совладания. Зафиксированных различий недостаточно для констатации факта детерминационного влияния возраста в период 40–60 лет на конструктивность репертуара совладающего поведения.*

Ключевые слова: *копинг, копинг-репертуар, стратегии поведения, период взрослости.*

Dynamics of Coping during the Middle and Late Adulthood

Korniyenko I.A.

Mukachevo State University, Mukachevo, Ukraine

The problem of person's identity age change remains always relevant, but researches on changes of coping behavior repertoire in the adulthood and even old age are still insufficient.

The purpose of the study is to test the significant differences in coping repertoire of men and women in the early and mature adulthood.

Material and methods. *Respondents were divided into 2 groups: group 1 – from 40 to 50 years old, group 2 – 50 to 60 years old. The psychodiagnostic complex included: "The Coping Strategy Indicator (CSI)", "Ways of Coping Questionnaire (WCQ)" "Strategic Approach to Coping Scale (SACS)", "The Proactive Coping Inventory (PCI)", "Overcoming difficult life situations", "Streßverarbeitungsfragebogen" (SVF-120), "Differential diagnosis of the state of reduced health", "Personal resources gains and losses", "PSM-25" (Lemyr, Tessier & Fillion).*

Findings and their discussion. *Generalized output may sound like this: coping behavior in the early adulthood is relatively more constructive and functional than in the later one. Statistically significant differences between the groups were identified by 6 scales: "self-control", "planning of problem solving", "positive reappraisal", "confident, independent action", "manipulative action" and "gains". Higher levels were demonstrated by the sample of younger respondents, according to 3 scales: "search of social support", "avoiding problems", "social isolation"; higher values were obtained by the second sample.*

People in early adulthood in stressful situations are able to analyze the situation better and find more options for behavior; they carefully plan their own actions, taking into account the objective conditions.

Conclusion. *The differences in the repertoire of coping behavior among men and women have a tendency of increasing with aging, the average maturity has a comparatively higher level of constructive coping. Anyway the benchmarked differences are insufficient for ascertaining the fact of determinative influence of the age between 40–60 on constructiveness of coping repertoire.*

Key words: *coping, coping behavior, behavioral strategies, adulthood.*

В современном мире человеку все чаще приходится находиться в непростых и крайне неопределенных ситуациях. Наше общество, находясь в состоянии перманентных радикальных социальных и политических изменений, успело уничтожить ранее сформированные паттерны поведения и находится в состоянии формирования новых. В эпоху серьезных изменений, которые происходят сейчас, особенно уязвимыми становятся люди, у которых уже сформирована жизненная позиция, которая более не соответствует новым жизненным условиям, которые находятся далеко не в начале своего пути поиска самореализации. Они больше молодежи чувствуют на себе всю нестабильность и непредсказуемость непростого жизненного пространства, сильнее ощущают состояние растерянности и тревоги. Поэтому проблема изучения совладающего поведения в период взрослости является актуальной, и при ускорении изменения социального уклада жизни ее актуальность в недалеком будущем будет возрастать вдвойне.

Проблема возрастного изменения личности человека остается актуальной всегда, однако исследований относительно изменений репертуара копинг-поведения в зрелом и даже пожилом возрасте все еще мало. Люди часто слышат информационный фон о быстрой и к тому же ранней возрастной деградации личностных характеристик с возрастом. Тем не менее ряд ученых опровергает этот информационный миф, который часто не подкреплен достоверными доказательствами. В рамках данного исследования мы попытаемся разобраться в особенностях совладающего (копинг-поведения) периода взрослости.

Мы задаем вопрос о динамике копинг-поведения в процессе продвижения личности по своему жизненному пути, проводя исследования на различных возрастных категориях.

Цель работы заключается в проверке достоверных различий в копинг-репертуаре мужчин и женщин в раннем и зрелом периодах взрослости.

Материал и методы. Испытуемых мы поделили на группы исходя из возрастной периодизации Ю.Н. Карандашева и модификации возрастной периодизации Р. Мартина и К. Заллера (по Д.В. Богатенкову, С.В. Дробышевскому). Итак в 1-ю группу вошли респонденты в возрасте от 40 до 50 лет (категория Maturus I); во 2-ю группу – респонденты от 50 до 60 лет (Maturus II). Категории условно можно отнести к средней и поздней взрослости (зрелости). Исследование проводилось в пределах Ужгородского, Мукачевского и Свалявського районов Закарпатской области (Украина), в котором приняли участие 130 респондентов, среди которых 57% женщин, 43% мужчин от 40 до 50 лет и по 50% женской и мужской выборки в возрасте от 50 до 60 лет.

Для определения статистически достоверной разницы в репертуаре копинг-поведения был выбран метод статистической обработки данных критерий U–Манна–Уитни. Расчеты проводились с помощью программы статистической обработки данных SPSS (версия 21.0).

В психодиагностический комплекс вошли: методика «Индикатор копинг-стратегий» (ИКС) (Д. Амирхан), «Опросник способов совладания» (ОСС) (С. Фолкман, Р. Лазарус, адаптация и апробация Т.Л. Крюковой), «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (СПСС) (С. Хобфолл, адаптация Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой), «Проактивное совладающее поведение» (ПСП) (Л. Аспинвал, Е. Гринллас и др., адаптация Е.С. Старченковой), «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (ПТЖС), «Опросник SVF-120» (В. Янке, Г. Эрдманн, адаптация Н.Е. Водопьяновой), «Дифференциальная диагностика состояния сниженной работоспособности» (ДДССР) (А.Б. Леонова, С.Б. Величковская), «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ППРР) (Н.Е. Водопьянова и М.В. Штейн) и «Шкала психологического стресса PSM-25» (PSP) (Лемур-Тесье-Филлион, адаптация Н.Е. Водопьяновой).

Результаты и их обсуждение. Копинг (совладающее поведение) рассматривается учеными с разных позиций: общепсихологические представления о развитии личности (Б.Г. Ананьев, Г.А. Балл, М.И. Боришевський, Л.С. Выготский, З.С. Карпенко, Г.С. Костюк, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Д. Максименко, Т.М. Титаренко, Н.В. Чепелева, Ю.М. Швалб и др.), субъектно-деятельностный подход (К.А. Абульханова-Славська, В.А. Татенко, С.Л. Рубинштейн и др.), ситуативно-личностный подход (COPE) (Р. Лазарус, С. Фолкман, T. Wills, S. Shiftman), когнитивно-транзактный (Л. Анциферова, В.А. Бодров, Р.М. Грановська, Л.А. Китаев-Смык, И.М. Никольська, Н.А. Сирота и др.), дифференцированный подход к защитному и совладающему поведению (А. Либин и др.).

Копинг, или копинг-поведение, – достаточно молодое понятие в психологии, которое представляет собой целый пласт новых исследований в психологической науке. Проблема копинг-поведения является достаточно перспективным направлением современных психологических научных трудов. Его ценность заключается в том, что исследования тесно связаны с практикой предоставления психологической помощи людям, которые находятся в сложной жизненной ситуации [2].

В научных исследованиях описывается, что люди по-разному реагируют на одну и ту же самую стрессогенную ситуацию, в основном людям удается сохранить или быстро восстановить баланс и трудоспособность. Однако любая личность в той или иной степени чувствует в этих условиях психическое напряжение, негативные переживания и эмоциональное напряжение. Поэтому существование индивидуальных расхождений в реагировании на стресс и формировании стрессостойкости определяет возрастающий интерес к изучению механизмов регуляции этого состояния у разных возрастных категорий. Данная публикация посвящена исключительно поиску динамики, сдвига набора наиболее используемых стратегий копинг-поведения по мере перехода человека на более поздние этапы своего жизненного пути. Кроме того, в рамках данного исследования проведен сравнительный анализ совладающего поведения мужчин и женщин. Однако следует заметить, что публикация не описывает результаты исследования как такового, хотя был получен богатый эмпирический материал. Данные описания будут представлены в следующих работах [2; 3].

В психологической литературе существует несколько подходов к пониманию категории «копинг». Первый, наиболее ранний, описывается в работах представителя психоаналитического направления N. Haan, трактующего его в понятиях динамики «Эго» как один из способов психологической защиты, который используется для ослабления психической напряженности [4]. Копинг-процессы в данном подходе рассматриваются как эго-процессы, направленные на адаптацию личности к сложным жизненным ситуациям. Сторонники этого подхода склонны отождествлять совладание с его результатом.

Второй подход определяет «копинг» в понятиях черт личности (диспозиционная концепция копинга) как относительно постоянную склонность индивидуума, устойчивый стиль реагирования на стрессовые события определенным образом. А. Биллингс и Р. Моос утверждают, что копинг обусловливается устойчивыми качествами личности, которые позволяют использовать определенные варианты ответов на стрессовые ситуации, потому что сами эти качества влияют на выбор поведения человека в стрессовой ситуации. Они говорят, что выбор определенных копинг-стратегий в течение всей жизни является достаточно стабильной характеристикой и мало что зависит от типа стрессора [5; 6].

Согласно третьему подходу, разработанному С. Фолкман и Р. Лазарусом, копинг понимается как динамический процесс и рассматривается как когнитивные и поведенческие усилия личности, направленные на снижение влияния стресса. Известный представитель данного подхода Р. Лазарус обосновал тезис о том, что способность личности преодолевать стресс в большин-

стве случаев намного важнее, чем природа и величина стресса, частота его влияния [7; 8]. Это положение стало теоретической основой транзакционной когнитивной теории копинг-поведения Р. Лазаруса, которая стала первой среди теорий копинг-поведения.

С целью изучения возрастных различий в репертуаре копинг-поведения нами был проведен сравнительный анализ средних значений стратегий копинг-поведения, полученных на мужской и женской выборках средней и поздней взрослости. Проблема различия между мужским и женским полом связана с двойной детерминацией признаков. Кроме социального, учет эволюционно-биологического фактора приводит к пониманию пола как конституционной координаты, что обусловливает различия между группами людей различного пола со стороны несоциальных воздействий.

Для более детального изучения особенностей копинг-поведения сначала мы решили сравнить выборки исследуемых двух возрастных категорий. С целью оценки различия между исследуемыми был использован непараметрический метод сравнения выборок, а именно U-критерий Манна–Уитни. Вывод о сходстве или отличии исследуемых групп делается на основе эмпирического значения критерия, который показывает, насколько совпадают ряды значений по каждой из шкал использованных методик (таблица 1).

Обобщенный вывод, исходя из полученных результатов, может быть следующим: совладающее поведение в среднем периоде взрослости в целом конструктивнее и активнее, чем в более позднем.

Более детально анализируя полученные результаты, статистически значимые различия между исследуемыми возрастными группами на уровне $p < 0,05$ были выявлены по 9 шкалам. По 6 шкалам «Самоконтроль», «Планирование решения проблем», «Позитивная переоценка», «Уверенные независимые действия», «Манипулятивные действия» и «Приобретения» более высокие уровни продемонстрировала выборка более молодых респондентов (1-я группа), в то время как по 3 шкалам «Поиск социальной поддержки», «Избегание проблем», «Социальная замкнутость» статистически значимо более высокие значения были получены для более старшей, 2-й выборки.

Испытуемые в среднем взрослом возрасте в стрессовых ситуациях способны лучше анализировать ситуацию и находить больше возможных вариантов поведения, они тщательно планируют собственные действия с учетом объективных условий, прошлого опыта и существующих ресурсов, что дает возможность уменьшать собственную стрессовую уязвимость. Все это происходит за счет положительного переосмысления, рассмотрения ситуаций как стимула для личностного роста, волевым усилием происходит контроль эмоций, минимизация их влияния на восприятие ситуации и выбор стратегий поведения.

Исследуемые зрелого взрослого возраста, наоборот, демонстрируют в некотором роде противоречивые тенденции; пытаются избегать контакта с окружающей средой, с одной стороны, и, одновременно, демонстрируют высокие значения поиска социальной поддержки – с другой. Копинг-поведение в сложных ситуациях менее конструктивно, возможно отрицание проблемы, фантазирование и отвлечение. В таком возрасте решение проблем все чаще вынужденно происходит за счет привлечения внешних (социальных) ресурсов, поиска информации, эмоциональной поддержки от близких, хотя респонденты еще не ощущают увядания когнитивных и физиологических резервов.

Однако для подтверждения или опровержения значимости изменения репертуара копинг-поведения в данном возрастном периоде требует отдельного лонгитюдного исследования. Ведь из 58 шкал, которые часто перекрываются по своему содержанию, достоверные различия были зафиксированы всего за девятью. Это свидетельствует о том, что исследуемые различных возрастных групп используют достаточно схожий репертуар копинг-поведения в сложных и стрессовых ситуациях. Качественное решение (разрешение) стрессовых ситуаций скорее зависит от индивидуальных детерминант, таких как уверенность в себе, своих действиях и ресурсах, которые нужны для решения проблем и т.д. К тому же отсутствие серьезного детерминационного влияния возраста (как минимум в пределах исследуемых возрастных категорий) на репертуар совладающего поведения подчеркивал в своих работах Р. Лазарус.

Следующим этапом нашего исследования стало проведение поперечного анализа, а именно поиск статистически значимых различий отдельно между мужчинами и женщинами периода средней и поздней взрослости.

Первым этапом было сравнение женской выборки. Результаты сравнения с помощью непараметрического метода Манна–Уитни даны в таблице 2.

Статистически достоверные различия между показателями совладающего поведения у женщин выявлены по таким шкалам: «Избегание проблем» (ИКС), «Планирование решения проблем» (ОСС), «Проактивное совладание» (ПСП), «Замещение» (ПТЖС), «Психомышечная релаксация» (ПТЖС) и «Приобретения» (ППР). При этом по всем шкалам, кроме «Избегание проблем», значения больше у более «молодой» 1-й выборки.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что женщины в раннем взрослом возрасте решают сложные жизненные ситуации более конструктивно, что в свою очередь помогает формировать ресурсы, которые в дальнейшем способствуют решению будущих проблем. Женщинам свойственно обращаться к положительной переоценке ситуации, к активности и релаксации. Также свойственно делать себе что-то приятное, что дает возможность обеспечивать чувство успеха и самоутверждения. С продвижением по жизненному пути при отсутствии необходимых внутренних или внешних ресурсов женщины все чаще начинают использовать стратегию избегания.

Что касается мужчин, то между респондентами двух возрастных категорий были зафиксированы достоверные различия лишь по пяти шкалам (см. таблицу 3).

Сделав сравнительный анализ между двумя независимыми выборками исследуемых мужчин в раннем и зрелом взрослом возрасте, были выявлены различия только по 5 шкалам, а именно: «Поиск социальной поддержки» (ИКС), «Снижение значения стрессовой ситуации» (ПТЖС) и «Стресс» (ДДССР) – более свойственно респондентам второй выборки, а «Самоконтроль» (ОСС), «Планирование решения проблем» (ОСС) – наоборот, первой, более «молодой». Результаты говорят о том, что респонденты, попадая в иные постоянно изменяющиеся условия собственного жизненного пространства, ищут другие, более адекватные способы эффективного совладающего поведения в нем. Снижение уровня принятия стресса, поиск социальной поддержки становятся теми ресурсами, которые «доказывают» свою высокую эффективность в более зрелом возрасте.

Таблица 1 – **Значения U-критерия Манна–Уитни (средней и поздней взрослости)**

Шкала (название методики)	Статистика U–Манна–Уитни	Статистика W–Уилкоксона	Z	Асимпт. знч. (2-х ст.)
«Поиск социальной поддержки» (ИКС)	1 639,500	4 124,500	–2,165	0,030
«Избегание проблем» (ИКС)	1 436,500	3 921,500	–3,134	0,002
«Самоконтроль» (ОСС)	1 676,000	3 506,000	–1,992	0,046
«Планирование решения проблем» (ОСС)	1 420,000	3 250,000	–3,196	0,001
«Позитивная переоценка» (ОСС)	1 640,500	3 470,500	–2,037	0,042
«Уверенные независимые действия» (СПСС)	1 640,000	3 470,000	–2,161	0,031
«Манипулятивные действия» (СПСС)	1 645,500	3 475,500	–2,127	0,033
«Социальная замкнутость» (ПТЖС) Поздняя	1 659,500	4 144,500	–2,070	0,038
«Приобретения» (ППРР)	1 520,000	3 350,000	–2,710	0,007

Таблица 2 – Значение U–критерия Манна–Уитни (средней и поздней взрослости): женщины

Шкала (название методики)	Статистика U–Манна–Уитни	Статистика W–Уилкоксона	Z	Асимпт. знч. (2-х ст.)
«Избегание проблем» (ИКС)	384,000	1 204,000	–2,597	0,009
«Планирование решения проблем» (ОСС)	389,500	854,500	–2,514	0,012
«Проактивное совладание» (ПСП)	315,500	780,500	–3,384	0,001
«Замещение» (ПТЖС)	364,000	829,000	–2,810	0,005
«Самоутверждение» (ПТЖС)	390,500	855,500	–2,498	0,012
«Психомышечная релаксация» (ПТЖС)я	386,000	851,000	–2,555	0,011
«Приобретения» (ППРР)	354,000	819,000	–2,921	0,003

Таблица 3 – **Значение U-критерия Манна–Уитни (средней и поздней взрослости): мужчины**

Шкала (название методики)	Статистика U–Манна–Уитни	Статистика W–Уилкоксона	Z	Асимпт. знч. (2-х ст.)
«Поиск социальной поддержки» (ИКС)	280,500	745,500	–2,529	0,011
«Самоконтроль» (ОСС)	303,500	768,500	–2,178	0,029
«Планирование решения проблем» (ОСС)	304,500	769,500	–2,172	0,030
«Снижение значения стрессовой ситуации» (ПТЖС)	312,500	777,500	–2,040	0,041
«Стресс» (ДДССР)	315,000	780,000	–2,006	0,045

Заключение. Как показывает данное исследование и исследования, проведенные ранее, различия в репертуаре совладающего поведения у мужчин и женщин имеют тенденцию к усилению с увеличением возраста, тем не менее как в относительно раннем зрелом возрасте наблюдается высокий уровень конструктивности совладания (преобладания стратегии «Планирование решения проблем» как у мужчин, так и у женщин).

Результаты исследования позволяют сформировать гипотезу о том, что именно в раннем зрелом возрасте личность находится на пике конструктивности совладающего поведения, однако их явно недостаточно для констатации факта детерминационного влияния возраста в период 40–60 лет на конструктивность репертуара совладающего поведения и требует дальнейших уже лонгитюдных изысканий.

В целом у современных зрелых личностей обеих возрастных периодов наблюдается состояние повышенной мобилизации психических и энергетических ресурсов, с доминированием мотивации на преодоление трудностей, что способствует снижению силы, длительности и тяжести трудной жизненной ситуации и свидетельствует в целом о успешном, конструктивном совладании без существенных возрастных спадов. Речь скорее идет об особенностях, чем о существенном снижении совладающих действий в периоде 40–60 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова, Т.Л. Психология совладающего поведения: монография / Т.Л. Крюкова. – Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004. – 344 с.
2. Крюкова, Т.Л. Основные подходы к изучению совладающего поведения в зарубежной и отечественной психологии / Т.Л. Крюкова // Вестн. КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2004. – № 4. – С. 58–68.
3. Крюкова, Т.Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтя // Журнал практического психолога. – 2007. – № 3. – С. 93–112.
4. Haan, N. Coping and defending: processes of environment organization / N. Haan. – N.Y.: Academic Press, 1977. – 346 p.
5. Frydenberg, E. Adolescent Coping. Theoretical and Research Perspectives / E. Frydenberg. – London–N.Y.: Adolescence and Society Series, 1997. – 203 p.
6. Frydenberg, E. Adolescent coping styles and strategies. Is there functional and dysfunctional coping? / E. Frydenberg, R. Lewis //Australian J. of Guidance and Counselling, 1. – 1991. – P. 35–43.
7. Carpenter, B.N. Issues and advances in coping research / B.N. Carpenter // Personal coping: Theory, research, and application (Ed. by B.N. Carpenter). – CT: Praeger, 1992. – P. 1–13.
8. Lazarus, R.S. Coping theory and research: Past, present, and future / R.S. Lazarus // Psychosomatic Medicine. – 1993. – V. 55. – P. 234–247.

Поступила в редакцию 07.10.2016 г.

УДК 159.922.736.3-053.4:316.614

О трудностях взаимоотношений дошкольников в совместной деятельности

Абрамова Л.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях общественного воспитания одним из решающих факторов в развитии личности дошкольника становятся особенности его общения со сверстниками, структура межличностных отношений в возрастной группе детского сада, взаимовлияния детей в совместной деятельности, которая в большой степени зависит от характера их общения.

Цель статьи – представить алгоритм и возрастную динамику совместной деятельности дошкольников в условиях взаимного выбора.

***Материал и методы.** Исследование проводилось в ГУО «Ясли-сад № 69 г. Витебска». В эксперименте участвовало 50 детей разных возрастных групп, с разным уровнем самостоятельности. Задание для совместной деятельности было сконструировано нами и включало три этапа.*

Результаты и их обсуждение. *В результате изучения особенностей совместной деятельности установлено: наличие единства взаимоисключающих тенденций в деятельности дошкольников, что выражается, с одной стороны, в их устремленности к сверстнику и сотрудничеству с ним, а с другой – в конфликтном характере протекания их совместной деятельности. Качество совместной деятельности несколько улучшается к старшему возрасту в связи с развитием связной речи.*

Потребность в сотрудничестве со сверстниками имеет существенные отличия от потребности со взрослым. Взрослый является для ребенка носителем правил в предметно-практической деятельности. Его ипостась в общении с детьми раннего возраста – умелец. Операциональная сторона совместной деятельности в нашем эксперименте показала, что не все дети успешно прошли через ситуативно-деловую форму общения.

Заключение. *Пути преодоления трудностей взаимоотношений дошкольников лежат в полноценном удовлетворении их ведущих потребностей в разные возрастные периоды дошкольного детства в условиях основной для них формы общения.*

Ключевые слова: *сотрудничество, ведущие потребности возрастного периода, самосознание, самооценка, комбинаторные операции взаимоотношения со взрослыми и сверстниками.*

On the Difficulties of Relationships in Preschoolers Joint Activities

Abramova L.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The relevance of the study is due to the fact that in public education one of the decisive factors in personality development of a preschooler becomes his personality interaction with peers, the structure of interpersonal relations in the age group of the kindergarten, and children interaction in joint activities, which to a large extent depends on the nature of their communication.

The purpose of this article is to present the algorithm and age dynamics of joint activity of preschool children in conditions of mutual choice.

Material and methods. *The study was conducted in the State Educational Establishment "Nursery School № 69 of the City of Vitebsk". The experiment involved 50 children of different age groups, with different levels of self-sufficiency. We designed the task for the joint activity which included three stages.*

Findings and their discussion. *As a result of studying the features of joint activities it was established: the presence of unity of mutually exclusive trends in the activities of preschoolers, which is expressed, on the one hand, in their aspiration to peers and cooperation with them, and, on the other – conflict character in the course of their joint activity. The quality of joint activity improved somewhat towards the older age in connection with the development of coherent speech.*

The need for cooperation with peers has significant differences from the need with adults. For a child an adult is a bearer of the rules in subject-practical activities. His hypostasis in communication with young children is a craftsman. The operational side of the joint activity in our experiment showed that not all the children successfully passed through the situational and practical form of communication.

Conclusion. *Ways of overcoming preschoolers' interrelation difficulties lie within wholesome satisfaction of their leading needs in different age periods of the preschool childhood in conditions of their main form of communication.*

Key words: *cooperation, fundamental needs of the age period, consciousness, self-evaluation, combinatorial operations of relationships with adults and peers.*

В психологической литературе разных временных периодов и разных стран имеется немало исследований, в которых изучается общение детей со сверстниками, однако оно не рассматривается как деятельность. Исключение составляют работы Я.А. Коломинского, Г.В. Драгуновой, С.Г. Якобсона, В. Щур, но они посвящены детям младшего школьного и подросткового возраста.

Одним из важнейших параметров характеристики общения дошкольников со сверстниками является анализ потребностей общения. Деятельность общения – лишь часть более широкого взаимодействия ребенка с окружающими людьми [1].

По данным М.И. Лисиной с сотрудниками, общение младенца со взрослыми протекает вне какой-либо другой деятельности, оно само является ведущей деятельностью ребенка. Ребенок нуждается во внимании и доброжелательности взрослого, главный мотив его общения с ним – личностный. В раннем возрасте общение со взрослыми у ребенка осуществляется в условиях их практического взаимодействия. Ребенок испытывает нужду в сотрудничестве со взрослыми. Ведущим мотивом общения является деловой [1].

Взаимоотношения и взаимодействия дошкольников начинаются в раннем возрасте с игр «рядом» и осуществляются при помощи «механического взаимодействия» – обмена игрушками. Далее сюжетно-ролевые игры и другая совместная деятельность протекают сложно, конфликтно и часто разваливаются, в литературе есть много объяснений такому ходу деятельности. Мы попытаемся дать другое объяснение сложностям, возникающим у дошкольников в совместной деятельности.

В разные периоды детства ребенок способен увидеть в своем партнере лишь часть его

действительных качеств. В ситуативно-деловой форме на первое место выдвигается предметно-манипулятивная деятельность детей (от 3 до 6 лет). Контакты со взрослыми связаны с общим делом – практическим сотрудничеством, а не с демонстрацией взрослым отдельных, случайным образом показанных действий или операций. В этой форме общения на центральное место среди всех мотивов общения выдвигается деловой мотив. Ребенка интересует, что и как делает с вещами взрослый. И старшие раскрываются теперь детям именно с этой стороны – как удивительные умельцы и искусники, способные творить с предметами истинные чудеса.

Задача взрослого сотрудника состоит не только в том, чтобы ребенок освоил правильные действия и операции с предметами, но учил его доброжелательно, не раздражался и не критиковал ошибки ребенка, развивая в нем творческие качества умельца, т.е. обеспечивал «в самосознании и самооценке ребенка образ умельца», человека с руками.

Если ребенок в этом возрасте в полной мере не «прошел» эту форму делового сотрудничества, то у него, конечно, есть проблемы с комбинаторикой мыслительных операций и отсутствует терминологический словарь деловых операций, действий и движений. Практика показывает, что в младшем и среднем дошкольном возрасте в условиях познавательной деятельности, выступившей на передний план и несколько обособившейся от практической деятельности, дети испытывают нужду в более сложном, теоретическом сотрудничестве со взрослыми, в их уважительном отношении, положительных оценках. Ведущим мотивом общения становится познавательный. Ребенок обнаруживает высокую чувствительность к оценкам взрослого и к его позиции в их сотрудничестве (стремление занять со взрослым равное положение). В старшем дошкольном возрасте внеситуативное личностное общение не является аспектом какого-либо другого сотрудничества ребенка со взрослыми. Оно позволяет удовлетворить нужду во взаимопонимании и сопереживании [2].

Наиболее существенной характеристикой индивидуальной деятельности ребенка, обусловливающей его нужду в старшем партнере и во взаимодействии с ним (в сотрудничестве), является его самостоятельность в деятельности (И.А. Дмитриев). Показателем самостоятельности ребенка для нас служило наличие или отсутствие у него нужды в подкреплении взрослым его действий, а также прямой помощи взрослого. О наличии такой нужды мы судили по продолжению соответствующей деятельности ребенка при наличии или отсутствии ее подкреплений взрослым [3–10].

Целью статьи является анализ совместной деятельности дошкольников, качественных различий между сотрудничеством дошкольников с ровесниками и со взрослыми и роли взрослого в развитии самосознания дошкольников.

Материал и методы. Оценивая степень самостоятельности каждого ребенка в практической деятельности, можно констатировать значительные различия между ними в этом отношении: от почти полной беспомощности до довольно большой свободы в действиях и творческого подхода к деятельности. Дети (50 человек) по показателям самостоятельности конструирования разбились на три группы.

Первая группа: несамостоятельные дети. Этих детей характеризует деловая и практическая зависимость от старшего партнера. Ребенок нуждается в постоянном подкреплении каждого своего действия. Без получения поддержки со стороны взрослого он прекращает деятельность. Эту группу составили 8 детей в возрасте 2–3 лет.

Во вторую группу вошли дети, у которых отмечалось возникновение самостоятельности. Их отличало то, что они еще нуждались в помощи, но не постоянно, а через большие отрезки времени (целые этапы) самостоятельной деятельности. В этой группе оказалось 13 детей.

В третьей группе были дети, которые характеризовались относительной самостоятельностью. Они отличались довольно большой ловкостью в действиях. Можно было наблюдать, как эти дети наслаждались самостоятельностью, действуя свободно, легко, часто импровизируя. В этой группе оказалось 29 детей. Естественно полагать, что дети, стоящие на разных ступенях развития самостоятельности, в неодинаковой степени нуждаются в партнере.

Результаты и их обсуждение. Под взаимодействием дошкольников со взрослыми и сверстниками мы понимаем их совместную практическую деятельность, обмен практическими действиями (Г.И. Андреева). Об особенностях взаимодействия партнеров мы судим на основе того, как реально осуществлялись предложенные детям различные варианты взаимодействия («вместе», «рядом», «в присутствии»), а также по способу привлечения ребенком партнера к взаимодействию (пассивно принимает, проявляет инициативу, осуществляет это в игровой форме и пр.). О характере потребности ребенка в партнере судили по содержанию его поводов для обращения к нему.

Взаимодействие со взрослым возникало у каждого ребенка, носило неодинаковый характер. Иногда оно появлялось на основе практической (деловой) зависимости детей от взрослого,

но при этом протекало у разных детей по-разному в связи с особенностями их индивидуальной деятельности. Так, одни дети пассивно подчинялись инструкции взрослого, но не обнаруживали никакой инициативы во взаимодействии с ним. Эти дети постоянно ждали подкрепления своим действиям («так», «не так») со стороны взрослого. В противном случае их деятельность прекращалась. Они нуждались и в его помощи. Но, не получив ее, они не обращались за ней ко взрослому, а просто прекращали деятельность и взаимодействие. Взаимодействие в этом случае полностью зависело от взрослого. Взрослый выступал как помощник, наблюдатель и ценитель деятельности ребенка. В эту группу вошли 8 детей, обнаруживших отсутствие самостоятельности в практической деятельности. Другие дети независимо от предложенной им ситуации взаимодействия обращались ко взрослому за помощью и эталонами действий. Они нуждались во взаимодействии с ним, сами обращались к нему. Эти дети относились ко взрослому как к источнику эталонных приемов и способов действий, ждали от него прямого показа объяснения. Они нуждались и в подкреплении своих действий взрослым, в его помощи. Эту группу составили 13 детей, характеризовавшихся возникновением у них элементов самостоятельности в деятельности.

Но иногда взаимодействие дошкольников со взрослым возникало не только на основе нужды в его помощи. Ребенок часто и сам предлагал помощь. Эти дети активно обращались ко взрослому как к старшему партнеру по деятельности. Они уже регулировали деятельность партнера, согласовывали с ним свои действия, привлекали его к совместным действиям и тогда, когда объективная ситуация этого не требовала. В эту группу вошли дети, характеризовавшиеся самостоятельностью в индивидуальной деятельности.

Взаимодействие дошкольника со сверстником варьировало от полного его отсутствия до различных вариантов. Наблюдались следующие варианты:

ребенок не принимал взаимодействия со сверстником, не видел в нем партнера. Каждая предложенная ситуация превращалась в деятельность детей рядом;

ребенок принимал взаимодействие на вербальном уровне. На деле все-таки взаимодействия не получалось. Каждый делал свое;

ребенок пассивно, без собственной инициативы принимал предложенное сверстником взаимодействие, подчинялся его инструкциям;

возникало неспецифическое, не связанное с конструированием, игровое взаимодействие (стучат кубиками по столу, возникает звуковая игра и т.п.);

устанавливалось реальное взаимодействие (игровое или деловое) на основе инициативы одного из детей, выступавшего в качестве носителя моделей и эталонов деятельности;

возникало реальное взаимодействие сверстников (деловое или игровое) как равных партнеров по игре, согласующих свои планы, договаривающихся о средствах и т.д.

При сравнении взаимодействия в двух сферах выделилось три группы детей.

I. Дети, которые пассивны во взаимодействии со взрослыми, не умеют поддерживать взаимодействие и со сверстниками. Они не видят в них партнеров по деятельности, и их задача в контактах с ними сводится к защите своих прав. Возникают ссоры из-за средств деятельности. Каждый старается приобрести средства поинтереснее. Взаимодействия со сверстниками у этих детей не возникало. Они не самостоятельны в индивидуальной деятельности.

II. Дети, стоящие на этапе возникновения самостоятельности в практической деятельности (13 детей) и активно обращающиеся ко взрослому за помощью и эталонами деятельности. У них наблюдается несколько вариантов взаимодействия со сверстниками. У четверых взаимодействия со сверстниками не возникает. Двое из них не принимают вообще задачи действовать совместно со сверстником, двое, хотя и принимают эту задачу на вербальном уровне («да», «давай строить»), на деле строят рядом со сверстником каждый свое. У остальных девяти детей взаимодействие со сверстниками возникает через игру. У двоих из них взаимодействие никак не связано с задачей конструирования. Дети не конструируют совместно, а находят общий способ манипулирования предметами (оба стучат кубиками по столу и наслаждаются этим, поддерживая друг друга). Это неспецифическое для данной деятельности взаимодействие. У остальных возникает уже специфическое деловое взаимодействие в игровой форме (распределение ролей на строительстве и регуляция взаимодействия через эти роли) или игровое (неспецифическое) на основе познавательного материала («Давай эти ягоды съедим». И оба участника действуют так, как будто собирают изображенные в книге ягоды).

У двоих детей этого уровня взаимодействие со сверстниками возникает только при большой инициативе со стороны другого. Они пассивно принимают предложенное сверстником взаимодействие. Остальные пять сами находят игровые моменты взаимодействия. Они действуют как инициаторы игры, носители моделей деятельности. Видя в сверстнике партнера по игре, эти дети обогащают данную ситуацию все новыми игровы-

ми элементами. Придумывают рассказы, события, дают партнеру разные роли, вовлекая его в игру.

Взаимодействие ребенка со сверстниками очень эмоционально в этих условиях.

III. Дети, которые относительно самостоятельны в практической деятельности (29 детей). У них взаимодействие со сверстниками различается по степени инициативности детей. Одни из них пассивно принимают предложенное взаимодействие, подчиняются инструкциям сверстников, но сами инициативы в организации взаимодействия не обнаруживают. Другие (8 детей) выступают как инициаторы взаимодействия, как носители моделей («так бывает», «так надо»). Эти дети дают другим советы, как действовать, предлагают свои модели деятельности (заимствованные во взаимодействии со взрослыми) как единственно возможные. Последнее часто происходит через негативную оценку деятельности сверстника («Не так! Дай, я тебе покажу, как надо!»).

У десяти наших испытуемых взаимодействие со сверстником происходит на равных. Ребенок интересуется планами сверстника, согласует с ним пожелания относительно совместной деятельности, просит о согласии другого. Во взаимодействии со сверстником или себе равным ребенок чувствует себя свободно, раскованно.

Материалы показали, что сотрудничество дошкольников со взрослым и сверстником осуществляется по-разному. Можно предположить, что в деловых контактах со взрослым и сверстником дошкольники испытывают неодинаковую нужду в них. Особенности сотрудничества детей со взрослым сказываются на особенностях их аналогичных контактов со сверстником. Так, дети, ищущие у взрослого образцы действий, склонны навязывать сверстнику свои модели действий. Дети, взаимодействующие со взрослым как с партнером, обнаруживают склонность относиться в деловых ситуациях к сверстнику как к равному себе.

Данные, полученные в наших исследованиях, позволяют отчетливо увидеть две уже упоминавшиеся, как бы противоборствующие тенденции в общении детей в совместной деятельности в деловых ситуациях. С одной стороны, четко прослеживается стремление детей к совместной деятельности. Это выражается в следующем: почти все дети на вопрос взрослого, хотят ли они строить дом для кукол в одиночку или вместе с кем-либо из своих товарищей, отвечали, что хотят привлечь к участию в работе кого-либо из детей; в ходе совместной деятельности со сверстником обнаруживают довольно высокие показатели коммуникативной деятельности, свидетельствующие об их потребности в общении со сверстником в деловой ситуации (рисунок 1). Содержание общения сверстников было привязано к конкретной ситуации.

Высокие показатели инициативности дошкольников (304) в общении со сверстниками в совместной деятельности (рисунок 1), их чувствительности к отношению (оценкам) сверстника в деловой ситуации (243), их внимания и интереса к партнеру (185) подтверждают это. Особенно ярко эта потребность начинает проявлять себя в контактах дошкольников 4–5 лет. Все показатели коммуникативной активности у этих детей увеличиваются в 2–3 раза.

Суммарные данные о коммуникативной активности дошкольников в общении со сверстником в деловых и познавательных ситуациях также свидетельствуют о достаточно четкой выраженности у детей потребности в деловом сотрудничестве со сверстником (рисунок 2).

Но материалы, полученные нами в процессе сотрудничества, показали, что устремленность дошкольников к деловому сотрудничеству со сверстником, высокая коммуникативная активность, отмечаемая при этом, сопровождаются, с другой стороны, проявлениями острой конфликтности. Об этом свидетельствует ряд особенностей совместной деятельности дошкольников-сверстников. Стремясь работать вместе, дети часто оказываются неспособными осуществить это (рисунок 3).

Из данных рисунка 3 видно, что с возрастом увеличивается количество сотрудничающих пар. Если у трехлеток наблюдается половина таких пар, то к концу дошкольного возраста, у семилеток, их становится больше. При этом следует уточнить, что сотрудничество иногда носило просто мимолетный характер, проявлялось в доброжелательном взаимодействии, направленном на решение поставленной задачи, совместных действиях, обсуждении этапов задания и др. Дети всех возрастных групп чаще работали раздельно, и продолжительность раздельной работы была более длительной. Достойным внимания является факт уменьшения количества дошкольников, которые стремятся привлечь сверстника к совместной деятельности. К семи годам этот показатель резко сокращается. Детей, стремящихся к раздельному выполнению задания, становится больше. Такое положение сказалось и на длительности совместной деятельности (рисунок 4).

Распавшимися парами мы считаем такие, в которых один или оба партнера выходят из ситуации. Из рисунка 4 видно, что в начале деятельности распалось только 4 пары: 2 – у детей трех лет и 2 – у детей семи лет. Это составляет лишь 9%. В середине эксперимента распадалось значительно больше пар – 19, что составляет около поло-

вины участвовавших в эксперименте (43%). Здесь «ведущее» место занимают дети трех и семи лет. Длительное сотрудничество детей примерно в половине случаев связано с тем, что часть детей терпимо относилась к напористым действиям сверстника. Были и такие дети, которые почти не принимали участия в выполнении задания, а лишь терпеливо наблюдали за действиями сверстника. Однако тех, кто терял интерес к деятельности, отвлекался, присутствовал только физически в ситуации, мы к этой категории не относили.

Данные о деятельности пар дошкольников 3–7 лет говорят о том, что, несмотря на разногласия, сложность задания, невмешательство взрослого, во всех случаях обостряющихся взаимоотношений и взаимодействий обнаруживаются объективные показатели среднего и длительного сотрудничества.

Приведенные материалы свидетельствуют, с одной стороны, о потребности у дошкольников в сотрудничестве со сверстником. Это находит выражение в том, что около 20% пар сохраняются на все время выполнения задания. Около 50% пар сохраняются достаточно продолжительно (до середины отведенного времени). В то же время материалы показали, что совместная (конструктивная) деятельность у дошкольников протекает очень сложно, что вызвано неумением детей согласовать свои действия. Оно выражается в стремлении каждого из партнеров реализовать свой образ действия.

Картина, представленная на рисунке 5, свидетельствует о том, что дошкольник большую часть своих усилий направляет на то, чтобы разными путями навязать сверстнику свой способ действия. При этом с возрастом данная тенденция в целом усиливается. У детей 3–4 лет эти действия в сумме составляют 71,1% всех обращений к сверстнику по поводу совместных действий. У детей 6–7 лет – уже 90%. Эта картина наблюдалась у детей, стремящихся действовать совместно.

В сущности, показатели отрицательных деловых проявлений у дошкольников, перешедших от терпеливого сотрудничества к решительным действиям в одиночестве или к навязыванию своего способа действия агрессивным путем, свидетельствуют о том же (рисунок 6). Дошкольник стремится реализовать свой вариант конструирования; сверстник не всегда идет ему в этом навстречу.

Рассмотренные материалы, с нашей точки зрения, позволяют обоснованно предполагать, что потребность в сотрудничестве со сверстником имеет некоторые отличия от аналогичной потребности в общении ребенка со взрослым. Потребность в сотрудничестве со взрослым возникает у детей в условиях овладения ими опытом предшествующих поколений в предметно-практической сфере. Взрослый является для ребенка носителем этого опыта. Он выступает для него не только помощником, соучастником и носителем образцов деятельности, но и, в первую очередь, умельцем. Эту потребность ребенок способен и обязан удовлетворить в период от 6 месяцев до 3 лет.

На фоне таким образом протекающей совместной деятельности возникают конфликты, ссоры, драки (рисунки 7, 8).

Сложные и неспокойные взаимоотношения в совместной деятельности сопровождаются большим количеством отрицательных оценок, даваемых дошкольником сверстнику (рисунки 7–9), и высокой самооценкой.

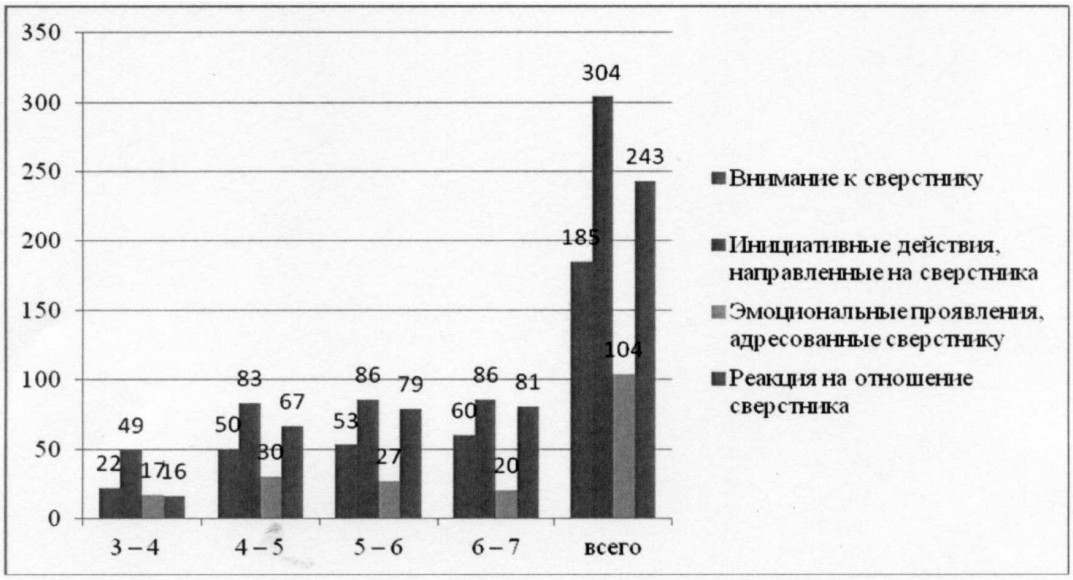

Рисунок 1 – **Показатели потребности в общении со сверстником у дошкольников в совместном конструировании, в условных величинах.**

Рисунок 2 – **Коммуникативная активность дошкольников в общении со сверстником в условиях совместной познавательной деятельности, в условных единицах.**

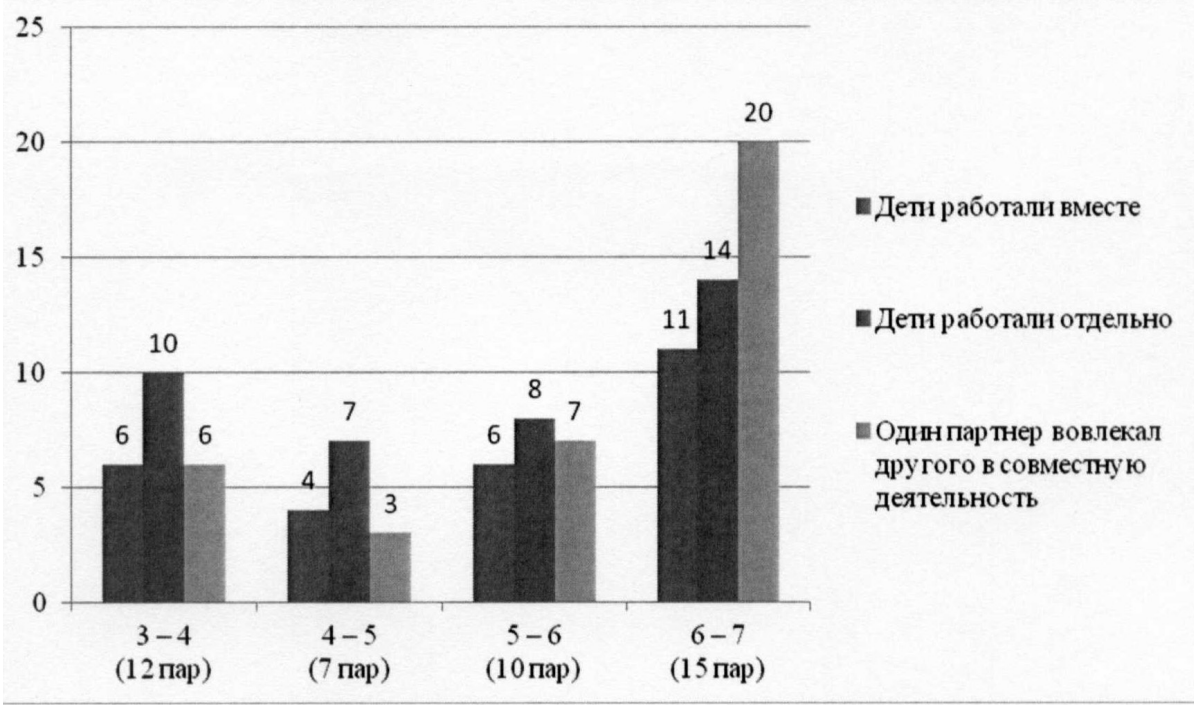

Рисунок 3 – **Осуществление совместной деятельности со сверстниками у дошкольников 3–7 лет.**

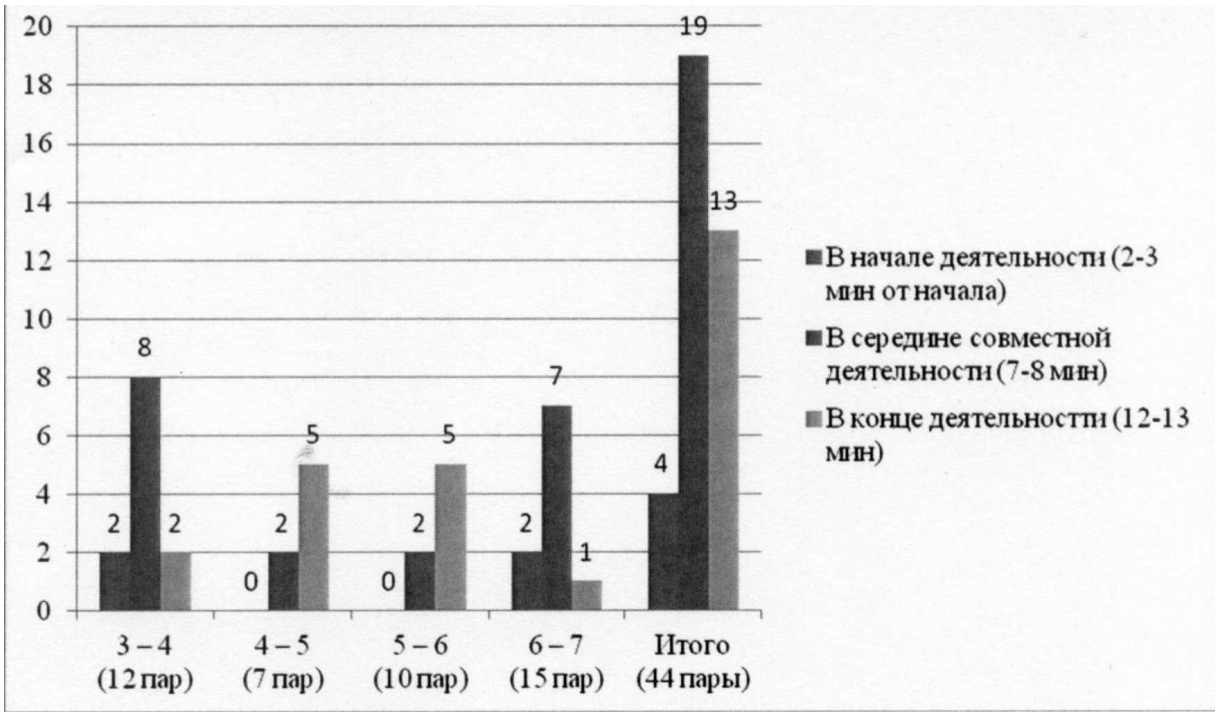

Рисунок 4 – **Продолжительность сотрудничества дошкольников при совместном конструировании.**

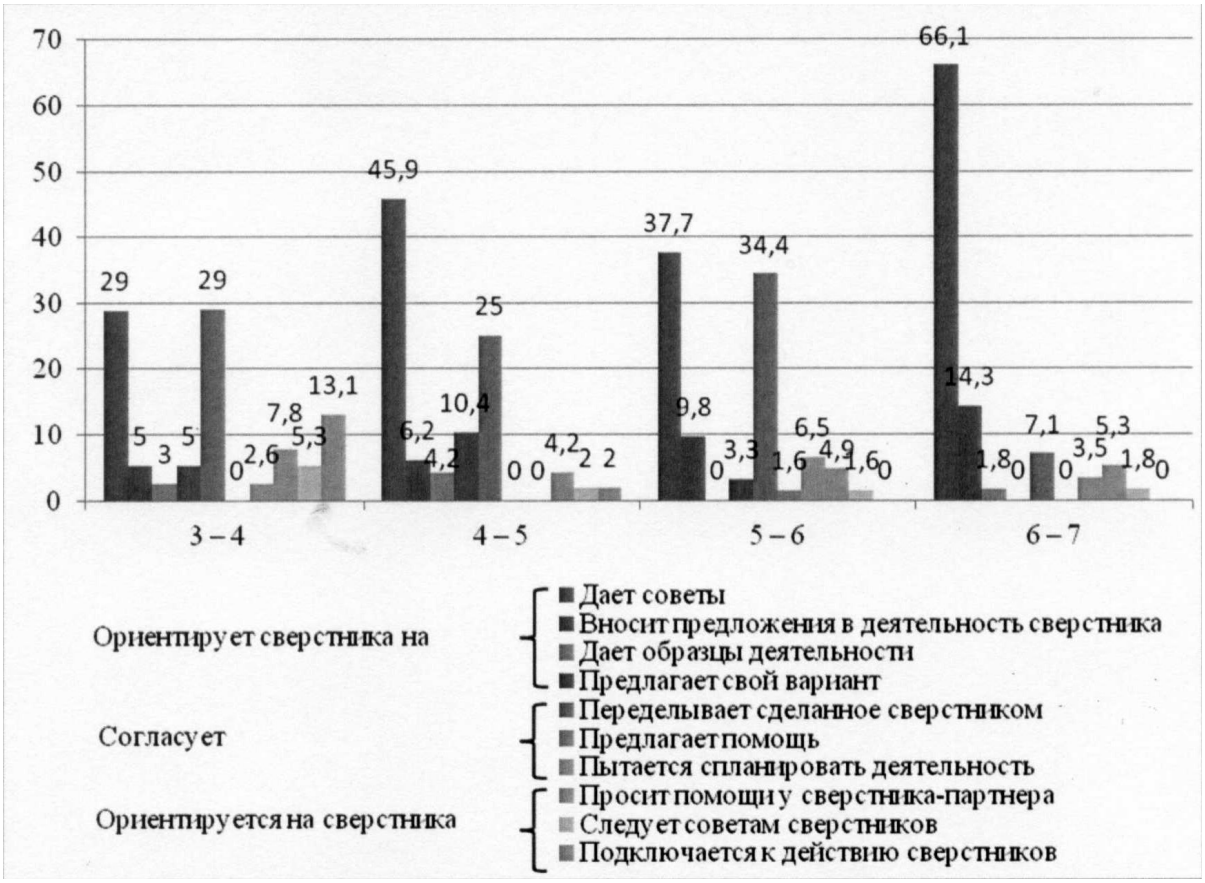

Рисунок 5 – **Положительные деловые контакты сверстников, направленные на осуществление совместной (конструктивной) деятельности у дошкольников 3–7 лет, %.**

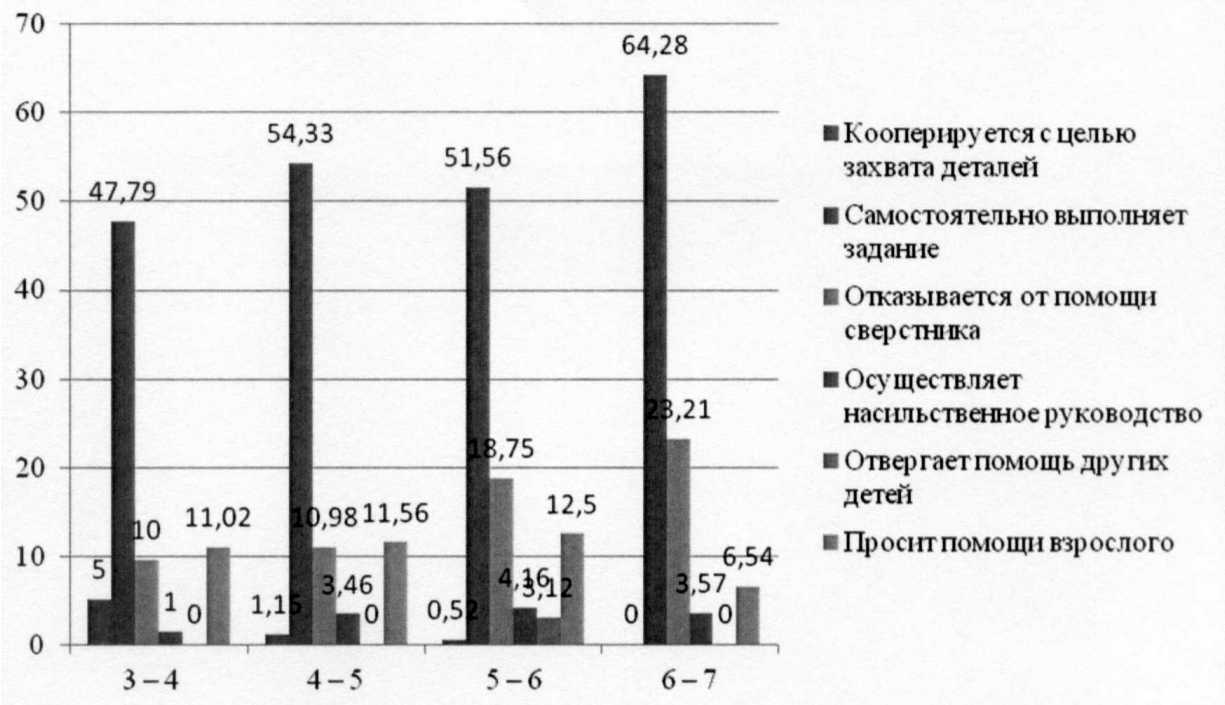

Рисунок 6 – **Показатели делового сотрудничества, препятствующие совместной конструктивной деятельности у дошкольников 3–7 лет, %.**

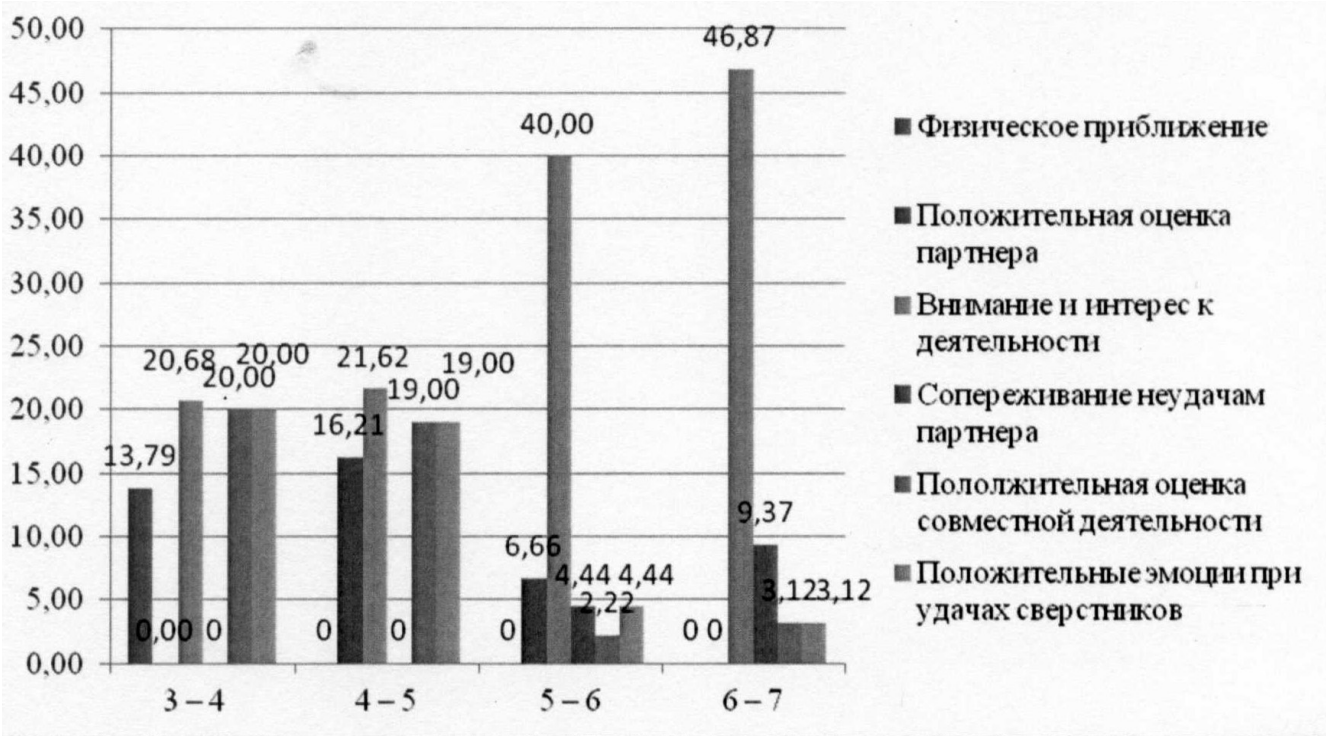

Рисунок 7 – **Взаимоотношения, способствующие совместной деятельности детей 3–7 лет, %.**

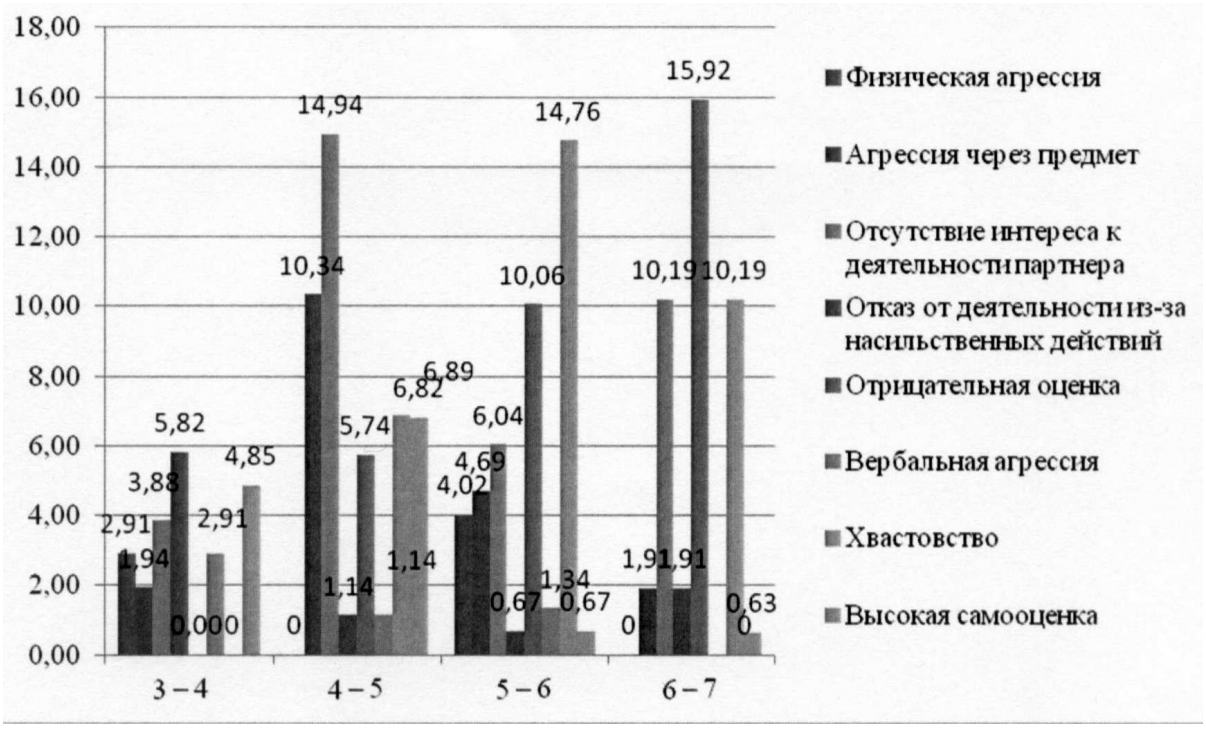

Рисунок 8 – **Взаимоотношения, препятствующие совместной деятельности детей 3–7 лет,** %

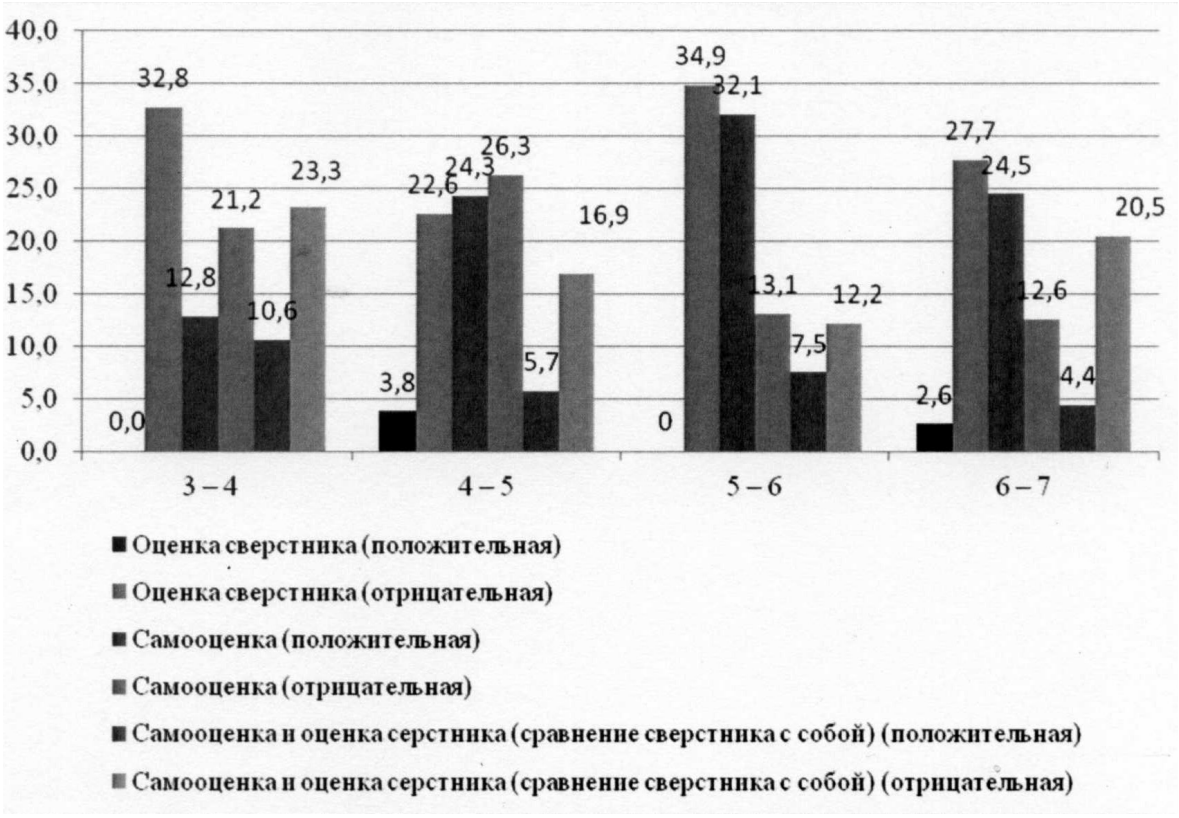

Рисунок 9 – **Отношение к сверстнику и к себе дошкольников 3–7 лет, %.**

Потребность в сотрудничестве со сверстником возникает у дошкольников в условиях ведущей игровой деятельности, в ходе которой дошкольник овладевает системой человеческих взаимоотношений, воспроизводя их в совместной игре с ровесником. В игре эти взаимоотношения определяются и регламентируются либо ролью, либо правилами, и она, по принятии их, протекает сравнительно бесконфликтно.

Но в этих условиях продолжается овладение ребенком и предметно-практической сферой, которое по-прежнему должно осуществляться им в контактах со взрослым человеком. Те способы деятельности, которыми ребенок овладевает в общении со взрослым, он воспроизводит (отрабатывает) в общении со сверстником, как бы апробируя их в системе социальных отношений, в действительной жизни. Сверстник при этом выступает соучастником этой «отработки». Он, не сознавая того, должен утвердить правильность этих действий либо побудить внести в них коррективы. Это возможно именно в совместной предметно-практической деятельности со сверстником. И так как это стремление обнаруживают все или почти все дети, возникает возможность для конфликтов.

Заключение. Все проблемы сотрудничества детей в разных возрастных периодах как дошкольного, так и школьного возраста «тянутся» из своевременно нереализованной ситуативно-деловой формы общения (1,5–3 года) и ярче всего проявляются у тех детей, которые в полной мере ею не овладели. У них наблюдается искажение когнитивной оценки себя и другого, неадекватное и аффективное отношение к себе и партнеру по общению, что естественно затрудняет решение задачи в совместной деятельности. Пути преодоления лежат в полноценном удовлетворении ведущих потребностей дошкольника в разные возрастные периоды дошкольного детства в условиях ведущей для них формы общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисина, М.И. Формирование личности ребенка в общении / М.И. Лисина // Психолого-педагогические проблемы становления личности и индивидуальности в детском возрасте. – М., 1980.
2. Абраменкова, В.В. Совместная деятельность дошкольников как условие гуманного отношения к сверстникам / В.В. Абраменкова // Вопросы психологии. – 1980. – № 5. – С. 60–70.
3. Артемова, Л.В. Динамика содержательности общения детей с 3-х до 7 лет в игровых группах / Л.В. Артемова // Новые исследования в психологии. – 1986. – № 2(35). – С. 49–54.
4. Коломинский, Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах / Я.Л. Коломинский. – Минск: Изд-во БГУ, 1976.
5. Елагина, М.Г. Возникновение активной речи в процессе сотрудничества со взрослым у детей раннего возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук / М.Г. Елагина. – М.: АПН СССР НИИ общей и педагогической психологии, 1977.
6. Корницкая, С.В. Влияние содержания общения со взрослыми на отношение к нему ребенка: автореф. дис. ... канд. психол. наук / С.В. Корницкая. – М., 1975.
7. Лисина, М.И. Проблемы онтогенеза общения / М.И. Лисина. – М.: Педагогика, 1986.
8. Отношение между сверстниками в группе детского сада (опыт социально-психологического исследования) / под ред. Т.А. Репиной. – М.: Педагогика, 1978.
9. Смирнова, Р.А. Формирование избирательных привязанностей у детей дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Р.А. Смирнова. – М., 1981.
10. Якобсон, С.Г. Взаимоотношение детей в совместной деятельности / С.Г. Якобсон // Взаимоотношение детей в совместной деятельности и проблемы воспитания: сб. – М.: Педагогика, 1976.

Поступила в редакцию 10.07.2015 г.

УДК 159.922.8:159.942.25-053.67

Структурно-функциональная модель психологических условий преодоления страхов в юношеском возрасте

Кияшко Д.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Вопрос о преодолении страхов возникает в связи с пониманием амбивалентности этого явления и его роли в жизнедеятельности человека. С целью решения задачи определения внутриличностных условий возникновения ощущения опасности и предпосылок преодоления этого переживания было осуществлено изучение связей страха с разными свойствами и состояниями личности, связанными с системой относительно сознательной саморегуляции и самоуправления.

Цель статьи – изучение условий преодоления страхов личности в юношеском возрасте.

Материал и методы. *Пакет психодиагностического инструментария составили следующие методики: опросник Л.М. Грошевой «Социальные страхи», «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной (МТЖЦ), методика «Способность к самоуправлению» Н.М. Пейсахова, опросник «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинда. На основании результатов математической обработки полученных данных (с помощью методов факторного и регрессионного анализа) была построена структурно-функциональная модель преодоления страхов.*

Результаты и их обсуждение. *В результате проведенного исследования построена структурно-функциональная модель преодоления страхов. Построение первоначальной модели происходило в несколько этапов: 1) определение системообразующего страха и иерархии системообразующих страхов личности в юношеском возрасте; 2) установление коррелятов системообразующего страха; 3) расчет факторных нагрузок для построения иерархии системообразующих факторов среди коррелятов страха. Дальнейшее исследование заключалось в использовании дополнительных методов (множественной линейной регрессии) с целью подтвердить и расширить построенную модель ранее неучтенными факторами. На основании результатов построения уравнения регрессии, а также иерархии независимых переменных по их системообразующей функции дана характеристика лиц юношеского возраста, склонных к переживанию социальных страхов, и намечены пути их поддержки и сопровождения в процессе преодоления страхов.*

Заключение. *Понимание личностных предпосылок к переживанию страхов позволяет учесть факторы, актуализация которых наиболее эффективно повлияет на процесс снижения переживания страхов и позволит обеспечить организацию условий запуска самопроизвольного процесса саморегуляции юношей и девушек в достижении эмоциональной стабильности.*

Ключевые слова: *страх, социальный страх, жизненные ценности, этапы самоуправления, локус субъективного контроля, структурно-функциональная модель, факторный, регрессионный анализ.*

Structural and Functional Model of Psychological Conditions for Overcoming Adolescent Fears

Kiyashko D.Yu.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The issue of fear overcoming arises in connection with the understanding of the ambivalence of this phenomenon and its role in human life. To solve the task of identification of inner personality conditions for emergence of the feeling of fear and preconditions for overcoming this emotion we studied connections of fear with different personality features and states, which are linked with the system of relatively conscious self-control and self-regulation.

The aim of the article is analysis of the study of conditions for overcoming adolescent personality.

Material and methods. *A set of psychodiagnostic tools was made up by the following methods: L.M. Grosheva's "Social fears" questionnaire, V.F. Sopov's, L.V. Karpushina's "Morphological life value test (MLVT)", N.M. Peisakhov's method "Self-control Ability", E.F. Bazhin's, E.A. Golynkina's, L.M. Etkind's questionnaire "Subjective Control Level". On the basis of mathematical processing of the obtained data (the methods of factor and regressive analysis) the structural and functional model of overcoming fears was built up.*

Findings and their discussion. *In the course of the dissertation research the structural and functional model of overcoming fears was built up. The preliminary model was built up in several stages: 1) identification of a system building fear and the hierarchy of system building adolescent personality fears; 2) identification of the system building fear correlations; 3) calculation of factor loads for building up the hierarchy of system building factors among the fear correlations. Further research continued by using additional methods (multiple linear regression) aiming at confirmation and expansion of the built model with earlier non-considered factors. On the basis of the results of building the regression equation as well as the hierarchy of independent variables according to their system building functions, a characteristic of adolescents, who tend to have social fears, is given; and ways of their support and accompaniment in the process of overcoming fears are shaped.*

Conclusion. *Understanding personality preconditions to feeling fears makes it possible to consider factors, actualization of which most effectively influences the process of reduction of feeling fears and makes it possible to provide conditions for starting a self initiating process of adolescents' self-regulation in achieving emotional stability.*

Key words: *fear, social fear, life values, self-control stages, subjective control locus, structural and functional model, factorial, regressive analysis.*

Учитывая значимость социального фактора в жизни человека, ученые говорят о разграничении биологического и социального страха, обращая внимание на инстинктивно-рефлекторный характер первого и социальную, а также индивидуально-психологическую опосредованность и обусловленность второго. Если биологический страх связан с сохранением жизни как биологического существования, то социальный страх защищает человека от «социальной смерти», стоя на страже целостности личности и индивидуальности.

Вопрос о преодолении страхов возникает в связи с пониманием амбивалентности этого явления и его роли в жизнедеятельности человека. Как проявление механизма самосохранения страх может выполнять важную жизнесохраняющую функцию, но может также приносить вред в той мере, в которой страх не соответствует действительности, искажает ее или препятствует процессам самореализации, парализуя механизмы саморегуляции и самоуправления.

Так же, как биологический страх может парализовать человека настолько, что спасти свою жизнь становится невозможным, и социальный страх, блокируя здоровую поисковую активность, лежащую в основе развития человека, может усложнить или даже сделать невозможной духовно-социальную жизнь человека.

Отсутствие способности преодолеть возникший страх, чтобы реализовать намеченную деятельность, приводит к неустойчивости поведения человека, возникновению деструктивных для личности процессов. Закрепление такого опыта (собственного или родового) выражается в развитии соответствующего свойства личности – тревожности, когда человек склонен переоценивать реальную опасность. А точнее сказать – когда даже незначительные воздействия окружающей среды начинают представлять вполне реальную опасность для устойчивости и целостности личности.

Для задачи определения внутриличностных условий возникновения ощущения опасности и предпосылок преодоления этого переживания в рамках исследования было осуществлено изучение связей страха с разными свойствами и состояниями личности, связанными с системой саморегуляции и самоуправления [1]. В статье представлены результаты дальнейшего исследования этой проблемы.

Целью статьи является изучение условий преодоления страхов личности в юношеском возрасте.

Материал и методы. Эмпирическое исследование для защиты квалификационной работы проводилось в 2012 году на базе Киевского университета имени Бориса Гринченко при участии 134 респондентов в возрасте от 17 до 22 лет.

Пакет психодиагностического инструментария составили следующие методики: опросник Л.М. Грошевой «Социальные страхи», «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной (МТЖЦ), методика «Способность к самоуправлению» Н.М. Пейсахова, опросник «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинда.

На основании результатов математической обработки полученных данных (с помощью методов факторного и регрессионного анализа) была построена структурно-функциональная модель преодоления страхов.

Результаты и их обсуждение. Построение первоначальной модели происходило в несколько этапов: 1) определение системообразующего страха и иерархии системообразующих страхов личности в юношеском возрасте; 2) установление коррелятов системообразующего страха; 3) расчет факторных нагрузок для построения иерархии системообразующих факторов среди коррелятов страха.

С помощью построения матрицы корреляций и расчета факторных нагрузок определен системообразующий фактор-страх в системе социальных страхов личности в юношеском возрасте. Этим фактором является страх неприятия и подавления (Q = 0,59).

Нахождение системообразующего фактора играет важную роль в познании всей системы. Определение страха неприятия и подавления системообразующим среди других социальных страхов позволяет глубже понять особенности проявления всех социальных опасений юношей и девушек. Согласно полученным результатам, все виды страха так или иначе будут связаны с главным

фактором. Так, боязнь неудачи, общения, как и страх взять на себя ответственность или потерять нечто ценное, связана с боязнью быть непринятым, осужденным или отторгнутым ближайшим окружением, как ячейки, ядра всех страхов личности в юношеском возрасте. Изучение каждого отдельного страха, эмоциональной нестабильности, неуверенности, связанной с тревожностью, с точки зрения этого страха, позволит наиболее эффективно достичь состояния эмоционального равновесия.

Среди функций системообразующего фактора можно выделить следующие: при выходе системы из равновесия, то есть в ситуации возможной или действительной социальной угрозы, опасности, первыми у юношей и девушек «включатся» страхи, связанные с неприятием и подавлением личности со стороны социального окружения; для достижения равновесия, эмоциональной стабильности личности, прежде всего, следует снижать показатели именно этого страха, поскольку уменьшение боязни критики, конфликтов, отказа автоматически снизит показатели всех других социальных страхов и система быстрее придет в равновесие.

Для того чтобы определить последовательность проявления наиболее значимых для личности страхов, построена иерархия системообразующих факторов среди социальных страхов. Такая иерархия показывает рейтинг социальных страхов личности по их значимости в юношеском возрасте: 1) страх неприятия и подавления (Q = 0,59); 2) страх неудачи и поражения (Q = 0,55); 3) страх самостоятельности (ответственности) (Q = 0,47); 4) страх коммуникации; 5) страх потери.

Иерархия системообразующих факторов, в отличие от сравнения средних показателей проявления исследуемых параметров, дает информацию не о значимости этого параметра для личности в его изолированном проявлении, а о его значимости как системной единицы. Согласно полученным результатам, к примеру, видно, что страх потери, который имеет самый высокий среднегрупповой уровень проявления всех социальных страхов, в системе по своей значимости занимает самую низкую ступень, то есть может иметь наименьшую силу влияния на всю систему страхов. Другими словами, снижение показателей этого страха меньше всего повлияет на проявление других социальных страхов личности.

Полученные данные позволяют определить наиболее эффективные коррекционные воздействия на проявление социальных страхов личности в юношеском возрасте.

Согласно результатам корреляционного анализа были установлены связи со всеми параметрами, оцениваемые с помощью выбранных методик. Хотя обнаруженные связи по силе невысокие, удалось установить, что страх неприятия и подавления имеет линейную взаимосвязь с ценностями собственного престижа ($r = 0,32$, $p \le 0,01$), активными социальными контактами ($r = 0,24$, $p \le 0,01$), способностью к саморегуляции ($r = -0,20$, $p \le 0,05$), этапами принятия решения ($r = -0,23$, $p \le 0,01$) и коррекции ($r = -0,25$, $p \le 0,01$) процесса саморегуляции, а также общей интернальностью ($r = -0,23$, $p \le 0,01$).

Если же эти структуры и свойства личности рассматривать в системе условий преодоления страхов в юношеском возрасте, то следующей задачей является определение системообразующего фактора этой системы, а также установление иерархии системообразующих факторов аналогично предыдущим расчетам.

Таким образом, для решения этой задачи были выбраны следующие шкалы: «Собственный престиж» (МТЖЦ), «Активные социальные контакты» (МТЖЦ), «Принятие решений» («Способность к самоуправлению»), «Коррекция» («Способность к самоуправлению»), «Общая интернальность» («Уровень субъективного контроля»).

Построив матрицу корреляций и рассчитав факторные нагрузки, было обнаружено, что системообразующим фактором является параметр «Общая интернальность» (Q = 0,47), то есть сферой, которая имеет наибольшее значение в обеспечении исследуемых психологических условий преодоления страхов в юношеском возрасте, является сфера локуса субъективного контроля.

Согласно результатам расчетов системообразующие факторы расположились в таком порядке: второе место в иерархии системообразующих факторов занимает ценность собственного престижа (Q = 0,35), третье – этап принятия решения процесса саморегуляции (Q = 0,32), четвертое – этап коррекции процесса саморегуляции, пятое – ценность активных социальных контактов.

Полученные результаты позволили построить структурно-функциональную модель психологических условий преодоления страхов (рисунок 1).

Согласно полученной модели в обеспечении условий преодоления страхов наибольшую роль будет играть повышение интернальности локуса субъективного контроля у лиц юношеского возраста (учитывая, что связь обратная). Так, повышение уровня интернальности означает повышение собственных возможностей возлагать ответственность за события своей жизни, действительные и возможные успехи и неудачи на себя. Личность, таким образом, становится готовой «посмотреть страху в лицо», что, согласно механизмам регуляции эмоций, действительно будет снижать переживания страхов.

Так как построенная структурно-функциональная модель включает также иерархию системообразующих факторов, это позволяет

определить последовательность актуализации личностных подсистем в состоянии эмоциональной нестабильности при активации системообразующего фактора. Иными словами, развивающее или коррекционное действие, которое вызовет самые эффективные изменения в обеспечении психологических условий преодоления страхов в юношеском возрасте, будет заключаться в актуализации интернального типа возложения ответственности. Будучи системообразующим фактором, этот компонент системы саморегуляции осуществит запуск самопроизвольного цикла всех следующих факторов системы: ценности собственного престижа, способности к принятию решений, способности к коррекции поведения, ценности активных социальных контактов. Причем этот цикл автоматически повторится на каждом новом этапе саморегуляции при условии поддержания на должном уровне показателей системообразующего фактора.

Хотя корреляция прямо не указывает на причинную связь, она может служить подтверждением теоретических положений о причинности явлений, а также привлекать внимание к отдельным вопросам и дополнительным исследованиям. На ее основе можно формулировать гипотезы, проверяемые эмпирически или с использованием других методов.

Таким образом, результаты дальнейших исследований были связаны с подтверждением полученных данных и сделанных выводов, а также с расширением структурно-функциональной модели с помощью метода множественной линейной регрессии. Это позволило не только подтвердить сделанные прежде выводы, но и дополнить структурно-функциональную модель важными факторами, которые не были учтены на предыдущем этапе.

Известно, что качество прогноза существенно зависит от правильного выбора прогностических признаков. Поэтому важно, чтобы в уравнение регрессии вошли только те прогностические признаки, которые оказывают существенное влияние на величину объясняемой дисперсии. Для реализации этой цели был использован алгоритм пошаговой регрессии, который объединял методы исключения и включения прогностических признаков. Вначале применялся метод исключения, т.е. строилось уравнение множественной регрессии, включающее все прогностические переменные, и подсчитывался его коэффициент детерминации. Из этого полного уравнения последовательно удалялись по одному прогностическому признаку, при этом каждый раз контролировалось качество прогноза в виде коэффициентов корреляции. В процессе вычислительной процедуры параллельно использовался и метод включения, который работает в противоположном направлении. То есть, в уравнение последовательно включались по одному из оставшихся прогностических признаков и на каждом шаге заново вычислялся коэффициент корреляции. Вычисления закончились, когда исключение незначимых и включение новых прогностических признаков не приводило к существенному улучшению качества прогноза.

Процедура пошагового регрессионного анализа была осуществлена с использованием программы SPSS Statistics версии 23 для персональных компьютеров. Полученное уравнение прогноза представлено в таблице 1.

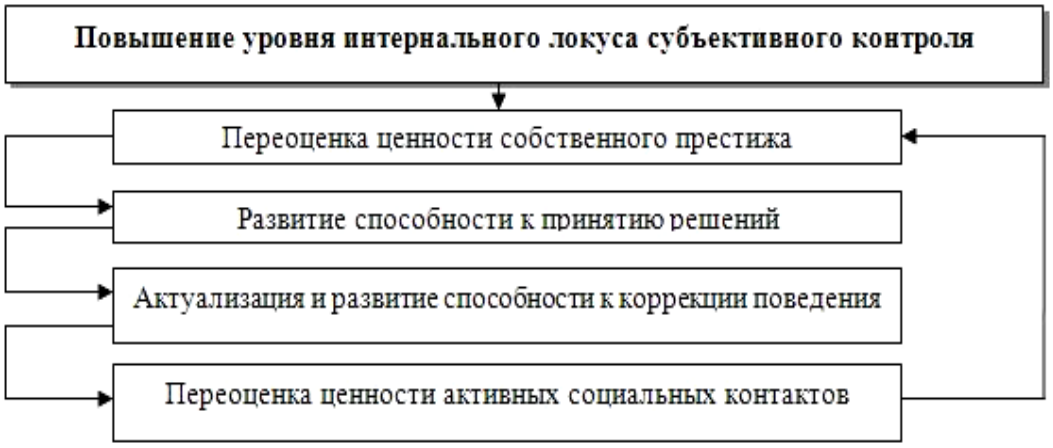

Рисунок 1 – **Структурно-функциональная модель психологических условий преодоления страхов в юношеском возрасте.**

Таблица 1 – **Коэффициент множественной корреляции (R) и уравнение регрессии для прогноза склонности к переживанию страха непринятия и подавления в юношеском возрасте**

R	Уравнение регрессии
0,57	0,109Цск+0,262Цп+0,275Псс+0,202Пр-0,189Ппр-0,141Кр-0,45Ио+0,183Ид +0,356Ин

Эффективность уравнения прогноза оценивается по величине коэффициента множественной корреляции. Полезным принято считать уравнение, если R > 0,5. При этом важно учитывать, что данное уравнение регрессии объясняет только около 32% (R2 = 0,322) исходной дисперсии оценок. 71% дисперсии объясняется другими причинами, возможно психодинамическими свойствами, социокультурными условиями, другими личностными особенностями и т.п.

Уравнение регрессии включает в качестве независимых переменных 9 переменных, т.е. из всех исследуемых параметров значимое влияние на уровень страха непринятия и подавления оказывают следующие 9 показателей (названия приведены в соответствии с названиями шкал использованных методик): «Ценность социальных контактов» (Цп), «Ценность собственного престижа» (Цп), «Психосоциальный стресс» (Псс), «Способность к прогнозированию» (Пр), «Способность к принятию решений» (Прр), «Способность к коррекции поведения» (Кр), «Общая интернальность» (Ио), «Интернальность в области достижений» (Ид), «Интернальность в области неудач» (Ин). Причем влияние трех факторов – «Способность к принятию решений», «Способность к коррекции поведения», «Общая интернальность» – отрицательно. С ростом этих параметров уровень переживания страхов снижается.

Таким образом, по результатам расчетов видно, что в уравнение вошли пять факторов, которые составили предыдущую структурно-функциональную модель и четыре новых признака, что позволило решить одну из главных задач в построении уравнения прогноза – расширение модели факторами, которые по разным причинам были отсеяны на предыдущем этапе исследования, но тем не менее заметно влияют на переживание страхов в юношеском возрасте. Среди таких факторов оказались способность к прогнозированию, интернальность в сфере достижений и неудач, психосоциальный стресс.

Для расширенной структурно-функциональной модели произведены расчеты факторных нагрузок для 9 факторов, в результате которых подтверждено влияние интернальности как системообразующего условия снижения переживания страхов, что свидетельствует о достоверности результатов предыдущего этапа исследования. Системообразующие факторы расположились в следующем порядке: первое место – «Общая интернальность» (Q = 0,59), второе место – «Интернальность в области неудач» (Q = 0,52), третье место – «Способность к принятию решений» (Q = 0,46), четвертое место – «Психосоциальный стресс» (Q = 0,42), пятое место – «Способность к прогнозированию» (Q = 0,37), шестое место – «Ценность собственного престижа» (Q = 0,34), седьмое место – «Интернальность в области достижений» (Q = 0,35), восьмое место – «Способность к коррекции поведения» (Q = 0,26), девятое место – «Ценность активных социальных контактов» (Q = 0,14).

Результаты дополнительных исследований позволяют констатировать, что интернальный тип возложения ответственности является важнейшим психологическим условием преодоления страхов личности в юношеском возрасте. Причем, согласно полученным данным, это свойство личности приобретает особые характеристики. Так, при высоком *отрицательном* влиянии общей интернальности на переживание страхов (с ее повышением уровень переживания страхов снижается), ее составляющие, такие как интернальность в области достижений и неудач, оказывают положительное действие – с их повышением уровень страхов также повышается. (В процессе промежуточных расчетов при построении уравнения множественной регрессии было обнаружено, что *положительное* воздействие оказывают только эти 2 сферы интернального локуса контроля, остальные сферы влияют на страх отрицательно.) Другими словами, люди, которые считают, что они сами добились всего того хорошего, что было и есть в их жизни, и что они способны с успехом преследовать свои цели в будущем, а также сами виноваты во всех своих неудачах, будут более подвержены страхам, чем те, которые склонны более адекватно приписывать себе успехи и неудачи за эмоционально положительные и отрицательные события и ситуации.

Причем (согласно иерархии системообразующих факторов) повышение общей интернальности первым запускает снижение интернальности в области неудач. Т.е. при повышении интернальности в целом (а также во всех других сферах жизни), когда человек начинает больше ощущать себя субъектом своей жизни, чувство ответственности за собственные неудачи снижается. Такая же ситуация с интернальностью в области достижений (хоть она и занимает менее значимое место в иерархии факторов) – при повышении способности контролировать события своей жизни в разных сферах склонность приписывать только себе и своей активности достижения снижается.

Расширение сферы ответственности на все сферы жизни снижает склонность человека чрезмерно контролировать результаты своей деятельности, видеть себя единственной причиной как позитивных, так и негативных результатов, что и снижает степень встревоженности. Такая наполненность интернальности позволяет ввести рабо-

чее понятие адекватного типа возложении ответственности или «адекватной ответственности». Неадекватность в проявлении ответственности в данном случае может быть связана с большей ориентацией на результат, чем на процесс, а также склонностью главной причиной получения или неполучения этого результата считать себя, не учитывая множество других факторов. Такой взгляд может приводить к излишним переживаниям за неудачи, самообвинению, боязни действовать в будущем в похожих ситуациях. Если страх связан с отсутствием возможности справиться с надвигающимися событиями (другими словами – с неспособностью достойно *дать ответ* этим событиям – удержать ответственность), то излишняя интернальность в области достижений и неудач и подразумевает возложение на себя ответственности большей, чем человек может удержать, что и является источником тревожного предвосхищения любых последствий этих событий. Выявленные закономерности позволяют сформулировать гипотезы для дальнейших исследований с целью наполнения понятия адекватной ответственности теоретическим и эмпирическим содержанием.

Следующей ступенью в иерархии системообразующих факторов является «Способность к принятию решений», его повышение способствует снижению страха. Этот этап процесса саморегуляции связан со многими различными опасениями личности, особенно в сфере социальных контактов. Для актуализации этой способности необходимо повышать решимость юношей и девушек, способность перейти от плана к действиям, что подразумевает сочетание смелости и осмотрительности в попытках найти оптимальное решение. В контексте страха неприятия и подавления отдельным вопросом является стремление к совершенству в процессе принятия решений, которое мешает личности вовремя реализовать конкретное дело, а также адекватно оценить будущие результаты деятельности и спокойно воспринять ее оценку другими. Это стремление приводит также к тому, что когда человек, наконец, решается на активные действия, то оказывается, что до этого момента все изменилось настолько сильно, что любое, даже очень хорошо подготовленное решение теряет всякий смысл.

Следующей ступенью является фактор «Психосоциальный стресс». Переживание социальных страхов характерно также для лиц, находящихся в психосоциальном стрессе или склонных к этому состоянию. Физическое и психическое истощение, излишние беспокойства и переживания, нервное напряжение связаны с уровнем переживания страха непринятия и подавления. На такой характер взаимосвязи психосоциального стресса и страха указывает высокий положительный коэффициент регрессии при факторе (0,321).

Пятой ступенью в иерархии системообразующих факторов является «Способность к прогнозированию». В процессе промежуточных вычислений было обнаружено, что общая способность к самоуправлению (в которой способность к принятию решений, прогнозированию, коррекции поведения являются одними из шкал) оказывает *положительное* влияние на переживание страхов. Методом исключения определено, что такое влияние осуществляет только один из этапов самоуправления – прогнозирование. Другие этапы процесса (в частности, способность к принятию решений и коррекции) самоуправления оказывают *отрицательное* влияние. Это означает, что прогнозирование как попытка заглянуть в будущее, предсказать ход событий или желаемые действия связано с ростом страхов в юношеском возрасте. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не столько о прогнозировании как свойстве мышления, сколько о способности и склонности формировать модель-прогноз на основе текущего анализа прошлого и настоящего в системе *актуальных* взглядов человека на данном жизненном этапе, в существующей системе саморегуляции. Соответственно, говоря о снижении уровня прогнозирования с целью снижения уровня переживания страхов, имеется в виду, в первую очередь, отказ от прогностических оценок ситуации именно в сложившихся взглядах на эту ситуацию, который подразумевает пересмотр своих представлений для составления другого (предположительно, более реалистичного) прогноза. Или же перенос процесса прогнозирования во времени до наличия более устойчивого и менее тревожного состояния.

Оценивание социального признания, уважения, одобрения со стороны других, что также является сутью системообразующего страха неприятия и подавления, важным фактором в снижении уровня страха в стрессовой ситуации. Ценность собственного престижа, которая занимает шестое место в иерархии системообразующих факторов, имеет очевидную связь с ее влиянием на повышение встревоженности личности, а по результатам предыдущего исследования связана не только с проявлением социальных страхов, но и со всеми жизненными сферами личности. Переоценка этих ценностей может вызвать системные изменения во всех сферах жизни.

Последние две ступени иерархии системообразующих факторов, которые занимают коррекция как один из этапов саморегуляции, а также ценность активных социальных контактов, могут

осуществлять наименьшее влияние по сравнению со всеми исследуемыми параметрами. Изменение реальных действий, поведения, общения, переживаний, своевременное внесение изменений в свою активность (если результаты не удовлетворяют или свидетельствуют о разрыве между желаемым и действительным) будет обеспечивать соответствующее влияние на переживания, связанные со страхами.

Ценность активных социальных контактов, которая завершает полученную модель, заключается в стремлении к установлению открытых, приятных взаимоотношений с другими. Лиц, проявляющих высокие показатели по этому параметру, отличает уверенность в том, что самое ценное в жизни – это возможность взаимодействовать с другими, строить хорошие отношения, всегда быть социально активными. Эта ценность также может превращаться в зависимость человека от социального окружения, что, по-видимому, и оказывается в ее связи со страхами. Важность налаживать и поддерживать отношения может вызывать страх быть отвергнутым, непринятым окружением. Если ценность престижа связана с потребностью в постоянном одобрении, то ценность активных социальных контактов связана с потребностью избежать одиночества, отверженности другими. Это две стороны одной ярко выраженной ориентации на социальное окружение и зависимости от его отношения, если речь идет о страхах.

Как уже было отмечено, на новом этапе преодоления страхов и запуска системы саморегуляции описанный цикл автоматически повторится. Это будет происходить до тех пор, пока в достаточной степени актуализирован системообразующий фактор, то есть интернальный тип возложения ответственности.

Таким образом, результаты построения уравнения регрессии, а также иерархии независимых переменных по их системообразующей функции позволяют представить расширенную структурно-функциональную модель (рисунок 2), а также дать характеристику лиц юношеского возраста, склонных к переживанию социальных страхов. Такие студенты отличаются склонностью ощущать себя больше объектом воздействий других людей и обстоятельств на своем жизненном пути, чем субъектом жизнедеятельности. При этом юноши и девушки чувствительно и даже болезненно оценивают свой вклад в достижения и неудачи, ориентируясь на результат больше, чем на процесс. Обращая внимание в первую очередь на то, что является социально одобряемым, достойным, престижным, имея общественно направленные интересы, юноши или девушки склонны ощущать зависимость самооценки и хороших отношений с другими от конкретных социальных достижений и остро реагируют даже на мелкие неудачи, считая их результатом недостаточности приложенных усилий. При этом исправлять свое поведение, ошибки склонности не имеют, скорее всего, в силу наличия искаженных представлений об адекватной степени своей ответственности. Такой образ жизни связан с заметно повышенным нервно-психическим напряжением. Попытки прогнозирования событий в таком состоянии приводят к еще большему повышению страхов, затрудняют принятие решений, переход от планов к действиям становится проблематичным.

Необходимость преодоления страхов возникает тогда, когда для человека переживание страхов создает ощутимые трудности в продолжении намеченного, запланированного действия. При этом важно отметить, что человек всегда остается в первую очередь субъектом развития, а не является объектом каких-либо развивающих или коррекционных действий. Таким образом, развивающие действия могут быть направлены не на изменение человека, коррекцию его личностных свойств, а на создание необходимых условий для того, чтобы он мог самостоятельно совершать выборы в процессе своего самоопределения и самореализации. Лишь при таком подходе обнаруженные личностные предпосылки возникновения страхов можно рассматривать как психологические условия, причем в первую очередь для самого человека и только во вторую – для тех, кто оказывает ему поддержку и сопровождение. При таком подходе психологические условия преодоления страхов можно рассматривать как внутренние и внешние. Учитывая построенную структурно-функциональную модель, внешние условия, которые могут быть созданы для преодоления страха, прежде всего, связаны с предоставлением юношам и девушкам возможности самостоятельно совершать выборы и нести за них ответственность во всех сферах их жизнедеятельности.

Заключение. Структурно-функциональная модель является результатом изучения связи личностных свойств и состояний с уровнем переживания социальных страхов в юношеском возрасте. В результате исследования определена и подтверждена ведущая роль интернального типа возложения ответственности в процессе преодоления страхов, также выявлено 9 факторов, влияющих на уровень переживания страхов. Изучение характера влияния этих факторов позволило дать психологическую характеристику личности, склонной к переживанию страха непринятия и подавления как системообразующего страха в юношеском возрасте.

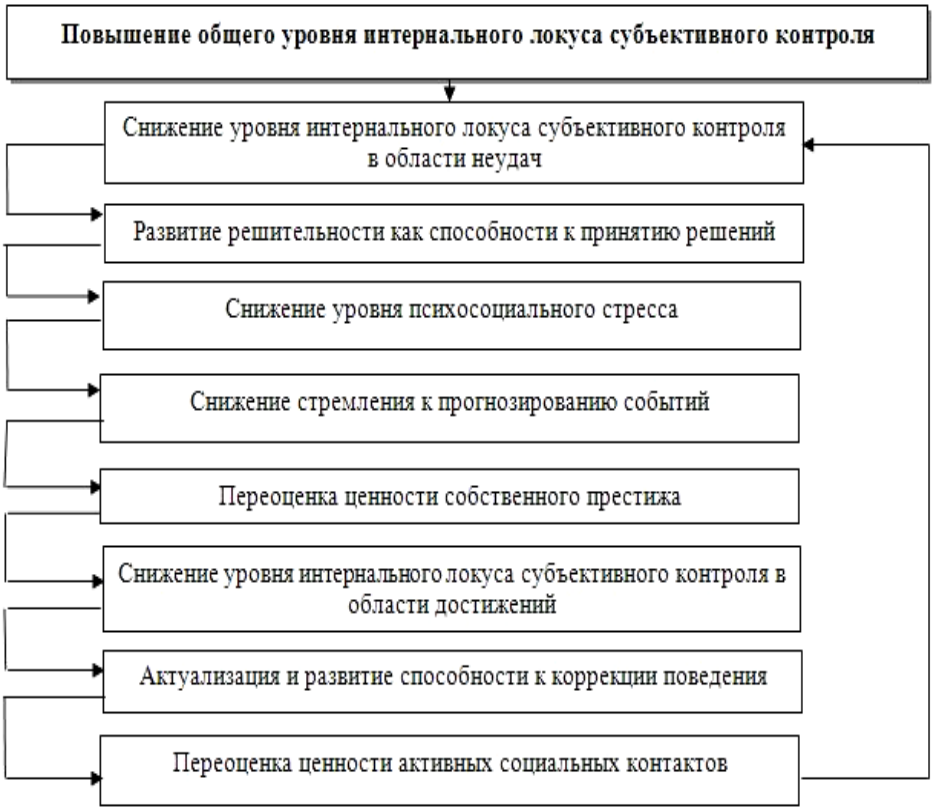

Рисунок 2 – **Расширенная структурно-функциональная модель психологических условий преодоления страхов в юношеском возрасте.**

Учитывая, что моделирование – это процесс последовательных приближений, то первоначальную модель можно назвать моделью в первом приближении, или основной схемой моделируемого объекта (внутриличностных предпосылок возникновения страхов как психологических условий их преодоления). Полученная схема является графически представленной моделью системы преодоления страхов, на которой в виде условных обозначений или изображений показаны составные части этой системы и связи между ними. Познавательная задача, которую позволила решить такая схема, заключалась в определении неких связанных параметров – элементов системы – и выяснении их скрытых системных функций. Благодаря последующим расчетам стало возможным получение модели «во втором приближении». Моделирование на этом этапе позволило определить процент теоретической полезности модели (опираясь на коэффициент детерминации уравнения регрессии, качество модели условно можно оценить в 32%), дополнить предыдущую схему 4 факторами, подтвердить высокую значимость фактора «Общая интернальность», а также уточнить его содержание (определение влияния интернальности в области достижений и неудач).

Практическая полезность полученных данных заключается в возможности разработки системы практических рекомендаций и экспериментальной программы психолого-педагогического сопровождения учебно-воспитательного процесса студентов при необходимости снижения у них уровня переживания страхов. Понимание личностных предпосылок к переживанию страхов позволяет учесть факторы, актуализация которых наиболее эффективно повлияет на процесс снижения переживания страхов и позволит обеспечить организацию условий запуска самопроизвольного процесса саморегуляции юношей и девушек в достижении эмоциональной стабильности.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в усовершенствовании полученной модели путем определения ранее не учтенных факторов, выяснения природы и эмпирических проявлений адекватного типа возложения ответственности, представления практической полезности построенной модели в форме конкретных приемов создания внешних психологических условий развития «адекватной ответственности» у студентов в условиях обучения как ведущего условия преодоления страхов в этом возрасте.

Поступила в редакцию 15.06.2016 г.

УДК 159.923.2-055.26:618.2

Терминологическое поле психологического феномена «образ будущего ребенка у беременной женщины»

Богомаз С.Л.,
Гучкова А.С.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются проблемы формирования образа будущего ребенка у беременной женщины, а также теоретическо-методологические подходы к пониманию категорий «образ» и «образ будущего ребенка» в различных психологических традициях.

Цель работы – методом научного психологического исследования теоретического уровня определить содержание терминологического поля феномена «образ будущего ребенка у беременной женщины» в различных психологических традициях.

***Материал и методы.** Материалом послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, касающиеся заявленной проблемы. Использованы методы научного психологического исследования теоретического уровня: философско-психологический анализ и синтез, моделирование и триангуляция.*

***Результаты и их обсуждение.** Раскрыты теоретические подходы к пониманию сущности «образ» и феномена «образ будущего ребенка у беременной женщины». Наиболее традиционный подход трактует образ как результат восприятия, который связан со всеми уровнями психического отражения человека (от элементарных до более сложных). Влияние на формирование образа будущего ребенка у беременной женщины оказывают биогенетические факторы, социокультурные. Происходит рассмотрение формирования образа будущего ребенка в совокупности с соматическими ощущениями беременной женщины и ее переживаниями.*

***Заключение.** Во многих психологических теориях понятие «образ» трактуется в рамках различных подходов. Исходя из этого вытекает, что еще нет единства и четкости в формировании подхода к определению данного понятия. Феномен формирования образа будущего ребенка у женщины имеет сложную структуру, в которую включены личностные, эмоциональные составляющие, соматический статус.*

***Ключевые слова:** «образ», «беременность», «ребенок», «образ будущего ребенка», «беременная женщина», «материнство».*

Terminology Field of the Psychological Phenomenon of a Pregnant Woman's Future Baby Image

Bogomaz S.L.,
Guchkova A.S.
Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Issues of shaping the image of a pregnant woman's future baby as well as theoretical and methodological approaches to understanding "the image" and "a future baby image" in different psychological traditions are considered in the article.

The purpose of the work is to identify the contents of the terminological field of the phenomenon of a pregnant woman's future baby image in different psychological traditions by means of scientific psychological study of the theoretical level.

***Material and methods.** The research material was works by prominent foreign and domestic psychologists on the stated issue. Methods of scientific psychological research of the theoretical level were used: philosophic and psychological analysis and synthesis, modeling and triangulation.*

***Findings and their discussion.** Theoretical approaches to understanding the essence of the image and the phenomenon of a pregnant woman's future baby image are revealed. A most traditional approach considers the image as the result of the perception which is connected with all the levels of psychic reflection of the human (from elementary to more complicated). Biogenetic and social and cultural factors influence the formation of the image of the future baby of a pregnant woman. Consideration of shaping the image of the future baby in combination with somatic feelings of the pregnant woman takes place.*

***Conclusion.** A lot of psychological theories interpret the essence of the image within different approaches. Consequently, there is still no unity and clarity in shaping the approach to the identification of the notion. The phenomenon of shaping the image of the future baby has a complex structure which includes personality and emotional components as well as the somatic status.*

***Key words:** image, pregnancy, baby, future baby image, pregnant woman, maternity.*

На сегодняшний день в Беларуси все чаще предметом исследования выступает анализ и изучение периода беременности, его психологические составляющие. Следует отметить мнение современных исследователей, которые, затрагивая вопросы роста патологии беременности и перинатального развития ребенка, отмечают факты, свидетельствующие об ограничении изучения беременности и родов рамками медицинского подхода, что делает невозможным решение проблемы формирования здорового поколения (Н.П. Коваленко, 1998; М.В. Трунов, Л.М. Китаев, 1993; Ю.И. Шмурак, 1999; А.В. Степаносова, 2004; Г.Г. Филиппова, 2001; С.Ю. Мещерякова, 2000).

Особое внимание современных исследователей направлено на изучение перцептивных процессов, сопровождающих беременность, в связи с социально-политическими и научно-техническими преобразованиями в современном обществе, ведущими к разрушению традиционных стереотипов восприятия женщины, ребенка и родительства как социокультурного феномена.

Таким образом, отметим, что актуальность исследования перцептивных феноменов периода беременности, а также результаты могут быть полезны в поиске путей выхода из критической ситуации в области материнства и деторождения в Беларуси.

Современные ученые отмечают, что формирование образа будущего ребенка у женщины начинается задолго до наступления первой беременности и продолжается на протяжении всего периода ожидания дитя (Д. Пайнз, 1997; Г.Г. Филиппова, 1999; S. Lebovisi, 1988; В.И. Брутмана, 1996; Е.В. Могилевская, 2006).

Цель статьи – определить содержание терминологического поля феномена «образ будущего ребенка у беременной женщины» в различных психологических традициях.

Материал и методы. Материалом послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, касающиеся заявленной проблемы. Использованы методы научного психологического исследования теоретического уровня: философско-психологический анализ и синтез, моделирование и триангуляция. Методы применялись в системе, но выбор каждого из них определялся возможностью метода устанавливать причинную связь, выявлять внутреннюю структуру, движущие силы развития предметов, процессов, а также его способностью выступать во взаимосвязи с другими методами. Сравнение и обобщение, в том числе обработка и интерпретация библиографического списка, представленного в научной электронной библиотеке диссертаций и авторефератов Российской Федерации (DisserCat – электронная библиотека диссертаций).

Результаты и их обсуждение. Проблема образа сформировалась давно и является одной из ключевых областей исследования психологической науки. Различные области научного знания (философия, социология, а также и психология) старались объяснить данный феномен психического отражения. Таким образом, по мнению ряда авторов, можно отметить, что до сих пор не существует завершенной теории психического образа и, следовательно, общепризнанного определения самого понятия «образ» нет.

Рассмотрим причины, по которым образ, будучи одним из фундаментальных проявлений психического, все еще остается труднодоступным для конкретного, в частности, психологического научного изучения [1; 2].

В любой традиционной культуре выделяется мощный пласт, который можно назвать культурой перинатального периода – это совокупность мировоззренческих идей, взглядов общества на процессы планирования семьи, беременности и рождения ребенка, выражающихся в обычаях и традициях. Культурные традиции имеют свои особенности у всех народов, но можно выделить общие черты. Во-первых, их особое значение связано с рождением нового человека и, во-вторых, включенность перинатального периода в общий контекст социальной жизни.

Сегодня некоторые авторы говорят о разрушении перинатального слоя в современной культуре цивилизованных стран. Отмечается монополизация перинатального периода медицинской сферой, где беременность рассматривается как процесс, идущий на грани с патологией, рождение ребенка выступает в качестве операции, требующей не поддерживающего окружения семьи, а обязательно медицинского вмешательства в условиях стационара. Медицина предлагает и соответствующие способы репродуктивного поведения – «идеальные», с точки зрения врача, действия беременной женщины; беспрекословное следование рекомендациям врача и отсутствие излишней инициативы. По сути, внушаемая роль пациентки практически парализует творческую активность женщины.

Соответственно, оторванность процессов, связанных с рождением ребенка, от общего контекста современного общества, сведение к минимуму возможности участия в этих процессах членов семьи и самой матери ведут к дефициту культуросообразных форм действий женщин и затрудняют осуществление ими беременности как деятельности. Итак, материнство понимается нами как вид социально значимой деятельности. Личностная специфика периода беременности как важной составляющей материнства связана с особенностями предмета деятельности бере-

менной женщины, а именно – с формированием и развитием внутриутробного ребенка и подготовкой его к рождению.

Беременность имеет полимотивированный характер и реализуется женщиной как деятельность в том случае, если именно ведущий, смыслообразующий мотив ее действий соответствует социокультурному значению беременности. Поэтому образ будущего ребенка у беременной женщины выступает одновременно в качестве результата и регулятора материнской деятельности женщины [3; 4].

Необходимо отметить, что сложности, которые возникают при исследовании проблемы, связаны с двойственной природой психического образа. «Является ли образ натуральной или культурно-исторической данностью, каким законам подчиняется его существование?» – задает закономерный вопрос В.А. Шкуратов [5].

В качестве результата отражения свойств предметов, возникающего при непосредственном воздействии раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств, образ является центральным элементом чувственного познания. В этом смысле образ – продукт телесного опыта человека. В то же время материал восприятия семиотизируется культурой, которая накладывает свою меру на чувственность, превращая воспринимаемое в символы и знаки [6; 7].

Таким образом, имея двойственную природу, находясь между двумя полюсами бытия человека – чувственно-телесным и культурным, образ в равной степени стремится приблизиться к каждому из них. Рождение образа происходит на пересечении разнонаправленных тенденций: переход натуральной чувственности в культурную, семиотизация восприятия и постоянное «воспроизводство и расширение чувственного опыта человека в быту, познании, труде, всех без исключения сферах его деятельности.

Необходимо отметить, что указанная динамика содержания образа усложняет определение его как самостоятельной единицы сознания, подлежащей научному анализу. Подтверждение этому можно найти в огромном спектре определений понятия «образ», которые предлагаются различными исследователями.

Анализ литературы показывает, что расхождения в трактовке касаются, прежде всего, отнесенности образа к определенным уровням психического отражения. Наряду с традиционным подходом, рассматривающим образ как результат восприятия, существуют точки зрения, связывающие образ практически со всеми уровнями психического отражения человека: от элементарных до наиболее сложных. Примером подобного определения образа может служить следующее: «Образами являются ощущения, восприятия, представления, на уровне мышления – понятия, концепции, теории» [2; 8].

Отсутствие ясности в отнесенности образа к определенным уровням отражения усложняет задачу различения образов и других форм психического отражения. Так, исследователь А.В. Запорожец считает, что, согласно принятым в нашей психологии взглядам, под образом в широком смысле слова следует понимать не только конкретные, но и общие представления, а также абстрактные понятия [2].

Для определения места и значения категории образа в системе научных понятий необходимо выявление границ образа как формы психического отражения. Располагаясь между двумя полюсами бытия человека (телесно-чувственным и культурным), образ начинается там, где имеет место переход от отражения отдельных свойств предметов посредством ощущений к целостному восприятию.

В образе сенсорные модальности все более «обезличиваются». Но это не обезличивание знака, сенсорные модальности не кодируют реальность, а несут ее в себе. По мнению В.А. Шкуратова, образ идеален, однако не является абстрактным элементом информационной системы, его нельзя типизировать и стандартизировать настолько, чтобы совсем оторвать от породившего образ события. Следовательно, в своем отношении к оригиналу образ не доходит до отчужденности знака, так как «впечатан» в индивида, в его отношения, сознание, бессознательность и телесность [5].

Отметим, что различение образа и других форм отражения происходит, с одной стороны, на уровне ощущений, с другой – мышления. В то же время граница между образами и представлениями остается недостаточно ясной. Взгляды исследователей на соотношение понятий «образ» и «представление» можно отразить в трех подходах:

1. Понятие «образ» и «представление» не разводятся и используются в качестве синонимов.

2. «Образ» и «представление» рассматриваются как различные формы отражения действительности. При этом представлениям выделяется промежуточное положение между чувственными образами и понятиями.

3. Понятие «образ» трактуется шире, чем «представление». Представления здесь выступают в качестве высшей ступени чувственных образов, которая возникает на основе их припоминания или же воображения. Представление выступает как обобщенный, часто собирательный образ. Образы-представления характеризуются большей степенью произвольности – по сравнению с чувственными образами. Представления могут выступать в качестве результата процесса представле-

ния, а именно: преднамеренного, произвольного создания образа и мысленного манипулирования им при решении различного рода задач. Отмечается, что образы-представления обладают «синекдехичностью», то есть способностью отражать характерные черты целостного объекта.

В сегодняшнем обществе происходит доминирование ценностей индивидуальной свободы, которое ведет к модификации репродуктивного поведения как такового. Ситуация, когда современные контрацептивные средства превращают рождение ребенка в акт свободного выбора, общество предоставляет женщине альтернативу потребности иметь детей, способствует формированию нового типа репродуктивного поведения, а именно, осознанного репродуктивного поведения, требующего от личности большей зрелости и более высокого уровня рефлексивности. Значительное число женщин не воспринимает сегодня деторождение как исключительно брачный атрибут [2; 9]. Материнство для них – самостоятельная экзистенциальная ценность. Отметим, что отличительной чертой материнской деятельности на современном этапе является осознание беременности и материнства как самоценного элемента жизнедеятельности и самоосуществления личности женщины.

Научно-технические и социально-политические изменения в белорусском обществе оказывают влияние и на предлагаемые современной культурой формы реализации беременности как деятельности. Необходимо подчеркнуть, что беременность является поворотным моментом в жизни женщины, неким, возможно, единственным ритуалом ее вступления в общество, в котором не предусмотрены другие столь же значимые ритуалы для женщин [8].

Особенность восприятия матерью еще не рожденного дитя находит свое отражение в ситуации взаимодействия, однако, следует акцентировать внимание на том, что ребенок одновременно скрыт для непосредственного визуального и аудиального восприятия матерью. Единственным перцептивным каналом в данном случае является интра- и проприоцептивная чувствительность женщины к движениям ребенка [4; 10].

Решение рассматриваемой проблемы можно найти во взаимосвязи с психологическими возможностями плода, а именно, с наличием либо отсутствием у плода психической жизни и способности к взаимодействию. Если учитывать научные данные на сегодняшний день, то из них можно отметить, что к началу второго триместра беременности плод уже может видеть, слышать, чувствовать и является способным к научению [3; 4]. Следовательно, этот период характеризуется началом психической жизни человека. Признание отсутствия психической активности у плода первого триместра беременности свидетельствует о том, что внутриутробный ребенок этого периода является пассивным объектом восприятия и поэтому его образ должен изучаться в рамках общепсихологического подхода.

Вторая половина беременности характеризуется как период ощущения женщиной движений ребенка, его активности. Однако психофизические способности плода к взаимодействию, а именно возможность рассмотрения внутриутробного ребенка в качестве субъекта межличностного восприятия, являются неясными.

Анализ литературы позволил выделить тот факт, что некоторые женщины воспринимают плод на протяжении всей беременности просто как часть своего тела, как объект, который лишен собственной активности. А другие женщины, напротив, практически с самого начала беременности воспринимают своего будущего ребенка как личность, наделенную определенными чертами характера. Такие матери общаются со своим внутриутробным ребенком, привнося смысл в его жизнедеятельность и активность [11; 12]. Однако, отметим, что вести речь о социальной перцепции трудно, поскольку беременные женщины общаются не столько с самим внутриутробным ребенком, сколько с его воображаемым образом.

В силу ограниченности активности плода и специфики восприятия беременной женщиной образ ее будущего ребенка будет относиться к исследованиям в области общей психологической науки.

Исходя из общепсихологической традиции, образ является обязательным компонентом деятельности человека, формирование и развитие которого осуществляется в предметной деятельности субъекта. В то же время ряд исследователей рассматривает восприятие как особый вид деятельности, который, возникнув сначала внутри внешней практической деятельности, на определенном этапе становится самостоятельной формой деятельности (П.Я. Гальперин, 1978; А.В. Запорожец, 1960; П.И. Зинченко, 1961; А.Н. Леонтьев, 1981; С.Ю. Мещерякова, 2000).

В общей и социальной психологии субъект-субъектная и субъект-объектная парадигмы расходятся в понимании предмета перцептивной деятельности и по-разному определяют критерии уровня адекватности образа [8; 10].

Следовательно, субъект-субъектная парадигма выделяет в человеческой деятельности два несводимых друг к другу измерения: субъект-объектный и субъект-субъектный уровни. При этом сам феномен предметности может «выноситься» за рамки субъект-субъектного измерения. Так, предлагаются два вида деятельности: предмет-

но-понятийная (разворачивается на субъект-объектном уровне по «предметной» и «понятийной» логике) и смысловая (соответствует субъект-субъектному уровню и имеет «смысловую» логику) деятельность. Представители интерсубъектного подхода в социальной психологии отмечают, что по своему содержанию и сущности межличностное восприятие соотносимо не с предметной, а с социально-ориентированной деятельностью, так же подчеркивая значимость смысловых детерминант социально-перцептивных процессов.

Другие авторы, рассматривая «предметность» как неотъемлемый атрибут любой деятельности, отмечают, что предметом субъект-субъектной деятельности выступает та ее сторона, которая интенционально ориентирована на субъекта, на «значимость другого», а именно смыслообразующая составляющая деятельности [1; 2].

«Значение» и «смысл» как уровни перцептивного образа являются одновременно результатом и регулятором соответственно субъект-объектного и субъект-субъектного измерений перцептивной деятельности.

«Значенческий» и «смысловой» составляющие образа могут быть обозначены как «внутреннее» и «внешнее» пространства психического образа, соотносимые с «Я» и «не Я». Внешние и внутренние стороны образа обеспечивают выполнение различных функций в жизнедеятельности личности и одновременно выступают фазами процесса интериоризации социокультурного опыта:

1) приобщение личности к общечеловеческому опыту, сопровождающееся переходом из социальной действительности в образ, обретение в нем значения (внешнего смысла, «не Я»);

2) переход во внутреннее смысловое пространство (из «не Я» в «Я»), порождающее индивидуальное бытие личности в мире.

Исследования К.А. Абульхановой-Славской показали, что не только в межличностном восприятии, но и на уровне воображения и способа мышления личности другой может выступать в качестве либо объекта, либо субъекта [13].

Отмечая, что в своем воображении женщина наделяет внутриутробного ребенка как объектными, так и субъектными качествами, мы полагаем, что рассмотрение закономерностей сочетания и взаимоперехода субъект-объектного и субъект-субъектного восприятия будущего дитя беременной женщиной может быть лучше понято при обращении к опыту изучения аналогичных процессов в социальной перцепции.

С точки зрения интерсубъективной парадигмы отношение «субъект–субъект» рассматривается в его опосредованности предметом деятельности воспринимаемого. Предполагается, что для того, чтобы увидеть другого как субъекта, необходимо открыть предмет, с которым он работает, переключить внимание с другого как объекта на предмет его деятельности и, таким образом, обрести некоторую степень причастности к этому предмету.

Отмечается, что при восприятии человека не идущим дальше значенческого уровня его образ строится уже на основе готовых, то есть стереотипных значениях-характеристиках. При этом в сознании воспринимающего складывается «объектный» образ воспринимаемого, который требует особой мотивации, а также определенных объективных условий.

В то же время объектный и субъектный образы восприятия связаны друг с другом не только генетически. Оба уровня перцепции присутствуют в акте восприятия одновременно. Поэтому правомерно говорить не столько о субъектном и объектном образах восприятия, сколько о субъектных и объектных характеристиках как динамических составляющих перцептивного образа [2; 8; 10].

Можно отметить, что сама беременность как деятельность может осуществляться женщиной на двух уровнях: в качестве субъект-объектной и субъект-субъектной деятельностей. В первом случае предметом деятельности является сам внутриутробный ребенок и организм женщины. Будущая мать может способствовать внутриутробному развитию ребенка и подготовке своего организма к родам, заботясь о своем здоровье, рационально питаясь, выполняя специальные комплексы физических упражнений. При этом результатом и регулятором субъект-объектной деятельности выступает объектный образ будущего ребенка.

На субъект-субъектном уровне деятельность беременной женщины направлена на выявление личностно-смысловых составляющих беременности и материнства. Смыслопорождение опосредовано специфическими культурными средствами, в которых сконцентрирован исторически накопленный опыт переживания типичных жизненных ситуаций. Отметим, что для осуществления деятельности смыслопорождения необходимо присутствие Другого. Следовательно, в практическом плане способствовать осуществлению указанного процесса могут диалогическое общение беременной женщины со своим воображаемым ребенком, со значимыми другими, чтение соответствующей литературы, посещение занятий по подготовке к родительству и родам. Субъектный образ будущего ребенка у беременной женщины возникает в том случае, если ее восприятие опосредуется предметом деятельности, который она приписывает внутриутробному ребенку [7; 10; 14].

Изучение образа в контексте субъект-субъектной парадигмы предполагает рассмотрение

критерия уровня адекватности образа не с точки зрения его идентичности объекту восприятия (как это происходит в субъект-объектном подходе), а с точки зрения его функциональных возможностей.

Так, К.А. Абульханова-Славская отмечает: «Истинно то, что существенно, продуктивно для субъекта, удовлетворительно для его соотношения с деятельностью» [13]. При этом вытекает, что конечной целью любой деятельности является не преобразование вещи, а другой человек, «значимый другой», которому субъект деятельности адресует свои проблемы и ценности [13].

Исследование искажений в пространственных представлениях И.В. Блинниковой, М.С. Капицы и Т.В. Барласа показало, что свойство функциональности образов часто вступает в противоречие с точностью [1; 10]. Установлено, что некоторые функциональные искажения в представлениях скорее способствуют лучшей организации деятельности, чем мешают ей. Однако слишком большой разрыв между внешней и внутренней моделями, по мнению авторов, означает, что последняя не обеспечивает надежной основы для деятельности.

Интерсубъектная парадигма межличностного восприятия также концентрирует внимание на функциональном характере критерия адекватности социально-перцептивного образа, при этом акцент делается на его роли в системе межличностных отношений субъекта [9; 12].

Рассмотренные подходы к исследованию образа традиционно и по разным причинам предполагают стабильный социальный мир. Опыт, накопленный отечественной психологией, ее теоретические и экспериментальные разработки эффективны для анализа стабильных ситуаций. Ведь большинство исследователей не обращалось к таким переменным, как «стабильность–нестабильность».

Сегодня под воздействием социальных преобразований, имеющих место в Республике Беларусь, модифицируется сам процесс формирования образов, меняются некоторые психологические механизмы перцепции, обновляются роли социальных институтов и формы социальной регуляции. Динамично развивающееся общество требует большей психологической компетентности и высокой активности от субъекта перцепции.

Сказанное выше свидетельствует о необходимости исследования не статичных результатов восприятия беременными женщинами своего плода, а образа будущего ребенка в динамике его формирования и развития.

Следовательно, в качестве теоретико-методологических оснований образа будущего ребенка у беременной женщины мы рассматриваем следующие положения:

– образ будущего ребенка имеет двойственную (телесночувственную и социокультурную) природу и рассматривается как единство телесночувственного и символически-опосредованного отражения реальности внутриутробного ребенка;

– «значение» и «смысл» как уровни образа будущего ребенка выступают результатом и регулятором соответственно субъект-объектного и субъект-субъектного измерения деятельности беременной женщины;

– субъект-субъектное восприятие будущего ребенка опосредуется предметом деятельности, который беременная женщина приписывает внутриутробному ребенку. При этом в качестве предмета субъект-субъектной перцептивной деятельности рассматриваются ее смысловые составляющие;

– критерием уровня адекватности образа будущего ребенка у беременной женщины выступает его влияние на выполнение женщиной ее материнской деятельности, а также роль образа в построении женщиной взаимоотношений с воображаемым ребенком;

– приоритетным является изучение не статичного результата восприятия беременной женщиной своего плода, а образа будущего ребенка в динамике его формирования и развития.

Психологическая специфика периода беременности видится авторами в психоэмоциональных переменах и изменениях в отношении женщины к себе и окружающим, которые связаны с трансформациями тела женщины и необходимостью установления новых для нее отношений «мать–дитя».

Заключение. Таким образом, анализ по заявленной проблеме позволил нам сделать следующие выводы. Как правило, единого определения категории «образ» нет, однако он имеет двойственную природу и находится между двумя полюсами бытия человека (чувственнотелесным и культурным). В равной степени образ стремится приблизиться к каждому из них, а именно, создавая в своей первооснове целостное. Само рождение образа происходит при переходе натуральной чувственности в культурную.

Формирование образа будущего ребенка у беременной женщины происходит посредством системы социокультурных и биологических предпосылок, которые преломляются через внутриличностные условия развития женщины как субъекта материнской деятельности. Зачастую на формирование образа ребенка влияют поведенческие, эмоциональные и психосоматические реакции женщины, которые связаны с движениями плода в утробе. Хочется отметить, что формирование образа рассматривается в совокупности с соматическим компонентом беременности, который напрямую влияет на личностные из-

менения женщины, а также на будущий образ. В динамике формирования образа просматривается его постепенное «омоложение», он становится более аморфным, размытым. Следовательно, при благоприятном переживании беременности к концу третьего триместра женщина будет готова принять ребенка в структуру своего самосознания. Таким образом, субъектное отношение к дитя является важным аспектом для построения образа будущего ребенка, а также формирует готовность женщины к материнству. Ключевыми показателями становятся уровень общения ребенка с матерью, особенности становления образа себя и потребности в сопереживании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Запорожец, А.В. Развитие произвольных движений / А.В. Запорожец. – М., 1960. – 430 с.
2. Захаров, А.И. Ребенок до рождения / А.И. Захаров. – СПб., 1998. – 134 с.
3. Брутман, В.И. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности / В.И. Брутман, М.С. Радионова // Вопросы психологии. – 1997. – № 6. – С 38–47.
4. Филиппова, Г.Г. Развитие материнского поведения в онтогенезе / Г.Г. Филиппова // Психология сегодня. – М., 1996. – С. 133.
5. Шкуратов, В.А. Историческая психология / В.А. Шкуратов. – Ростов н/Д, 1994. – 287 с.
6. Филиппова, Г.Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии / Г.Г. Филиппова // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 22–37.
7. Агафонов, А.Ю. Человек как смысловая модель мира / А.Ю. Агафонов. – Самара: Изд. дом «БАХРАМ»; М., 2000. – 336 с.
8. Ломов, Б.Ф. Проблема образа в психологии / Б.Ф. Ломов // Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. – М., 1991.
9. Василюк, Ф.Е. Типология переживания различных критических ситуаций / Ф.Е. Василюк // Психологический журнал. – 1995. – № 5. – С. 35–48.
10. Зинченко, В.П. Проблема внешнего и внутреннего и становление образа себя и мира как реализации сознания / В.П. Зинченко // Мир психологии. – 1999. – № 1. – С. 97–104.
11. Мещерякова, С.Ю. Психологическая готовность к материнству / С.Ю. Мещерякова // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С. 18–27.
12. Филиппова, Г.Г. Психологические особенности ранней беременности и их влияние на развитие репродуктивного поведения / Г.Г. Филиппова // Социальная дезадаптация: нарушения поведения у детей и подростков. – М., 1996.
13. Абульханова-Славская, К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования / К.А. Абульханова-Славская // Психологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 39–55.
14. Брутман, В.И. Психологические феномены, возникающие в связи с нежеланной беременностью / В.И. Брутман // Психология сегодня. Ежегодник Рос. психол. о-ва. – М., 1996. – Т. 2, вып. 4. – С. 150–151.

Поступила в редакцию 10.10.2016 г.

УДК 159.922.72:371.212-053.5

Современное педагогическое исследование концепции рефлексивной деятельности

Касачова В.,
Бабякова С.

Университет имени Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия

В статье представлены теоретические основы научного понимания предварительных концептов детей на пороге обучения. Описана потребность исследовать скрытый мир детского мышления и познания.

Цель работы – научно-теоретический анализ обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста в различных психолого-педагогических традициях.

Материал и методы. *Материалом послужили труды известных ученых, касающиеся проблемы обращения педагогики к ребенку. Использованы методы научно-психологического исследования теоретического уровня, методы партиципаторно-оперативного исследования.*

Результаты и их обсуждение. *Раскрыты значение и роль параллели научного понимания предварительных концептов детей на пороге обучения и практического гибкого реагирования педагога в повседневной реальности, параллели следования научным принципам и принятию индивидуальности ребенка, параллели педагогического исследования ребенка и рефлексивного обучения.*

Заключение. *Раскрыта концепция применения знаний о рефлексивной деятельности в процессе познания и возобновления образовательной реальности.*

Ключевые слова: *ребенок на пороге обучения, исследование детского мышления и познания, учитель дошкольного и начального образования, учитель-исследователь.*

A Contemporary Pedagogical Study of Reflexive Activity Concept

Kasachova V.,
Babiakova S.
Matei Bela University, Banska Bystritsa, Slovakia

Theoretical fundamentals of scientific understanding of preliminary concepts of children at the threshold of education are presented in the article. The need in the study of the obscure world of children's thinking and knowledge is described.

The aim is scientific theoretical analysis of preschool and primary school children teaching in different psychological and pedagogical traditions.

Material and methods. *The material was works by outstanding scholars concerning the turn of education to the child. Methods of scientific and psychological study of the theoretical level, methods of participation and operative study were used.*

Findings and their discussion. *The meaning and role of the parallel of scientific understanding of preliminary concepts of children at the threshold of education and practical flexible reaction of the teacher in everyday reality, the parallel of following the scientific principles and accepting the individuality of the child, the parallel of the pedagogical study of the child and reflexive education, are revealed.*

Conclusion. *The concept of applying the knowledge of reflexive activity in the processes of cognition and resuming education reality is revealed.*

Key words: *the child at the threshold of education, study of children's thinking and cognition, preschool and primary school teacher, teacher-researcher.*

Ребенок с онтогенетической точки зрения является традиционно предметом изучения психологической науки. Пока большая часть нынешних знаний о детстве, ребенке, процессах обучения для подготовки учителей в литературе является результатом работы психологов. Онтогенез человеческой психики как традиционной теории – относительно стабильная и прочно укоренившаяся область науки, с которой каждый начинающий учитель подробно знакомится при подготовке преподавателей. Особое внимание обращается на ключевые периоды, относящиеся к определенной ориентации учителей. Таким образом, настоящая концепция педагогического исследования все чаще подчеркивает необходимость того, чтобы учитель был способным осуществлять исследования в реальной ситуации в области образования. Это одновременно задача для академического исследования в области образования – содействовать познаванию современного ребенка в обычных образовательных ситуациях, разрабатывать стратегии в области образовательной и исследовательской деятельности, чтобы помочь учителям понять роль учителя-исследователя (*teacher as researcher*)[1].

Наиболее важным для раннего образования является период конца дошкольного и начала младшего школьного возраста. Ребенок в начале обучения чрезвычайно чувствителен к социальному влиянию и среде обучения. До сих пор наиболее цитируемыми авторами в Центральной Европе в этом контексте являются Жан Пиаже, Барбел Инхелдер [1] (и другие издания) и Лев Семенович Выготский [2], которые, с их теоретическими подходами к ребенку, значительно повлияли в XX веке не только на психологию, но особенно на педагогику раннего образования и оказали огромное воздействие на современную дошкольную педагогику.

Работа вышеупомянутых авторов комплексная, и целью нашего исследования не является рассмотреть ее во всей широте. Тем не менее мы считаем ее стимулирующей для поворота педагогики к ребенку, что можно заметить в словацких учебных трудах, особенно после 1989 года – Косова, и в Чешской Республике теорию З. Гелуса [3], основанную на понятии «*ребенок как личность*» (*dítě v osobnostním pojetí*). Не только в качестве теоретической основы, но и как принцип, который стал частью подготовки учителей в виде рефлексивных профессионалов. Предметом рефлексии учителя является, кроме прочего, ребенок в учебных ситуациях и процессах. Приведем несколько основных идей из трудов вышеупомянутых авторов.

Культурно-историческая теория Выготского [4] обращает внимание на важность культурных и социальных взаимодействий в раннем детстве. Выготский был убежден в том, что речь является ключевым психологическим инструментом для развития мышления ребенка. С его взрослением и развитием основная речь становится более сложной. Теория Выготского исходит из следующих предпосылок:

- детская личность развивается посредством формальных и информативных обсуждений с взрослыми;
- первые несколько лет жизни являются наиболее важными и необходимыми для развития ре-

[1] Исследование является результатом проекта VEGA 1/0598/15 «Ребенок на пороге обучения и его мир» проф. PhDr. Bronislava Kasáčová, CSc.

бенка, потому что это тот период, когда мысли и области речи постепенно становятся независимыми;

• комплекс ментальной деятельности начинается с социальной деятельности;

• дети могут выполнять более сложные задачи с помощью взрослого;

• более сложные задачи стимулируют когнитивное развитие ребенка.

Дети не только развиваются посредством коммуникации, но благодаря коммуникации со взрослыми проявляется их мысль. Речь становится не только более независимой, но является главной опорой в социальной деятельности ребенка. Развивая способность решать сложные задачи, в управляемом разговоре начинают отражаться знания, отношения и чувства по поводу событий, которые нам можно выявить только посредством эксплоративных методов. Теория проксимального развития Выготского является вдохновляющим отправным пунктом для рассуждений о необходимости существования правильных методов исследования состояния развития ребенка для учителей, кроме теоретических знаний о детях. Не только как результат крупных академических исследований, но и как гибкое, с научной точки зрения правильное актуальное знание, через диагностические и научные сведения. Эти сведения мы должны постоянно обновлять для современного научного познания и профессиональной педагогической деятельности. Также учитель должен их гибко обновлять в дидактических процессах [5].

Жан Пиаже описал и объяснил изменения, происходящие в логическом мышлении детей; предложил четырехэтапный процесс для понимания когнитивного развития – на основе созревания и опыта. Теория Пиаже предполагает, что взаимодействие учащихся с окружающей средой зависит от интеграции новых знаний в существующие системы уже приобретенных. Короткое резюме:

• дети активно учатся путем строения своей базы знаний, полученных от окружающей среды;

• дети учатся посредством ассимиляции (процессы, которыми личность ассимилирует свою среду) и аккомодации (адаптация личности к своей среде), и комплекс когнитивного развития имеет тенденцию удерживать равновесие между ними;

• интеграция физической и социальной среды, ключевой для когнитивного развития;

• развитие происходит в четыре этапа.

Вышеперечисленные пункты стимулируют наши исследовательские намерения, когда мы задумываемся над следующими вопросами: Каковы наши сегодняшние дети, которые поступают в школу в возрасте 6 лет? Какова конструкция их знаний? Исходя из каких структур знаний учитель детей дошкольного возраста должен исходить в процессе индивидуализации содержания официальной учебной программы? В каких социальных сетях и условиях живут дети, которые в раннем образовании должны ассимилироваться и адаптироваться? Как содействовать комплексу когнитивного развития, чтобы дети приобретали равновесие в мире институционального узнавания мира, людей и себя? И наконец, как происходит их развитие?

Следующим инспиративным теоретиком этой области является *Джером Брунер,* один из главных создателей когнитивной науки и автор реформы образования в США 60-х и 70-х годов. Его работа помогает профессионалам видеть с помощью нарративных методов логику и структуру мышления ребенка, открывает многие тайны ментальной жизни. «*Narrative modes*» Брунера, или три основных способа презентации информации и знаний, позволяют использовать тайну речи как инструмент мышления. Речь ребенка позволяет ему открыть и понять его мысли и идеи, потому что речь свидетельствует о неутомимой деятельности воображения ребенка. В своем исследовании развития детей Брунер говорит о трех сферах режимов обучения, представлений. Эти режимы описаны и обоснованы в контексте развития языка. Ребенок и молодой человек гладко осваивают их, а примеры относятся к работе с книгой, точнее с письменным текстом:

• действенная стадия – характеризуется прямым манипулированием объектами, без создания представлений, например, игра с книгой;

• иконная стадия – характеризуется внутренними представлениями внешних объектов и явлений, визуально или посредством символов, например, наблюдение и рассматривание картин;

• символическая стадия – характеризуется созданием символических представлений внешних явлений посредством слов, формулировок или других символических знаков, например, чтение как обучение.

Надо заметить, что стадии для Брунера не типичные для определенного возраста ребенка, но в каждом опыте есть последовательность выражений, которые одному из этих этапов принадлежат. Даже взрослые, учась новому, постепенно проходят через эти этапы. Воспитательная работа является ключевой концепцией коммуникации между учителем и учеником, родителем и ребенком, это подчеркивает идею важности речи ребенка для возможности достижения образовательных целей. В этом контексте необходимо понимать, что ребенок умеет, как понимает себя, мир, других людей, какой его способ мышления, или где создаются степени рассуждений, мышления.

Обратимся к стадиям когнитивного развития Пиаже: сенсомоторного интеллекта (0–2 года), дооперационное мышление (2–7 лет), стадия конкрет-

ных операций (7–12 лет), стадия формальных операций (12 и старше). Сегодня уже известно, что это разделение является в какой-то мере академической теорией, которую некоторые исследования «разрушили». Однако инспирация, которую работа Пиаже принесла другим ученым, до сих пор удивительно прозрачна. Кроме того, в теории конструктивизма Брунера очевидна аналогия с зоной ближайшего развития (ЗБР) Выготского, в частности в том, что важным стимулом для ребенка является поддержка более умелых, опытных взрослых, позволяющих ему с помощью речи и коммуникации пройти через отдельные этапы [6].

Вклад Брунера в педагогику, в основном в дошкольную педагогику («*early childhood education and care*»), заключается не только в недавно созданных принципах психологии образования. Исследования ребенка помогли открыть новые перспективы и возможности познания мышления, знаний, чувств, опыта и мысли ребенка прямо учителем.

Феноменологический подход к исследованному явлению представляет собой следующую теоретическую основу для нашего исследовательского намерения. В речи ребенка проявляется его собственное понимание мира и соответствующих явлений. Таким образом, наиболее ценной для узнавания и понимания мира является аутентичная реакция ребенка на импульсы. Аутентичная реакция возбуждается только так, чтобы ребенок объяснил, как воспринимает понятия, какие ассоциации вызывают, откуда получил знания о понятии, есть ли с понятием у него опыт собственный или полученный. Неотделимым является обнаружение того, если ребенок понимает причину явления обозначаемого понятия, и также последствия существования или отсутствия такого явления. Важно, чтобы реакции детей остались в аутентичной и оригинальной форме и непосредственно в источнике обнаружилась семиотика понятий.

Сравнительно самостоятельным понятием в педагогическом исследовании является феноменологическая теория с феноменографическим подходом. Что касается исследования ребенка с помощью учителя как инсайдера, нужно обратить внимание на связь этого подхода с понятием рефлексивного практика «*reflective practitioner*», учителя-исследователя «*teacher-researcher*» или рефлексивного исследователя «reflective inquirer».

Их отправной пункт рассматривается как феноменология *(phenomenology),* т.н. описательная психология или наука о сущностях на основе опыта и переживания, что психические явления не происходят сознательно, но они объективно существуют. Это стало толчком к созданию новой концепции антропологии, психологии, психотерапии, педагогики, социологии и, в частности, социально-научных методологических подходов и исследований. Феноменологическая психология как одна из экзистенциальных школ сосредоточивается на индивидуальном опыте, опосредованном интроспекцией, самонаблюдением. Как таковая отказывается от интерпретаций на основе существующих шаблонов и образцов поведения. Феноменологический подход *(phenomenological approach)* занимается субъективным опытом, исходит из индивидуального концепта личности, и он направлен на внутреннее переживание и впечатления. С этой точки зрения относится к гуманистической психологии. Основную мотивацию личности видит в склонности к внутреннему развитию и в стремлении к самореализации. Феноменологический метод в применении аппликационных подходов сосредоточен на осознании себя, того, что человек переживает в данный момент. Это относится к концепции феномена поля, которая представляет собой резюме того, что в данный момент личность переживает, действия присутствующих и принимаемых явлений (даже в мыслях или прошлый опыт, который благодаря мышлению опять переживается и в любой момент влияет на личность). И наоборот, присутствующее, но человеком не воспринимаемое, не оказывает влияния на его мышление, переживание и действие. Ф. Мартон [7] является автором понятия «феноменография» *(phenomenography)* – феноменологический подход к обучению, которое занимается методами учения в широком контексте опыта, понятий *(beliefs)* и мнений как детей, так и взрослых. В более широком смысле это понятие объяснено, как описание, анализ и разъяснение того, как люди воспринимают и переживают окружающий мир. Феноменография в значительной мере начала использоваться с внедрением качественного исследования в педагогическую методологию и постепенно стала методом, применяемым в учебном процессе. В частности, в диаде «студенты–преподаватели» феноменография является обучающим и исследовательским методом, предназначенным для познания процессов обучения других и самосознания [8].

С развитием методов качественного исследования и их применения в концепции подготовки учителей феноменография является одним из инструментов оперативного исследования студентов, класса и анализа содержания текстов портфелей, журналов и рефлексий. Также используется в качестве рефлексивного исследования (reflective inquiry) образовательной реальности, процесса развития и подготовки студентов педагогики *(student inquiry)* как рефлексивных практиков.

Опираясь на подход рефлексивного преподавания как профессиональной практики, основанной на фактах о детях в образовательном контексте *(reflective teaching ako evidence informed*

professinal practice), по словам Полларда [9], важно понять само развитие в процессе обучения ребенка. На основе теории, отраженной в образовательной практике, разговор с детьми через понятие их речи является важным кодом для установления их этапа развития. *Reflective teaching как Evidence Informed Professinal Practice* в трудах Э. Полларда – инспирация для объединения исследований с процессом образования. Автор отмечает, что в жизни учебной группы или класса есть явления, которые учитель имеет в распоряжении для улучшения учебного процесса. Ребенок как личность и также ребенок в социальных ситуациях предоставляют учителю богатую базу для исследований и оперативного исследования в том числе. Важно освоить методы и технику собирания данных, анализа, интерпретации и использования результатов исследования. Это учитель-исследователь сможет использовать во время оперативного исследования, и это также имеет несколько уровней в нашем проекте.

В понимании рефлексивной феноменографии как исследовательского подхода была создана исследовательская модель, которая соблюдает следующие принципы [10]. Это акроним UCD-ACR-NIM *understanding child´s development as core of reflection via narration inside mind,* который состоит из следующих принципов:

• UCD – *Understanding Child´s Development.* Описание примеров из жизни детей помогает взрослым лучше понять детей и оказывает поддержку в стремлении к их развитию. Это основная идея предлагаемых методов исследования.

• ACR – *Analysis – Cathegories – Reflected theory.* Предложение полученных результатов исследования после анализа и распределения по категориям в соответствии с теоретическими структурами: создание рефлексивной методики для учителя. Это методология исследовательских методов, которая основана на теоретической базе. Она в то же время направлена на создание последовательных теорий, касающихся частных объектов исследования.

• NIM – *Narrative Instruments and Methods.* Расширение существующей базы данных исследовательских инструментов обновленными и соответствующими детям методами исследования. Это играет важную роль для поддержки использования отдельных методов, так, чтобы учитель-исследователь *(teacher as researcher)* планировал, правильно использовал пособия и методы и также сумел сделать правильный анализ, интерпретацию и аппликацию результатов для анализа.

По мнению Полларда, важным интеллектуальным мастерством в попытке понять детей, педагогические явления и процессы обучения является развитие преподавательской способности исследования детей с учетом опыта исследований других. Для этого намерения необходимо выделить: *scientific research, interpretive research, action research, critical research, post-modern research.* Именно в связи с оперативным исследованием в 1970-х гг. был сформирован и в исследовательскую и образовательную практику проник термин «*teacher as researcher*», и эта идея находит отклик все больше в наше время. Идея имеет решающее значение в нашей работе, в частности, потому, что учителя являются целевой группой нашего исследования.

Цель статьи – анализ обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста в различных психолого-педагогических традициях.

Материал и методы. Материалом послужили труды известных ученых, касающиеся проблемы поворота педагогики к ребенку. Использованы методы научно-психологического исследования теоретического уровня, методы партиципаторно-оперативного исследования.

Речь ребенка является важным индикатором его развития. Говорит не только о степени его созревания, но и об актуальной степени созревания идей об объектах его познания. Это также путь к его душе. С одной стороны, благодаря речи можно понять и принять объяснение, с другой – она предоставляет взрослому «входной билет» в детский мир. В качестве ключевой стратегии для исследования детей мы выбрали *методы аналитической индукции.* В случае метода аналитической индукции исследователь постепенно, в зависимости от конкретного случая собирает информацию, анализирует и интерпретирует ее, затем классифицирует интерпретированные явления и данные. Постепенно добавляет категории, в зависимости от появления новых случаев и шаг за шагом рождается, оформляется и совершенствуется его теория о явлении. Из совокупности этих теорий происходит, как мы полагаем, *grounded theory,* или формулирование гипотезы. Гипотеза, сформулированная в результате качественной процедуры, может быть впоследствии подвергнута испытаниям, и тогда ее можно будет повторить в других условиях, или в другое время.

В качестве методов аналитической индукции разговор и рисунок с добавлением интервью являются самыми главными приемами сбора информации в среде обучения. Интервью будет проходить в школе, классе, во время преподавания или в свободное время детей. Полученные высказывания могут быть проанализированы по уровню содержания (о чем уже говорилось), на формальном (как они понимают) уровне, а также на уровне определения структуры мыслительных процессов (на каком уровне).

Имея в виду специфику и особенности анализируемой области и объекта исследования, речь идет об исполнительском и оперативном исследовании. В определенном смысле слова это исследование, *ethnographic research,* касается способа сбора данных, потому что мы воспринимаем исследовательскую группу как специфическую социальную группу сообразно определенной теме *социологии детства.*

Ключевым методом является *специальный разговор.* Это *комплекс гибких микродиалогов,* намеренных на определение детского восприятия понятий. Понятия относятся к миру ребенка и группируются в кластерах в соответствии с частичными целями: грамотность (литературная, языковая, дигитальная – *computer literacy*), социальный мир ребенка (семья, школа, ожидания/амбиции, игры), ценности (вера, религия, культура, идеология, будущее), чувства (дружба, любовь, страх, беспокойство), сфера труда (профессия, деньги, опыт). Кластеры как *clusters* понятий формируются в исследовательской группе с помощью ассоциаций, аккумуляции и классификации. С этим связанной целью является определение, анализ и классификация представлений ребенка или уровней мышления, или также *child´s thinking skills* [11]. В связи с этим в настоящее время ведутся пилотные исследования, с помощью которых мы проверяем методику интервью [12]: порядок ведения интервью и модификацию ожидаемых результатов. В контексте инклюзивного образования будем ориентироваться специфически на соответствующие концепции и важные понятия, воспринимаемые детьми [13].

Вторым ключевым методом является *метод детских рисунков наряду с интервью* в нескольких вариантах: тематический рисунок, свободный рисунок, рисунок семьи, рисунок впечатления, рисунок желания ребенка и комикс [14] в двух формах: слепой и немой комиксы.

С помощью дополнительной методологии сосредоточим внимание на высказываниях соответствующих групп взрослых и их мнения по вопросу: каковы сегодняшние дети? Это добавленное исследование будет по характеру соответствовать количественному исследованию. Релевантным считаем актуальное и переживаемое отношение взрослого к детям. Это касается преподавателей дошкольного и начального образования, родителей, бабушек и дедушек детей актуального возраста – инсайдеров исследованной проблемы.

Сбор данных будет осуществлен как ПОИ партиципаторно-оперативное исследование *(PAR participačno-akčný výskum). Для* этого метода необходимо, кроме основной группы исследователей, привлечь и сотрудников-инсайдеров изучаемой области. Основной группой для сбора данных являются члены исследовательской группы. Они будут подготовителями, и на основе подготовленной методологии будут супервизорами для аспирантов и студентов в пределах их участия в образовательной практике в школе. Участники-инсайдеры будут выбраны из учителей, участвующих в преподавательской практике, иначе говоря, учителя на практике. Они систематически сотрудничают с факультетом и работают со студентами на практике. В то же время их сотрудничество подкреплено договором с факультетом о сотрудничестве при подготовке студентов и участии в достижении частных целей исследования.

Достижение цели заключается в подготовке плана научно-исследовательской роботы с помощью двух стратегий: собрать и создать: а) качественные стратегии; б) количественные методы.

С этим связано установление структурированных средств для проведения исследований в области образования ребенка в возрасте с 5,5 до 7 лет, с тем чтобы в дальнейшем можно было последовательно осуществлять повторный мониторинг детей и регистрировать их прогресс в области развития.

При создании исследовательских инструментов необходимо руководствоваться тем, чтобы они были методично направлены для использования учителей и студентов и подходящие для конкретной группы исследования – детей. Важным также является возможность заниматься с ними в естественной среде – классе, в свободное время у детей или у родителей в домашних условиях:

а) качественные методы могут быть полезными как дидактическое средство в естественных условиях обучения и во время учебного процесса. В то же время научно-исследовательские инструменты, направленные на соответствующие области познания ребенка в образовательной и социальной реальностях, создадут обратную связь как для исследователя, так и для учителя для оценки актуального уровня развития детей, позволяя учителю-исследователю научиться использовать методы исследования;

б) количественные – с помощью анкет обратим внимание на соответствующую группу взрослых с целью ознакомиться с их взглядом, касающимся современных детей. В процессе обработки результатов качественного исследования будут использованы простые расчеты в качестве инструментов для мониторинга оперативного исследования в классе.

Для обработки собранных данных используются описательные методы и приемы анализа качественных данных: метод создания групп, метод приема образцов, метод простого расчета, метод контраста и сравнения, метод использования метафоры, метод поиска и выделения отношений,

метод факторного сравнения, создания категорий и присоединения.

Состав участников исследования. Состав будет формироваться кумулятивным способом. На первом этапе обращаем внимание на детей в возрасте с 5,5 до 7 лет. Число участников исследования, что типично для процедуры аналитической индукции, будет постепенно повышаться. Критерием для отбора участников является возраст, четко установленный целью исследования: ребенок на пороге обучения. Другой определяющий признак – вид образовательного учреждения: а) детский сад (дошкольное образование/подготовительные классы); б) начальное образование (первый класс).

Этические отношения исследователя изучаемого ребенка. Эти отношения для исследователей, идущих качественным путем, близки теориям рефлексивности. Были созданы Э. Поллардом [5] на основе труда Дьюи (Как мы мыслим: *Отношения рефлексивного мышления и образовательного процесса – J. Dewey, How We Think. A restatement of the relation of reflective thinking to the educative process, 1933),* концепции применения знаний о рефлексивной деятельности в процессах познания и возобновления образовательной реальности. Перефразируем их здесь, чтобы создать параллель – рефлексивность в исследовании – следующим образом:

1. Рефлексивность в педагогическом исследовании представляет собой активный интерес к целям и последствиям наших действий для достижения оптимальной эффективности.

2. Рефлексивность в педагогическом исследовании осуществляется в циклическом процессе по спирали, при этом ученый постоянно оценивает и пересматривает свои собственные действия.

3. Рефлексивность в педагогическом исследовании требует проявлять способность использовать методы получения информации о действительности, чтобы поддержать развитие собственных способностей.

4. Рефлексивность в педагогическом исследовании требует следующих качеств: беспристрастность, ответственность и энтузиазм.

5. Рефлексивность в педагогическом исследовании исходит из рассуждений учителя, основывающихся на информации, вытекающей частично из ситуации и ее саморефлексии, а также из его знаний в педагогике и психологии.

6. Рефлексивность в педагогическом исследовании, профессиональное развитие и самореализация развиваются посредством сотрудничества и диалога с коллегами.

Параллель педагогического исследования ребенка и рефлексивного обучения является не случайной. Это связано с намерением предложить учителям, студентам и детям дошкольного и начального школьного возраста, исследователям, у которых есть амбиции, понять и принести новые знания о детях и их социальном, предметном и образовательном мире. Современные знания о действующих лицах раннего образования могут передать отражение мира, подмеченное с точки зрения детей. Если теории педагога-исследователя суждено ожить в наших школах, необходимо, чтобы ученые смогли рефлексивно узнавать мир детей и учителей, чтобы теории о детях превращались в реальных детей и помогали учителям не только получать знания о детях, но и научили их самостоятельно познавать детей.

Результаты и их обсуждение. Поступление ребенка в начальную школу является переломным моментом в его жизни. Он принимает на себя роль обучающегося и начинает процесс обязательного образования. Онтогенетически внимательно приспособить среду обучения к характеристикам развития детей младшего школьного возраста – задача учителя начальной школы. То же самое касается процессов преподавания и их приспособления к индивидуальным особенностям лиц с целью обеспечения беспрепятственного развития когнитивной, социально-эмоциональной и психомоторной области. Именно в системе начального образования роль учителя-исследователя (*teacher as researcher)* является сложной задачей.

Поскольку учение – это ведущая деятельность учеников, очень важно, чтобы учитель изучал их языковую компетенцию, когнитивный стиль, мотивацию и общее отношение к познанию. Центром педагогического исследования учителя начального образования в области когнитивного и социально-эмоционального развития студентов должно быть развитие их мышления и речи в связи с развитием их языковых и коммуникационных компетенций во всех областях образования. Мы это обосновываем идеей Л.С. Выготского: «*Абстрактное мышление ребенка развивается на всех уроках, и развитие его вовсе не распадается на отдельные русла соответственно всем предметам, на которые распадается школьное обучение. Умственное развитие ребенка не распределено и не совершается по предметной системе*».

Речь и мышление ребенка накануне обучения. Ребенок уже в раннем возрасте умеет во время развития речевых способностей использовать мышление, также его речь становится интеллектуальной, хотя генетические корни речи и интеллекта различны. Это в развитии мышления проявляется предречевым периодом и развитием речи во время доинтеллектуальной стадии. На основе

детской речи мы можем проанализировать мышление ребенка и раскрыть его идеи. Важность языка для развития мышления описывает в своей работе и Дж. Брунер. Ребенок в первый год жизни кодирует информацию на основе воспринимаемого движения, с 1-го по 6-й год, в основном хранит информацию в виде образов (на основе умственного образа в мозгу – иконическая форма мышления – *iconic representation*). В дальнейшем он может уже хранить информацию в виде кода или символа, такого как язык (символическая форма мышления – *symbolic representation*). Кодирует сенсорную информацию в значимое представление на основе понимания смысла слов и воспринимаемого. По словам Дж. Брунера, язык также имеет важное значение для способности понять абстрактные понятия, развития более комплексной и гибкой системы познания. Р.Й. Стернберг [9, с. 353] добавляет, что язык влияет также на способ кодирования ребенка, хранения информации в его памяти и снова привлекает к ним внимание. Посредством языка ребенок показывает свой интеллект и способность решать проблемы. Оба ученых Л.С. Выготский и Дж. Брунер согласны, что *человеческое «Я» формирует мир, в котором живет, и люди являются культурными и социальными участниками*.

Начало младшего школьного возраста с точки зрения когнитивного развития представляет собой конец так называемой предоперационной стадии и начало конкретно-операционной стадии. Младший школьный возраст играет в нашей концепции роль порога образования. Согласно теории Пиаже, в мыслях детей в этом периоде возникают концепции, имитирующие символическую игру, рисунки, представления и, конечно, язык и речь. Язык является одним из культурных инструментов, которые ребенок использует за пределами физической реальности. Л.С. Выготский подчеркивает важность внутренней речи для мышления. Речь ребенка как одно из главных средств развития грамотности и язык как ее техническое средство являются необходимыми условиями для включения ребенка в культуру. Приобретение языка обусловливается связью между наследственностью и средой. Влияние наследственности на развитие языка подтверждает Н. Хомский [15] механизмом овладения языком (*language-acquisition device*), который свидетельствует о нейропсихологическом предназначении человека для усвоения языка. По мнению А. Браун [16], учитель и другие взрослые могут также сыграть важную роль в развитии устной речи детей младшего возраста. При условии, что, реагируя на речь ребенка и тщательно прослушав его слова и продумав их значения, создаются условия и причины для совместного разговора с ребенком и предоставляются ему модели социальной коммуникации. Желательно, чтобы взрослые ставили ребенку открытые вопросы и для совместного решения проблем в рамках разговора воспринимали ребенка как равноценного партнера и считали, что его слова имеют важное значение. Для развития коммуникативной компетентности ребенка, в частности, необходима атмосфера безопасности. Сегодня уже никто не сомневается в том, что речь и мышление ребенка развиваются тем интенсивнее, чем более стимулирующих факторов в условиях его социальной среды. Родной язык учится, в частности, для достижения своих целей коммуникацией. Таким образом, язык используют прагматически, и владению формами языка и его грамматическими структурами предшествуют их логическое мышление и ментальные операции, соответствующие этим формам.

Насколько с поступлением в начальную школу ребенок превращается в ученика и его главной целью является учеба, настолько учитель должен поддерживать новые методы мышления и типы мыслительных структур с использованием соответствующих образовательных стратегий. Новые мыслительные структуры, по словам Выготского [17, с. 90], дадут возможность превзойти деятельность, которая первоначально была предметом обучения ученика, будут содействовать развитию его мышления. Таким образом, обучение не идет только шаг за шагом вслед за развитием ребенка, но может идти также опережая его развитие и стимулировать создание неологизмов.

Теории, упомянутые выше, являются важной задачей для учителя-исследователя и его исследовательской деятельности, которая должна предшествовать планированию обучения. Только учитель, отлично знающий своих учеников, отмечая их в каждой ситуации, может поддерживать развитие их мышления и речи. Когнитивное развитие каждой личности можно исследовать посредством различных индикаторов. Одними из них являются предварительный концепт учеников и семантика их естественных высказываний. Только учитель решает, какие инструменты и продукты исследования нужно использовать для улучшения понимания современного ученика, начинающего обучение. Одной из возможностей является метод разговора. Через полуструктурированные микродиалоги, направленные на выявление уровня словарного запаса, грамматической структуры и семантики высказываний, возможно исследовать предварительные концепты студентов, посредством которых учитель входит в когнитивный и социально-эмоциональный мир детей [12; 15]. Понятия, о которых учитель спрашивает, могут быть результатом и учебной программы, и естественных ситуаций за пределами классной комнаты. Вы-

сказывания учеников должны быть закодированы и классифицированы качественными методами для того, чтобы установить, какой смысл приписывают понятиям, как их понимают (на основе самостоятельного или заимствованного опыта либо на основе понимания реальности). Младший школьный возраст характеризуется особым мышлением и упрямством высказываний, потому что мы предполагаем, что учитель может улучшить диагностирование учеников через микродиалог с целью выявить их как личность.

Полуструктурированный гибкий микродиалог (mikro-intrerview) необходимо подготовить заранее, через точную формулировку вопросов, с возможностью дополнительных вопросов. Исследователь может подготовить фиксированную структуру вопросов по следующим пунктам:

• Для понимания значения понятия мы ставим вопрос: *Что это?*

• Для понимания цели мы ставим вопрос: *Для чего это?*

• Для выявления происхождения опыта мы ставим вопрос: *Откуда это знаешь?*

Для понимания им реальности добавляем парадоксальный вопрос: *Что бы случилось, если ... (чего-то не было)?* Из контекста высказывания ребенка попробуем определить отношение ребенка к изучаемой реальности.

У исследователя должна быть определенная свобода для прояснения вопросов, в случае их непонимания ребенком, и насколько это будет возможно, из высказываний также подметить отношение – подход ребенка к сущности выраженного понятия. Это является целью дополнительных вопросов, которые возникнут вследствие разговора. Такая структура позволит вести разговор для большого числа исследователей (учителей начальной школы, учителей университета, студентов педагогики...) с большим числом респондентов (учеников). Это позволяет разрабатывать (обсуждать) и сравнивать высказывания учеников в большом количестве. Это семантика понятий – смысл языковых единиц, в нашем случае слов, и мы стремимся узнать, как они осмысляют данные понятия [12].

Интересным также является осмысление их назначения – цели, определенного опыта, опыта в связи с наименованием. В некоторых случаях можно ожидать возможность идентифицировать (в упрощенном понимании концепции с положительными или отрицательными эмоциями) отношение – подход учеников к сущности, выраженной наименованием. Очевидно, что их понимание не будет идентичным, что у них опыт и понимание реальности отличаются друг от друга. Семантическая память представляет собой функциональную систему, которая совпадает с лексиконом, фонологией и орфографией, но мы считаем, что это связано с прагматическим уровнем языка. Ребенок, который никогда не видел реального театра (драматическое искусство), но это слово у него в лексиконе есть, и может полагать, что концепция театра означает лицемерие (в словацком языке существует выражение, связанное с театром «*Nehraj divadlo!*», буквально это значит *притворяться*). Дети, которые дома не слушают «радио», могут думать, что слово «радио» означает сельское радио *(кто-то говорит в коробку, и вся деревня слушает звук из репродуктора. – Ученик 1-го класса начальной школы, 6 лет 10 месяцев)*.

Некоторые дети не умеют выразить свои отношения, у них недостаточно широкий словарный запас и мало используемых слов для выражения эмоций. Для качественной оценки высказываний учеников мы должны учитывать не только семантический, но и прагматический смысл детских предложений. Пока буквальное значение предложения называем семантическим, выраженное значение (также сообщенное) – прагматическим, поскольку для его определения необходимо знать контекст. Поэтому мы можем сказать, что одно предложение, используемое или нет, имеет единое, стабильное семантическое значение, но может вести к ряду прагматических значений, отличающихся от выраженного значения. У полуструктурированного разговора определенная простая структура, однако это не исключает того, что исследователь может вести разговор естественно, изменяя порядок вопросов и, где это уместно, что-то к ним добавляя. Инструмент исследования должен быть чувствительным к социальным и гендерным параметрам, индивидуализированным, чтобы с другими вопросами открывал социальный контекст развития языковых способностей учеников младшего школьного возраста.

Заключение. Педагогическая теория служит расширению, но особенно актуализации научных знаний образовательных наук, а также необходима для подготовки учителей начального образования. Вклад исследования должен быть также в том, чтобы полученные сведения помогли лучшим междисциплинарным связям с психологической частью обучения, образовательной, социальной и онтогенетической психологией, специальной педагогикой, но и дидактикой для отдельных образовательных областей. Учитывая привязанность проекта к предыдущим исследованиям, есть возможность использовать некоторые проверенные исследовательские и контрольные инструменты для постоянного сбора данных о детях в начале обучения.

С помощью выбранных и созданных инструментов исследование предоставит актуальные результаты, в частности касающиеся образовательных, социальных характеристик и характеристики успеваемости детей непосредственно преподавателем-участником путем оперативного исследования. Эти результаты будут также формировать базу данных исследования. Для оперативного изучения в работе преподавателей дошкольного и начального образования может быть создана методологическая поддержка. Последующее использование результатов исследования в образовательной практике может внести значительный вклад в сотрудничество учителей, школьных и консультативных психологов и специальных педагогов [17]. Исследование использует концепцию рефлектированной теории в восприятии профессии учителя.

Подготовка учителей дошкольного и начального образования и их последующее совершенствование – полученные сведения – будет возможно внедрить в настоящую подготовку преподавателей начального образования. Целью исследования является также укрепление концепции рефлексивной подготовки учителей, которая относится к ключевым идеям нашей кафедры начального и дошкольного образования, ПФ, УМБ Банска Быстрица. Для непрерывного образования в течение всей жизни мы можем предложить практикующим учителям дальнейшее обучение, сосредоточивающееся на актуальных знаниях детей младшего школьного возраста. Создание научной литературы, но также частичное использование результатов преподавателями обеспечат укрепление осуществления концепции рефлектированной теории посредством оперативного исследования. Исследование должно помочь студентам дошкольного и начального образования, а также практикующим учителям лучше понять сегодняшних детей и феномен под названием «детский мир», в то же время укрепить компетентность учителей дошкольного образования и учителей-исследователей путем развития их диагностических и исследовательских способностей.

Педагогическая методология и исследование – создание структурированного исследовательского блока знаний о детях в этой возрастной группе (2015–2018 гг.) – позволили лучше сравнить международные частичные исследования и в перспективе создать базу данных для дальнейшего развития знаний в области педагогических исследований. Долгосрочная цель проекта ставит перед собой бо̀льшую задачу, чем трехлетний период проекта VEGA – проект спустя некоторое время необходимо повторить с целью исследования тенденции развития и динамики трансформации ребенка младшего дошкольного и младшего школьного возраста.

Назначением проекта является получение международного познания и сопоставление соответствующей проблематики, а также внедрение междисциплинарного сравнения в некоторые конкретные области. Более амбициозные ожидания – проблема для повторного исследования детей соответствующего возраста в будущем, с последующим сравнением изменений в мире ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Piaget, J. Psychologie dítěte / J. Piaget, B. Inhelderová. – Praha: SPN, 1970. – 120 s.
2. Vygotskij, L.S. Thought and language / L.S. Vygotskij. – Cambridge, MA: MIT Press. Pôvodné vydanie, 1934.
3. Helus, Z. Dítě v osobnostním ponětí / Z. Helus. – Praha: Portál, 2004.
4. Konzulin, A.B. Vygotsky´s Educational Theory in Cultural Context / A.B. Konzulin, B. Gindis, V.S. Ageyev, S.M. Miller (eds.). – Cambrdige: University Press, 2003.
5. Pollard, A. Reflective Teaching. Evidence Informed Professinal Practice / A. Pollard. – London; New York: Continuum International Publishing Group, 2008.
6. Bruner, J.S. The role of dialogue in language acquisition / J.S. Bruner; In A. Sinclair, R.J. Jarvella, and W.J.M. Levelt (eds.), The Child's Conception of Language. – New York: Springer-Verlag, 1978. – P. 241–256.
7. Marton, F. Some Effects of Content-neutral Instructions on Non-verbatim Learning in a Neutral Setting / F. Marton // Scandinavian Journal of Educational Research 18 (1): 199–208. doi:10.1080/0031383740180112.
8. Masfelder-Longayroux, D.D. Student Teachers´ reflections on their Learning Process: a Phenomenographic Analysis. Biennial Meeting of the European Association for Research on Learning an Instruction / D.D. Masfelder-Longayroux, N. Verloop, D. Beijaard. – Göteborg: august, 1999.
9. Sternberg, R.J. Kognitívní psychologie / R.J. Sternberg. – Praha: Portál, 2002.
10. Kasáčová, B. Children at the threshold of education and their world. [In:] Proceedings include at ICERI 2015 conference / B. Kasáčová. – Sevilla, 2015.
11. Hanesová, D. Development of Thinking Skills in ESP. In CO-MA-TECH 2001 / D. Hanesová. – Bratislava: STU, 2001. – Vol. II. – S. 501–506.
12. Babiaková, S. Children's preconcepts of linguistic and literary literacy at the threshold of education. [In:] Proceedings include at ICERI 2015 conference / S. Babiaková. – Sevilla, 2015.
13. Cabanová, M. Understanding Children At the Beginning Of School Attendance As a Challenge For Inclusive Education / M. Cabanová // Presented 8th annual International Conference of Education, Research and Innovation. Seville (Spain). 16th – 18th of November. IATED. 2015.
14. Kasáčová, L. Význam vizuálnej komunikácie v kontexte výtvarnej výchovy na 1. stupni základnej školy / L. Kasáčová, M. Sokol. – Banská Bystrica: PF UMB, 2010.
15. Chomsky, N. Problems of Knowledge and Freedom: The Russell Lectures / N. Chomsky. – Cambridge, MA: MIT Press. Pôvodné vydanie, 1972.
16. Browne, A. Developing Language and Literacy 3–8. University of East Anglia / A. Browne. – UK, 2009.
17. Hejlová, H. Nahlížení do světa dětí / H. Hejlová a kol. – Praha: PdF UK, 2013.

Поступила в редакцию 20.06.2017 г.

УДК 159.923.2-057.875

Стратегии преодоления трудностей у студентов с различным уровнем жизнестойкости

Косаревская Т.Е.,
Бекренева Ю.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье представлены результаты исследования личностных характеристик студентов, влияющих на способы реагирования и принятия решений в ситуациях стресса. Рассмотрены взаимосвязи жизнестойкости как черты, позволяющей справляться с дистрессом в направлении личностного роста, с другими характеристиками саморегуляции поведения.

Цель работы – определение выраженности жизнестойкости и ее основных компонентов; описание взаимосвязей жизнестойкости с копинг-стратегиями, саморегуляцией и самоотношением у студентов.

***Материал и методы.** В исследовании приняли участие студенты 1–3 курсов ВГУ имени П.М. Машерова. В ходе работы использованы: диагностический опросник «Жизнестойкость» С. Мадди (перевод и адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой), копинг-тест Лазаруса, опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, тест-опросник самоотношения В.В. Столина, корреляционный анализ.*

***Результаты и их обсуждение.** С помощью исследования выявлено, что такие компоненты жизнестойкости, как «вовлеченность» и «контроль», значительно влияют на отношение к стрессовым ситуациям. Студентам свойственны доверие к себе, позитивная самооценка, а также довольно высокий уровень понимания себя.*

Установлено, что у девушек ведущая роль принадлежит таким личностным стратегиям, как: «принятие ответственности», «бегство/избегание», «положительная переоценка», «концентрация на эмоциях и их выражение», «использование инструментальной социальной поддержки», «обращение к религии», «использование эмоциональной социальной поддержки». Из вышесказанного следует, что основной вектор совладания с трудностями у девушек – эмоционально-ориентированный. Юноши чаще демонстрируют проблемно-ориентированные стратегии поведения.

***Заключение.** Сравнительный анализ данных, полученных при использовании диагностических методик, показал наличие сложных неоднозначных взаимосвязей жизнестойкости с копинг-стратегиями, стилями саморегуляции и самоотношением у студентов разного пола. При этом жизнестойкость не является врожденным качеством, а формируется в течение жизни. Эту систему убеждений и способов реагирования можно развивать, активно используя собственные регулятивные процессы.*

***Ключевые слова:** жизнестойкость, вовлеченность, контроль, принятие риска, копинг-стратегии, совладание, самоотношение.*

Strategies of Overcoming Hardships for Students with Different Level of Vitality

Kosarevskaya T.E.,
Bekreneva Yu.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Findings of the research of student personality characteristics, which influence ways of reacting and decision taking in stress situations, are presented in the article. Vitality interconnections as a feature which makes it possible to cope with distress in the direction of personality growth, with other characteristics of behavior self-regulation, are considered.

The purpose of the work is identification of the expression of vitality and its main components; description of the connection of vitality and student coping strategies, self-regulation and self-attitude.

***Material and methods.** 1–3 year Vitebsk State University students participated in the research. S.Maddy Vitality diagnostic questionnaire (translation and adaptation by D.A. Leontyev, E.I. Rasskazova), Lazarus coping test, V.I. Morosanova "Style of behavior self-regulation" questionnaire, V.V. Stolin self-attitude test-questionnaire, correlation analysis were used.*

Findings and their discussion. *In the course of the research it was found out that such components of vitality as involvement and control considerably influence the attitude to stress situations. Students tend to trust themselves, to positively assess and understand themselves.*

It was found out that girl students have such leading personality strategies as responsibility taking, fleeing-avoiding, positive re-evaluation, concentration on emotions and their expression, using instrumental social support, turning to religion, using emotional social support. Consequently, the main vector of girl coping with hardships is emotionally oriented. Boy students more often demonstrate problem oriented behavior strategies.

Conclusion. *Comparative analysis of the data, received with the use of diagnostic methods, showed the presence of complicated ambiguous interrelations between vitality and coping strategies, styles of self-regulation and self-attitude of students of both the sexes. It should be taken into account that vitality is not an inborn quality but is shaped during life. This system of convictions and ways of reacting can be developed, actively using one's own regulation processes.*

Key words: *vitality, involvement, control, risk accepting, coping strategies, coping, self-attitude.*

Совладающее поведение можно определить как целенаправленное социальное поведение, позволяющее справиться с трудной жизненной ситуацией (или стрессом) способами, адекватными личностным особенностям и ситуации, через осознанные стратегии действий. Это сознательное поведение ориентировано на активное изменение, преобразование ситуации, поддающейся контролю, или на приспособление к ней, если ситуация не поддается контролю. Его стили и стратегии рассматриваются как отдельные элементы сознательного социального поведения, с помощью которых человек справляется с жизненными трудностями [1].

Жизнестойкость является фактором профилактики риска нарушения работоспособности и развития соматических и психических заболеваний в условиях стресса и одновременно способствует оптимальному переживанию ситуаций неопределенности и тревоги. Жизнестойкие убеждения создают своего рода «иммунитет» к действительно тяжелым переживаниям. Жизнестойкость влияет не только на оценку ситуации, но и на активность человека в преодолении этой ситуации – выбор копинг-стратегий [2].

Задача совладания с негативными жизненными обстоятельствами состоит в том, чтобы либо преодолеть трудности, либо уменьшить их отрицательные последствия, либо избежать этих трудностей, либо вытерпеть их [3].

Цель работы – определение выраженности жизнестойкости и ее основных компонентов; описание взаимосвязей жизнестойкости с копинг-стратегиями, саморегуляцией и самоотношением у студентов.

Материал и методы. В рамках исследования использовался комплекс диагностических методик: опросник «Жизнестойкость» С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой); копинг-тест Лазаруса; опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; тест-опросник «Самоотношение» В.В. Столина.

Результаты и их обсуждение. Результаты изучения жизнестойкости студентов позволили оценить их способность активно и гибко действовать в ситуации стресса и трудностей, степень уязвимости к переживаниям стресса. Систематизированные данные по жизнестойкости и ее компонентам сведены в таблицу 1.

Анализируя результаты, можно сделать следующие выводы: общий показатель жизнестойкости в пределах нормы наблюдается у 19% девушек и у 17% юношей, показатели ниже нормы составили 65% девушкек и 71% юношей, выше нормы соответственно 16% и 12%. Это говорит о том, что у девушек жизнестойкость и ее компоненты проявлены в большей степени. При этом нагрузка компонентов жизнестойкости различная:

1) вовлеченность – убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности. Показатели в пределах нормы и выше отмечены у 38% девушек и 35% юношей;

2) контроль – убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Показатели аналогичны – в пределах нормы и выше отмечены у 38% девушек и 35% юношей;

3) принятие риска – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. Этот компонент наиболее проявлен: показатели в пределах нормы и выше отмечены у 49% девушек и 44% юношей. Возможно, это связано с возрастными особенностями студентов, их открытостью новому опыту. Проведенная статистическая обработка данных с использованием коэффициента корреляции Спирмена показала, что жизнестойкость имеет высокую корреляционную связь со своими основными показателями: «вовлеченность» ($r = 0{,}934$, $p < 0{,}01$); «контроль» ($r = 0{,}915$, $p < 0{,}01$); «принятие риска» ($r = 0{,}767$, $p < 0{,}01$), что говорит о тесной взаимосвязи со всеми своими структурными компонентами.

Для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности в исследовании использовался копинг-тест Лазаруса. Результаты испытуемых по копинг-тесту распределены по уровням в таблице 2.

Таблица 1 – **Систематизированные данные по опроснику «Жизнестойкость»**

Показатели жизнестойкости	Количество испытуемых (в %)					
	Ниже нормы		В пределах нормы		Выше нормы	
	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши
Вовлеченность	62	65	35	26	3	9
Контроль	62	65	35	32	3	3
Принятие риска	51	56	35	41	14	3
Жизнестойкость	65	71	19	17	16	12

Таблица 2 – **Результаты испытуемых по копинг-тесту Лазаруса**

Копинг-стратегии (нормативные значения)	Низкий уровень напряженности (0–6 баллов)		Средний уровень напряженности (7–12 баллов)		Высокий уровень напряженности (13–18 баллов)	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Конфронтационный копинг	14	20,0	53	75,0	4	5,0
Дистанцирование	12	17,0	43	61,0	16	22,0
Самоконтроль	3	4,0	38	54,0	30	42,0
Поиск социальной поддержки	13	18,0	46	65,0	12	17,0
Принятие ответственности	23	32,0	48	68,0	0	0
Бегство/избегание	11	15,0	35	49,0	25	36,0
Планирование решения проблем	7	10,0	29	41,0	35	49,0
Положительная переоценка	6	9,0	33	46,0	32	45,0

Адаптивный (низкий уровень напряженности) и средний уровень напряженности стратегии конфронтации как возможности противостоять трудностям и стрессогенному воздействию демонстрируют соответственно 20% и 75% респондентов. При умеренном использовании данной стратегии она обеспечит способность к сопротивлению трудностям, энергичность и предприимчивость, умение отстаивать собственные интересы и справляться с тревогой в стрессогенных условиях.

Стратегия дистанцирования также свойственна испытуемым – 17% (адаптивный уровень) и 61% опрошенных (средний уровень) – характеризуется преодолением негативных переживаний за счет снижения значимости и степени эмоциональной вовлеченности.

Высокий уровень напряженности по стратегии принятия ответственности не выявлен ни у одного из испытуемых, 32% показали адаптивный уровень и 68% – средний уровень напряженности. Это означает признание своей роли в проблеме, что является, на наш взгляд, основой для различных способов организации своего поведения в трудных ситуациях. С одной стороны, это может вести к активным действиям по изменению ситуации (стратегии конфронтации, планирования, самоконтроля), а с другой – к самообвинению и избеганию решения проблемы.

Более половины опрошенных (58%) демонстрируют приверженность стратегии самоконтроля, что предполагает избегание эмоциональных импульсивных поступков, рациональный подход к проблемным ситуациям. Однако дезадаптивный уровень этой стратегии демонстрируют 42% испытуемых, что говорит о трудности для них произвольной регуляции поведения. На возможность использовать внешние ресурсы для разрешения проблемных ситуаций указали 83% респондентов: 18% – адаптивный и 54% – средний уровень.

Стратегии планирования решения проблемы и положительной переоценки событий как возможность целенаправленно и планомерно решать проблемные ситуации с положительным переосмыслением оказались наиболее трудными для респондентов: на высоком (дезадаптивном) уровне эти стратегии проявились у 49% и 45% опрошенных соответственно. Добавим, что отрицание либо полное игнорирование проблемы по шкале «бегство/избегание» обнаружили 36% испытуемых.

Показатели по всем шкалам и общий показатель жизнестойкости значимо ($p < 0,01$) коррелируют с показателями шкалы копинг-теста Ла-

заруса (способы совладающего поведения), что говорит о способности испытуемых к целенаправленному и планомерному решению проблемных ситуаций: «планирование решений» ($r = 0{,}501$, $p < 0{,}01$). Также выявлена слабая положительная корреляция с показателями по шкале «положительная переоценка» ($r = 0{,}395$, $p < 0{,}01$). Это говорит о возможности преодоления негативных переживаний за счет полного переосмысления проблемы и даже рассмотрения ее как стимула для личностного роста.

Наблюдается отрицательная взаимосвязь жизнестойкости в целом и двух шкал ее составляющих («вовлеченность» и «контроль») с показателями по шкале «избегание» ($r = -0{,}290$, $p < 0{,}05$). Следовательно, чем выше общий показатель жизнестойкости и его составляющих, тем ниже уровень показателя «бегство/избегание», и, как следствие, снижение частоты неконструктивных форм поведения (отрицания, пассивности, уклонения от ответственности). Также выявлена положительная корреляция с показателем «положительная переоценка» ($r = 0{,}395$, $p < 0{,}01$). Это говорит о возможности преодоления негативных переживаний за счет полного переосмысления проблемы или рассмотрения ее как стимула для личностного роста. С показателем по шкале «избегание» наблюдается отрицательная взаимосвязь жизнестойкости ($r = -0{,}290$, $p < 0{,}05$). Значит, чем выше общий показатель жизнестойкости и его составляющих, тем ниже уровень показателя «бегство/ избегание», и, как следствие, снижение неконструктивных форм поведения.

Таким образом, наиболее освоенными студентами оказались стратегии принятия ответственности, конфронтации, поиска социальной поддержки, дистанцирования. Высокие уровни напряженности обнаружены почти у половины участвовавших в исследовании студентов по стратегиям планирования решения проблемы, положительной переоценки событий, самоконтроля.

Для более дифференцированной оценки осознанной регуляции поведения испытуемых было проведено исследование с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения».

При оценке общего уровня саморегуляции 89% испытуемых показали достаточный уровень сформированности индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности (26% – высокий и 63% – средний уровень). При этом результаты по шкалам неоднозначны. Самые низкие показатели получены по шкале «самостоятельность». По шкале «планирование» средний уровень показали 44% опрошенных, высокий уровень обнаружен у 48% респондентов, что говорит о сформированной потребности в осознанном планировании деятельности и готовности это делать. Гораздо хуже студенты справляются с моделированием и программированием своей деятельности (высокий уровень у 26% испытуемых, низкий уровень у 13 и 18% соответственно).

Адекватно оценивать себя и свои результаты на высоком уровне могут 32%, на среднем – 55% испытуемых. Низко оценивают свою способность проявлять пластичность во всех регуляторных процессах 20% респондентов.

Повышение в дальнейшем общего уровня осознанной регуляции позволит легче овладеть новыми видами активности, увереннее чувствовать себя в незнакомых ситуациях и стабилизировать успехи в привычных видах деятельности. Активные копинг-стратегии, ориентированные на решение проблем, ведут к уменьшению имеющейся симптоматики, в то время как избегание и другие копинг-стратегии, направленные на редуцирование эмоционального напряжения, приводят к усилению симптоматики.

Чем выше показатель жизнестойкости, тем соответственно выше «общий уровень саморегуляции» и ниже такие показатели, как «поведенческий уход от проблемы» и «концентрация на эмоциях и их активное выражение». Сравнение результатов теста жизнестойкости с данными опросника «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, включающего семь шкал (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, самостоятельность, общий уровень саморегуляции), показало, что все шкалы опросника жизнестойкости значимо положительно коррелируют со следующими шкалами: «моделирование» ($r = 0{,}470$, $p < 0{,}01$); «оценка» ($r = 0{,}375$, $p < 0{,}01$); «гибкость» ($r = 0{,}348$, $p < 0{,}01$); «общий уровень саморегуляции» ($r = 0{,}466$, $p < 0{,}01$). Умеренные значения взаимосвязи этих показателей определяют наличие развитой способности осознанного моделирования человеком своих действий, адекватности оценки себя и результатов своего поведения. Способность перестраиваться при изменении внешних и внутренних условий обусловлена взаимодействием жизнестойкости с таким показателем, как «гибкость». Чем выше показатель жизнестойкости, тем соответственно выше и общий уровень саморегуляции. Со шкалой «самостоятельность» значимая корреляционная связь отсутствует.

Рассмотрим далее результаты изучения самоотношения у студентов. Структура самоотношения рассматривалась на трех уровнях. Первый уровень – «глобальное самоотношение» как внутренне недифференцированное чувство «за» и «против» самого себя ярко выражено у 67% опрошенных, у 17% респондентов признак не выражен.

Вера в себя проявляется как устойчивая личностная черта, подтверждением которой являются показатели второго уровня методики самоотношения. По шкале «самоуважение» средний и высокий уровни обнаружили 75% опрошенных. Низкий уровень выявлен у 25%, что говорит о личности с пониженным самоуважением, неустойчивом внутреннем мире, отсутствии твердой и последовательной линии поведения в общении. 65% респондентов обнаружили показатели среднего и высокого уровней по шкале «аутосимпатия», что свидетельствует о доверии к себе и позитивной оценке, о стремлении одобрять себя в целом и в частности. У 35% студентов выявлены готовность к самообвинению, низкая самооценка и стремление видеть в себе преимущественно недостатки.

По шкале «самоинтерес» средний и высокий уровни установлены у 67% студентов и низкий – у 33%. Важно отметить, что ожидание позитивного или негативного отношения к себе от окружающих выявлено на высоком уровне у 14%, а 51% респондентов не склонны переживать по этому поводу.

Третий уровень показателей по данной методике позволяет говорить о конкретных действиях в отношении к своему «Я». Самоуверенностью и ощущением силы своего «Я» обладают 61%, неудовлетворенность своими возможностями, ощущение слабости выявлены у 39% студентов. Вера в то, что характер, деятельность человека вызывают у других уважение, симпатию, одобрение свойственна 61% опрошенных, что соответствует среднему и высокому уровням по шкале «отношение других». Средний и высокий уровни саморуководства у 75% респондентов говорят о восприятии собственного «Я» как внутреннего стержня, наличия уверенности и контроля над собственными мыслями и чувствами. Зависимость от обстоятельств и низкий уровень саморегуляции показали 25% студентов. Получение информации о самом себе, анализ собственных возможностей, личностного и субъектного потенциала – все это характеристики высокого и среднего уровней самоинтереса, выявленных у 76% студентов; низкие показатели – у 24%. Процесс саморефлексии, возможность изучения причинно-следственных связей в собственной душевной жизни имеют прямое отношение к шкале «самопонимание»: у 67% студентов – высокие и средние показатели, у 33% – низкие. В таблице 4 представлены интегральные показатели уровней жизнестойкости, саморегуляции и глобального самоотношения.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Несмотря на то, что общий уровень жизнестойкости довольно низко оценивают 68% студентов, 89% респондентов считают, что способны справляться со сложными жизненными ситуациями и регулировать свое состояние на среднем и высоком уровнях. Глобальное самоотношение, то есть чувство принятия себя, положительное отношение к себе на нормативном и высоком уровнях выявлено у 83% студентов. Сравнительный анализ данных, полученных при использовании названных методик, показал наличие сложных неоднозначных взаимосвязей между характеристиками, определяющими адаптационный потенциал личности.

Таблица 3 – **Показатели испытуемых по опроснику «Стиль саморегуляции поведения»**

Регуляторная шкала	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Планирование	6	8	31	44	34	48
Моделирование	9	13	43	61	19	26
Программирование	13	18	40	56	18	26
Оценивание результатов	9	13	39	55	23	32
Гибкость	14	20	36	51	21	30
Самостоятельность	21	30	42	59	8	11
Общий уровень саморегуляции	8	11	44	63	19	26

Таблица 4 – **Интегральные показатели**

Интегрированные показатели	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Жизнестойкость	68	18	14
Саморегуляция	11	63	26
Глобальное самоотношение	18	16	67

Заключение. Анализ полученных данных выявил, что у девушек жизнестойкость и ее компоненты выражены в большей степени. Они чаще, чем юноши, прибегают к использованию мысленного ухода от проблемы, концентрации на эмоциях и их активному выражению, а также использованию инструментальной и эмоциональной социальной поддержки. В целом, эти особенности полностью соответствуют существующим данным о склонности женщин к эмоциональному реагированию и большей готовности обращаться за социальной поддержкой в трудных ситуациях.

Наиболее освоенными студентами оказались стратегии принятия ответственности, конфронтации, поиска социальной поддержки, дистанцирования. Высокие уровни напряженности обнаружены почти у половины участвовавших в исследовании студентов по стратегиям планирования решения проблемы, положительной переоценки событий, самоконтроля.

Отношение личности к себе, возникая как результат развития самосознания, является в то же время одним из основных ее свойств, значительно влияющих на формирование содержательной структуры и формы проявления целой системы других психических особенностей личности. Адекватно осознанное и последовательное отношение личности к себе предстает как основа ее внутреннего психического мира, создавая его целостность, упорядочивая внутренние ценности личности, принятые в отношении самой себя. Высокий уровень саморегуляции позволяет компенсировать влияние личностных, характерологических особенностей, связанных с различными особенностями самоотношения и своими убеждениями. Жизнестойкость не является врожденным качеством, а формируется в течение жизни, следовательно, эту систему убеждений можно развивать, активно используя собственные регулятивные процессы. Это необходимый ресурс, на который юноши и девушки могут опереться при выборе своего будущего в меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости: метод. руководство по новой методике психологической диагностики личности с широкой областью применения. Предназначается для профессиональных психологов-исследователей и практиков / Д.А. Леонтьев, Е.А. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
2. Куфтяк, Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Е.В. Куфтяк, Т.Л. Крюкова // Журнал практического психолога [Электронный ресурс]. – 2007. – № 3. – Режим доступа: http://www.psylist.net/praktikum/00298.htm. – Дата доступа: 30.05.2016.
3. Крюкова, Т.Л. Психология совладающего поведения / Т.Л. Крюкова. – Кострома: «Аквантитул», 2004. – 344 с.

Поступила в редакцию 19.06.2017 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал **«Право. Экономика. Психология»** публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

– индекс УДК;

– название статьи;

– фамилия и инициалы автора (авторов);

– организация, которую он (они) представляет (-ют);

– введение;

– раздел «Материал и методы»;

– раздел «Результаты и их обсуждение»;

– заключение;

– список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел ***«Материал и методы»*** включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе ***«Результаты и их обсуждение»*** автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В ***заключении*** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. ***Список литературы*** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Исполь-

зуется следующий формат страницы: абзац – 1 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К статье нужно приложить экземпляр иллюстраций. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

13. К статье прилагаются следующие материалы:

– реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;

– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

16. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal **"Law. Economics. Psychology"** publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

– UDC index;

– title of the article;

– surname and initials of the author (s);

– represented organization;

– introduction;

– section "Materials and Methods";

– section "Results and Discussions";

– conclusion;

– bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section ***"Materials and Methods"*** includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section ***"Results and discussions"*** the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section ***"Conclusion"*** must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. ***References*** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows. Use the following format page: paragraph – 1 cm; field: top – 2,5 cm, from the bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, on the right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations should be numbered in the order of citation

in the text. It is necessary to attach a copy of illustrations to the article. Figure captions, diagrams and tables are printed single-spaced. The names of tables and figures should not be abbreviated.

11. The size of all variables used in the text should comply with the International System of Units (SI).

12. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

13. The article should be accompanied by the following materials:

– abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

– key words in the original language;

– name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

– the author's home address, phone number, e-mail address;

– recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

– expert opinion on the possibility of publishing in the press.

14. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

15. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

16. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.